

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В XXI СТОЛЕТИИ

*Материалы IV Республиканского научно-практического
семинара с международным участием*

01 марта 2019 года

Горловка
2019

УДК 81'25
ББК Ш83.07
А43

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 9 от 27.03.2019)*

Ответственный редактор:

И.В. Решетарова – канд. филол. наук, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «ГИИЯ».

Редакционная коллегия:

М.Н. Ивахненко – канд. филол. наук, заведующий кафедрой зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «ГИИЯ»;

В.А. Вострецова – канд. филол. наук, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «ГИИЯ».

**Актуальные проблемы переводоведения в
XXI столетии : материалы IV Респ. науч.-практ. семинара
с междунар. участием (Горловка, 01 марта 2019 г.). –
Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2019. – 200 с.**

В сборник вошли материалы IV Республиканского научно-практического семинара, посвящённого проблемам когнитивного, этнолингвистического, лингвокультурологического, социолнгвистического, социокультурного аспектов современного переводоведения, истории перевода, вопросам редактирования переводов, методике преподавания перевода.

**УДК 81'25
ББК Ш83.07**

Андреанова В.В.
(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА, СОДЕРЖАЩЕГО РЕАЛИИ

Вопрос исследования реалий как класса безэквивалентной лексики и способов достижения адекватности перевода художественного текста, начатый во второй половине XX века, остаётся одним из самых спорных в теории и практике перевода. Этот вопрос важен для выявления национальной специфики мировоззрения разных народов, так как с помощью реалий можно понять быт, культуру, исторические факты, обычаи, этнонациональные особенности, которые отсутствуют в другой лингвокультурной среде. Использование реалий в художественном тексте позволяет писателю передать дух эпохи и добиться эмоционального воздействия на читателя.

Большинство исследователей, занимающихся проблемой безэквивалентной лексики понимали значение «эквивалента» по-разному. Например, А. Иванов понимает его как «функциональное соответствие в языке перевода, передающее на аналогичном уровне плана выражения (слова, словосочетания) все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения <...> исходной единицы языка-источника» [2, с. 7]. В. Комиссаров считает, что «эквивалент предполагает полное тождество между соответствующими единицами двух языков в плане содержания (семантика, коннотация, фон)» [3, с. 22].

Эквивалентность может сохраняться на основе разных элементов смысла, которые прослеживаются в оригинале и могут содержать межязыковую коммуникацию на любом уровне. Устанавливая условия эквивалентности Дж. Кэтфорд полагает, что для того, чтобы существовала переводческая эквивалентность, необходимо, чтобы как исходный, так и конечный тексты были бы соотносимы с функционально релевантными признаками данной ситуации. Функционально релевантные признаки устанавливаются переводчиком на основании его знаний культурного контекста. Ю. Найда и Ч. Тейбер выдвинули такое определение: «Перевести – значит создать на переводящем языке текст, максимально эквивалентный сообщению на исходном языке, прежде всего в смысловом, а также стилистическом отношении» [4, с. 53]. Так на основе этого тезиса был положен признак функциональной релевантности, в соответствии с которым переводчик должен

создавать эквивалентный, а не одинаковый текст. Данное определение объясняет принцип динамической эквивалентности, предполагающее, что для реципиента перевода текст звучит естественно и вызывает такой же эмоциональный эффект, как и исходный текст в условиях соответствующей культуры.

Как правило, художественные тексты представляют больший интерес для лингвистов, чем научные тексты, которые несут определённую информацию, влияющую на рациональное мышление человека. Художественные тексты представляют собой повествование о различных событиях, несущих для человека эмоциональный интерес. При трактовке художественного текста исходный текст или текст оригинала не изменяется сам по себе, а остаётся неизменным, но вместе с тем на его основе создаётся другой текст, на другом языке, называемый переводом. С. Власенко указывает, что «перевод не может обеспечить исчерпывающе полного процесса коммуникации в связи с тем, что неизбежна потеря части информации из-за невозможности иметь идентичный культурно-языковой фон всем участникам коммуникативного процесса» [1, с. 115].

Таким образом, можно прийти к выводу, что, во-первых, изобразительность и эстетичность художественного произведения представляют большую сложность при переводе; во-вторых, на перевод и смысловую трактовку влияют отдельные особенности интерпретатора и стили автора и переводчика.

Литература

1. Власенко С. В. Текст как объект референции [Электронный ресурс] / С. В. Власенко // Вопросы психолингвистики. – 2010. – Режим доступа к журналу : <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-obekt-referentsii>.
2. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика : учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 192 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – 1990. – 253 с.
4. Nida Eu. A. The Theory and Practice of Translation / Eugene A. Nida, Charles S. Taber. – Brill-Leiden- Boston, 2003. – 229 p.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАК КРИТЕРИЙ ОСВОЕННОСТИ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ
(на материале переводов английской литературы XIX века)**

Синонимия – тождество или близость значений разных по звучанию языковых единиц одного языкового уровня (прежде всего слов, а также словосочетаний, предложений и т. д.). Но филологические исследования зачастую не вводят пласт синонимов, называемый контекстуальным. Данный факт объясняется тем, что они являются ситуативными, либо же авторскими, и употребляются лишь в условиях определяющего контекста.

В ходе изучения функциональной ассимиляции иноязычных заимствований в русском языке нами были обнаружены некоторые закономерности использования контекстуальных синонимов-заимствований, а также причины употребления таких синонимов на месте прямых эквивалентов-заимствований.

С нашей точки зрения, особый интерес представляет лексическая пара *дама* – *lady*, поскольку в некоторых случаях лексема *lady*, с точки зрения переводчика, соответствует прототипу первоисточника. Мы отметили и определённую закономерность: рассказывая о реалиях различных стран, об иностранных женщинах, переводчик предпочитает переводить лексему *lady* на русский язык словом *леди*, но, тем не менее, описывая российскую действительность, автор выбирает лексему *дама*. Это обусловлено, прежде всего, экстралингвистическими факторами, так как в некоторых случаях можно наблюдать неразличение форм в сознании переводчиков-билингвов. Сравним: *Ladies of the court* (Memoirs of Dashkoff) – *Придворные дамы* (Записки княгини Дашковой); *the appearance of a lady frightened him beyond measure* (Vanity Fair) – *общество дам смущило его* (Ярмарка тщеславия); *I had heard from Lady Pembroke...* (Memoirs of Dashkoff) – *Я услышала от леди Пемброк...* (Записки княгини Дашковой); *...asked Miss Pinkerton herself, that majestic lady* (Vanity Fair) – *...спросила сама мисс Пинкертон, величественная леди* (Ярмарка тщеславия). Данные примеры показывают, что переводчик подбирает разные русские эквиваленты для слова *lady*, взяв во внимание этнический признак обеих, подчёркивая их национальную принадлежность в «Записках княгини Дашковой». Но стоит также отметить, что в «Ярмарке тщеславия» данная тенденция не прослеживается. По всей видимости, автор пытается

сохранить национальные концепты, присущие отдельно взятому национальному культурному миру [2, с. 97]. Выделим и тот факт, что в переводном источнике присутствуют примеры, в которых переводчик при описании иностранок предпочитает использовать лексему *дама* на месте английского *lady*, например: *We were presented to their majesties by a Neapolitan lady* (Memoirs of Dashkoff) – *Мы представлены были королю Неаполитанской дамой* (Записки княгини Дашковой). Тут А.В. Федоров отмечает, что одно и то же слово подлинника, будучи употреблено в разных контекстах, делает необходимым в переводе выбор разных слов [3, с. 144].

Значение слова *леди* может быть рассмотрено на уровне корреляции, что можно обосновать с помощью словарного значения лексемы. По данным Всероссийского словаря толкователя 1893 года, в XIX веке лексема *леди* изначально показывала титул королев, затем принцев крови, ныне же этот титул даётся женам английских баронетов, эсквайров и дочерям герцогов, маркизов и графов. Тут делается акцент на значении лексемы как замужней женщины. По данным Longman Dictionary of Contemporary English, значение слова *lady* имеет немного другую трактовку: 1) a woman; 2) a woman of good manners and behaviour or of high social position; 3) a man's wife or a female friend.

Принимая во внимание значения русской и английской лексем, можно сделать вывод, что русская лексема *леди* является прототипом для английского слова *lady*. *Дама*, в свою очередь, имеет несколько значений: 1) женщина, принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу; 2) замужняя женщина в отличие от барышни, девушки; 3) женщина или девушка, танцующая в паре с кавалером; 4) третья по старшинству игральная карта. В словаре иностранных слов 1875 года дается три значения для лексемы *дама*: 1) госпожа; 2) фигура в игровых картах, старше валета и младше короля; 3) шашка, в игре того же названия. По данным словаря 1893 г., изначально лексема использовалась для называния жён или возлюбленных рыцарей.

Из рассмотренного нами примера становится ясно, что в переводах достаточно часто используются контекстуальные синонимы-заимствования, что свидетельствует о широком их распространении в русском языке XIX века, а также функциональной освоенности лексем.

Литература

1. Габдреева Н. В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода : монография / Н. В. Габдреева, А. В. Агеева, А. Р. Тимиргалеева. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. – 328 с.

2. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме : учеб. пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Киринозе. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 224 с.
3. Федоров А. В. Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 336 с.

Артамонова Е.И.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В процессе развития языка вопрос цветообозначений не теряет актуальности. В данной работе мы исследовали особенности перевода прилагательных цвета с французского языка. Цвет является не только фактом реальной действительности или частью зрительного восприятия окружающего мира или описательным способом. С точки зрения лингвистики цвет – это концепт, заключающий в себе отношение к определенному предмету.

Анализируя материалы французских каталогов женской моды, следует отметить богатство цветовой гаммы французского языка, что, иногда, и является сложностью при переводе на русский язык. Рассмотрим более подробно пример перевода цвета с французского на русский.

При переводе обозначений красного цвета с французского языка необходимо обращать внимание на контекст, ведь во многих языках этот цвет имеет положительное значение. В переводе с французского наличие красного цвета в описании внешности или внутреннего состояния человека будет иметь отрицательное значение, например, *rouge comme un chérubin* – с полным, румяным лицом. Символические значения красного цвета очень многообразны и противоречивы. С одной стороны, красный цвет символизирует красоту и любовь, радость и полноту жизни. С другой, – вражду, месть, войну; красный цвет ассоциируется одновременно с кровью и огнём, жизнью и смертью: *chapeau rouge* – обезглавленный; *travailler dans le rouge*, (арго) – убивать. Во французском языке элемент, обозначающий красный цвет, является составляющей ряда пословиц: *Le papier souffre tout et ne rougit de rien; tant chauffe-t-on le fer qu'il rougit*.

Красный является основным геральдическим цветом. На знамёнах он символизирует независимость, борьбу, бунт,

революцию. В 1832 г. во Франции знамя красного цвета впервые было употреблено как эмблема революционного движения. Так красный цвет становится символом борьбы за свободу [1, с. 186]: *bonnet rouge* – *красный колпак* (о якобинцах); *chemises rouges* – *красные рубашки* (о гарибальдийцах).

Но если во французском тексте красный цвет употребляется в переносном значении, мы можем судить о наказании, нелегальности, незаконности [2, с. 25]: *porter le fer rouge sur une (dans la) plaie* – *выжечь калённым железом, применить сильнодействующее средство*; *compte en rouge* – *пассивный счёт*; *être en rouge* – *быть в затруднительном положении*.

Исследуя французский дискурс моды [3], можно встретить такие оттенки белого, как цвет слоновой кости *ivoire*, цвет пены *couleur d'écume*, цвет *écru* (белый с бледно-сери-жёлтым или светлосери-жёлто-коричневым оттенком; цвет неотбеленного шёлка или льна), цвет *champagne* (белый с жёлто-оранжевым оттенком, ассоциируется с шампанским). Наиболее часто встречается во французских каталогах моды оттенок белого *écru* (26 % всех случаев употребления цветообозначений белого и его оттенков). На втором месте по частотности употребления в исследованных французских каталогах женской моды находятся обозначения цвета *champagne* (15%). Частотность употребления цветообозначений *ivoire* и *couleur d'écume* с различными определениями во французском дискурсе моды составляет 10% и 7%, соответственно.

В данной работе мы также исследовали перевод цвета в пословицах, что составляет особую сложность:

1. *Le papier souffre tout et ne rougit de rien.* – *Бумага всё стерпит.*
2. *Tant chauffe-t-on le fer qu'il rougit.* – *Куй железо, пока горячо.*
3. *Etre blanc comme la neige.* – *Быть совершенно невинным.*
4. *Sortir blanc comme neige.* – *Сохранить незапятнанную репутацию.*
5. *S'en tirer blanc comme neige.* – *Выйти сухим из воды.*
6. *Les mains noires font manger le pain blanc.* – *Глаза боятся, руки делают.*
7. *Quand une vache blanche entre dans une étable, une vache blanche en sort cent ans après.* – *Яблоко от яблони не далеко падает.*
8. *La tête d'un innocent ne blanchit jamais.* – *На воре и шапка горит.*
9. *Terre noire fait bon blé.* – *Что посеешь, то и пожнёшь.*
10. *Le sac noir noircit son voisin.* – *Не рой другому яму – сам в неё попадёшь.*

Таким образом, необходимо сделать вывод, что при переводе цветоименований следует обращать внимание на контекст. В тексте цветообозначение может иметь не только понятие, не

только наглядный образ цвета, но и определённые эмоционально экспрессивные оттенки.

Литература

1. Давидян З. О. Семантика цветообозначения во французском и испанском языках (универсальное и национальное) / З. О. Давидян // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. – 2009. – № 1. – С. 185-188.
2. Тугушева Ф. А. Семантика цветообозначений в разносистемных языках (на материале балкарского, русского и французского языков) / Ф. А. Тугушева. – Нальчик, 2003. – С. 24-32.
3. Каталог женской моды на франц. языке «Helline» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.helline.fr/HellineFr>.
4. Каталог женской моды на франц. языке «AfiBEL» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.afibel.fr>.

Артёмов Д.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ЦЕЛОСТНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Как известно, язык отражает менталитет нации, ведь он неразрывно связан с его носителями и выступает одним из главных способов выражения национального сознания и отражения национальной культуры. Картина мира любого народа содержит в себе элемент самоидентификации. Любому явлению в языке, так или иначе, присваивается какая-то оценка. Именно поэтому в лингвистике уделяется много внимания изучению фразеологии языка, ведь она – ключ к пониманию других людей, показывает нам видение мира и особенности национальной культуры.

Фразеологический оборот и свободное словосочетание принадлежат к разным языковым уровням – лексическому и фразеологическому; у слова есть лексическое, а у фразеологизма свое специфическое значение, которое создается сочетанием компонентов с полностью или частично переосмысленным значением. Семантика слова контекстуально обусловлена, тогда как семантика фразеологизмов не зависит от контекста, поэтому они в основной своей массе являются однозначными. Компонентность фразеологизмов вызывает сложность семантической структуры устойчивого оборота.

Для таких устойчивых единиц характерна совокупность признаков. Если принять во внимание их семантику, форму, характер функционирования, способ представления денотата, то одной из определяющих характеристик, кроме компонентности, является целостность значения, которая формируется в результате переосмысления свободного словосочетания-прототипа, деактуализации компонентов, которые в разной степени теряют предметную (денотативную) направленность. Рассматривая один из способов психологического анализа, когда целое распадается на элементы, профессор Л.С. Выготский сравнивал этот процесс с химическим расщеплением воды на кислород и водород [1, с. 241]. Нечто подобное происходит и с компонентами в составе фразеологических единиц, отдельные значения которых будто растворяются в своих фразеологических связях, формируя новое синтетическое значение. Наиболее ярко это проявляется у фразеологических сращений и единств.

Целостность семантики фразеологизмов проявляется в их воспроизводимости в речи и в стабильности компонентного состава и структуры.

Воспроизводимость фразеологизмов в речи объясняется тем, что они в языке существуют как готовые «блоки», из которых мы и конструируем предложения и которые используем в процессе образной номинации предметов, явлений и свойств. Они не создаются, а воспроизводятся как готовые целостные единицы с фиксированным значением, компонентным составом и структурой: *hail Columbia; натолочь под бока*, например, означает ‘побить’.

Таким образом, из-за того, что оформленность зависит от этимологического элемента содержания каждого компонента, фразеологизмы не трансформируются в сложные слова. С другой стороны, их целостность возникает вследствие метафоричности и деактуализации компонентов, которые только в совокупности сохраняют содержание, находя воспроизведение в речи.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 480 с.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ ДИСКУРСА НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АРТ-ДИСКУРСА И РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ

Культура как важнейший аспект человеческого существования в индивидуальном и социальном измерениях является одним из главных предметов дискурсных теорий. В состоянии общественного уклада происходят постоянные изменения: стремительно развивается не только наука и техника, но также интересы, ценности и моральные установки людей современного общества. В связи с этим в жизни постиндустриального информационного общества появляется необходимость напоминать о существующих нормах поведения и нравственности, также важно прививать людям любовь к искусству, что помогает развиваться личности и расширяет кругозор. Таким образом, одним из постоянных спутников человека стала реклама, а также различные отрасли искусства, например, такие, как киноиндустрия и литература.

Перевод рекламных слоганов отличается ярко выраженной коммуникативной направленностью. Переводчику во время перевода приходится решать различные языковые и лингвистические проблемы, которые обусловлены различными семантическими структурами и особенностями использования двух языков, а также проблемы адаптации слоганов для иностранной аудитории. Переводчику необходимо учитывать традиционные, национальные и социальные особенности, нормы поведения потенциальных потребителей. В противном случае, переводчик может погубить рекламную кампанию.

Специфика арт-дискурса заключается в том, что он объединяет в себе потребность в творчестве и коммуникации. Подобный способ общения необходим человеку для понимания окружающего мира. Данный дискурс обслуживает мир искусства, комментируя и интерпретируя его. При переводе подобного рода материалов переводчику необходимо рассматривать этические, этнические, психологические особенности того или иного народа [1, с. 63].

Из-за того, что русский и английский языки различны, при переводе дискурсов используются различные трансформации: лексические, которые включают конкретизацию, антонимический перевод, генерализацию, смысловое согласование, адаптацию, компенсацию и экспликацию; стилистические, к которым относится

модуляция; грамматические, среди которых – перестановки, опущения, замены, добавления [2, с. 45].

К примеру, рекламный слоган *Born to lead* переведён *Рожден, чтобы быть лидером*. В данном случае использовался приём замены части речи: глагол *to lead* при переводе был замещён существительным *лидер*.

Ещё одним примером замены является слоган пива: *Carlsberg – probably the best lager in the world*. – *Карлсберг – пожалуй, лучшее пиво в мире*. В данном случае существительное *lager* было заменено на существительное *пиво*, так как далеко не все люди знают о том, что *лагер* обозначает светлое пиво. Также в переводе данного слогана наблюдается такой приём, как генерализация.

Крайне редко используется дословный перевод рекламных слоганов. Примером такого перевода является рекламный слоган всем известной компании *LG Life's Good – Жизнь хороша*. Несмотря на то, что переводчик использовал дословный перевод, слоган звучит ёмко и доступно для аудитории. Основная идея была передана, и данную рекламу можно считать успешной.

В заключение хочется отметить, что проблематика перевода рекламных текстов и арт-дискурса обладает широким потенциалом для дальнейших исследований. Благодаря процессу глобализации развиваются международные отношения, всё больше зарубежных товаров появляются на наших рынках, следовательно, есть потребность в переводе рекламных слоганов, а с развитием киноиндустрии появляется всё больше и больше зарубежных фильмов, которые необходимо адаптировать для аудитории. Поэтому, можно говорить о том, что тема исследования актуальна и сейчас.

Литература

1. Макарова О. А. Концептуально-метафорическое наполнение культурологического дискурса / О. А. Макарова // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – Вып. 85. – С. 180-185.
2. Щетинкин В. Е. Пособие по переводу / В. Е. Щетинкин. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.

Балко М.В.
(ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной
службы при Главе Донецкой Народной Республики»,
Донецк, ДНР)

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СЛАВЯН (на примере переводной агиографической литературы)

Древнерусская переводная письменность имеет исключительное значение в формировании культуры Руси. Становление и развитие жанровой палитры, стилистических и языковых особенностей такой литературы во многом определяется влиянием Византии, освоение опыта которой было чрезвычайно важно, поскольку в X в. (а именно с этого периода активизировались процессы заимствования Русью византийских образцов философской и литературной мысли) она переживает культурный расцвет. Неотъемлемой составляющей переводной древнерусской письменности была агиографическая литература.

Агиография (житийная литература) объединяет «жизнеописания христианских подвижников, причисленных Церковью к лику святых, их чудеса, видения, похвальные слова, сказания об обретении и о перенесении мощей» [1, с. 283]; при этом исследователи подчёркивают, что жития непременно следует изучать в широком историко-богословском и социально-культурном аспекте (ср. утверждение В. Живова: «Характер агиографической литературы непосредственно соотнесён со всей системой религиозных воззрений, различиями религиозно-мистического опыта и т. д.» [6, с. 11]). Древнерусская переводная житийная литература была не просто неотъемлемой, а наиболее устойчивой частью *Slavia orthodoxa* [9] – славянского православного культурного пространства. Переводы житий общих для всего Православия святых были направлены на распространение христианской морали у всех славянских народов и во всех слоях общества [2].

Несмотря на переводной характер большинства образцов древнерусской житийной литературы, учёные подчёркивают, что она не была чем-то чужеродным по отношению к исконной русской письменности. Так, В.М. Истрин [8] не фиксирует практически ни одного случая буквального и полного совпадения древнерусских памятников литературы с греческими списками. И эта особенность переводной агиографии ярко проявляется в функционировании в древнерусских житийных текстах форм двойственного числа.

Двойственное число (дуалис), по мнению О.Ф. Жолобова [7], характерно для большинства языковых семей в определённые

исторические периоды. Хотя употреблению таких грамматических форм в древнерусских памятниках посвящены работы классиков отечественного языкознания Л.А. Булаховского [3], Ф.И. Буслаева [4], Н.Н. Дурново [5], нельзя считать подкатегорию дуалиса изученной в достаточной мере.

Спорным остаётся определение природы двойственного числа. Заслуживает доверия точка зрения О.Ф. Жолобова [7], который объясняет существование форм дуалиса естественной двоичностью (выделением носителями языка парных предметов как отличных от множественных). Таким образом, наличие в агиографических текстах форм двойственного числа как признака книжной нормы свидетельствует о том, что естественная двоичность была составляющей языковой картины мира средневековых славян. Источником образования и развития этих форм целесообразно считать человеческое тело, что ярко прослеживается в проанализированных переводных агиографических текстах, а именно: в житиях Святого Ануфрия Пустынного и Алексея человека Божия.

В рассматриваемых памятниках отмечены следующие лексемы для обозначения парных частей тела: $pq\ddot{o}h$, $\acute{\iota}ozh$, $\acute{e}\acute{\iota}\grave{e}h\acute{\iota}h$, $\acute{a}h\grave{a}dh$, $q\grave{s}\grave{o}\grave{a}$, $q\grave{o}\grave{e}$, $\acute{\imath}\acute{a}\ddot{o}\acute{\imath}\grave{e}$, $\acute{e}\acute{d}\acute{e}\acute{e}h$. Рассмотрим подробнее первую из названных форм.

Зафиксированы все три грамлеммы числа слова $\delta q\acute{e}\grave{a}$: $\acute{a}\delta q\ddot{o}h\acute{\imath}\acute{\imath}\acute{a}\acute{e}$ (единственное число), $\acute{s}\acute{\imath}\acute{\imath}\acute{a}\acute{a}\acute{e}\acute{a}\acute{\imath}\acute{a}\acute{\imath}\acute{u}\delta q\acute{e}\acute{u}$ (множественное число), $\acute{s}\acute{a}\acute{\imath}\acute{e}\acute{\imath}\acute{a}\delta q\acute{e}\grave{a}\acute{\imath}\acute{a}$ (двойственное число). Для наименования множества пар рук в житиях наблюдается использование вариативных форм (либо множественное, либо двойственное число). При этом следует обратить внимание, что в оригинальном греческом тексте употребляются только формы единственного и множественного числа (последняя – для обозначении двух и более рук), так как в греческом языке дуалис исчез ещё до начала I века н. э.

Таким образом, переводная агиографическая письменность, развиваясь в общехристианском духовном и социокультурном контексте, обнаруживала самобытные черты, присущие славянской языковой картине мира. Естественная двоичность парных объектов, проявляющаяся в достаточно последовательном употреблении форм двойственного числа, – одна из таких специфических черт средневекового сознания славян.

Литература

1. Афиногенов Д. Е. Житийная литература / Д. Е. Афиногенов // Православная энциклопедия. – М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. – Т. 19. – С. 283-345.
2. Буланин Д. М. Древняя Русь / Д. М. Буланин // История русской переводной художественной литературы : Древняя Русь. XVIII

- век. Проза. – СПб. : Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. – Т. 1. – С. 17-73.
3. Булаховский Л. А. Интонация и количество форм dualis именного склонения в древнейшем славянском языке / Л. А. Булаховский // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1946. – Т. V. – Вып. 4. – С. 301-314.
 4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 626 с.
 5. Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка / Н. Н. Дурново. – М. : Гос. изд-во, 1924. – 376 с.
 6. Живов В. М. Святость Краткий словарь агиографических терминов / В. М. Живов. – М. : Гнозис, 1994. – 113 с.
 7. Жолобов О. Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. Двойственное число / О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. – М. : Азбуковник, 2001. – 235 с.
 8. Истрин В. М. Рецензия на книгу С. Виленского. Житие Василия Нового / В. М. Истрин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – Июнь. – С. 365-369.
 9. Пиккио Р. Slavia orthodoxa: Литература и язык / отв. ред. Н. Н. Запольская, предисл. В. В. Калугин. – М. : Знак, 2003. – 720 с.

Башкиров А.С.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Детская литература – особая «отрасль» литературы, имеющая ряд определённых особенностей. Именно с ними сталкивается переводчик при работе с произведениями, рассчитанными, в основном, на детскую аудиторию. Детская литература имеет свои особенности: она соответствует уровню знаний, возрастным особенностям читателей, жизненному опыту, психологическому развитию ребенка, ориентируясь на определённый тематический круг, полиграфическое оформление и жанровые характеристики. Детской литературе характерны экспрессивность, лиризм, богатство языка, динамичность развития сюжета, эстетическая мотивация языковых средств, а также в детских книгах используются элементы различных стилей. Специфическими особенностями детской литературы принято считать результаты процессов, способствующих большему взаимопониманию между автором и читателем в рамках характерных коммуникативных обстоятельств [2].

Писатели и исследователи, изучая педагогическую и дидактическую сущность детской литературы, отмечали специфику текста детского произведения, где происходят так называемые постоянные взаимообмены эстетики и дидактики, которые регулируются позицией автора и читательским восприятием. Эстетические качества детской книги определяются как немаловажные и дидактичные. Благодаря богатому языку, игре слов и языковым тонкостям, ребенок может повысить свой словарный запас.

Как в художественной литературе для взрослых, так и в детской литературе используются различные возможности словоупотребления прямых и переносных значений слов, тропов языковых и стилистических. Разнообразие речевых стилей связано с многообразием описываемой действительности и богатством индивидуальных оттенков эмоционального отношения к ней. Это проявляется в употреблении различных синтаксических средств, которые сочетают в себе особенности как книжно-письменной, так и устно-разговорной речи.

Жанрово-стилистические особенности перевода детской литературы связаны с понятием контекста в произведении. А понятие контекста всегда предполагает тесную связь с системой литературного стиля, к которому принадлежит подлинник и в котором он воссоздаётся на другом языке. Отсюда и появляется необходимость в более подробном изучении жанрово-стилистических особенностей перевода детской литературы на конкретных примерах.

Жанрово-стилистические особенности переводимого текста диктуют и выбор средств выражения той или иной мысли автора. В детской художественной литературе очень важно выразить идею, события, описать героев ярко и выразительно. Ребёнок воспринимает и переживает всё эмоционально и открыто, поэтому в произведении должен присутствовать эмоциональный компонент.

Перевод художественной литературы, как и перевод любого другого жанра, имеет свои особенности, но главной особенностью художественного перевода можно назвать то, что он обладает относительной самостоятельностью по отношению к оригиналу, таким образом, он становится частью литературной и социальной среды языка перевода. Читатели воспринимают перевод как оригинал, поэтому переводчик художественного произведения становится как бы соавтором этого произведения. При переводе художественного текста переводчику необходимо передать всю насыщенность содержательной, эмоционально-экспрессивной и эстетической ценности оригинала и постараться приблизить воздействие текста перевода на читателей к воздействию оригинала на исходную аудиторию.

Литература

1. Первушина Е. А. Художественный перевод как проблема сравнительного литературоведения / Е. А. Первушина // Rosa Mundi. К 90-летию преподавания истории зарубежных литератур в ДВГУ. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. – С. 174-181.
2. Потапова А. Е. Детская литература: подходы и критерии перевода [Электронный ресурс] / А. Е. Потапова. – Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/VZhDU/2010_49/Vip_49_40.pdf.

Болотова О.В.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

LES PARTICULARITÉS PRAGMATIQUES DE LA TRADUCTION

À l'échelle nationale l'activité de la traduction s'appuie sur des contacts littéraires et linguistiques français-russe et la deuxième moitié du XX s. était marquée par un essor des recherches dans le domaine de la théorie de la traduction.

Dans le vocabulaire de n'importe quelle langue il y a des réalités, c'est-à-dire les mots contenant une information socio-culturelle. Ces mots se rapportent au lexique sans équivalent dont les éléments constitutants sont les noms propres, les internationalismes, les régionalismes, les dialectismes, les phraséologismes.

Les réalités françaises se subdivisent en quelques groupes thématiques désignant: 1) les réalités de la vie quotidienne; 2) les réalités ethnographiques et mythologiques; 3) les réalités de la nature; 4) les réalités historiques et contemporaines; 5) les réalités onomastiques; 6) les réalités associatives. On peut traduire les réalités de la transcription commentée *maquis* – *маки, партизанское движение во Франции*; ou d'une façon descriptive (périphrastique) *maquis* – *партизанское движение, подполье*.

Les noms propres de n'importe quelle langue forment un groupe spécifique de réalités onomastiques (antroponymes, toponymes). Actuellement la transcription reste le moyen principal de la mise en valeur des noms propres étrangers: *Louis* – *Луи*, *Bordeaux* – *Бордо*, mais il y a quelques traductions consacrées par l'usage, par l'histoire du peuple français *Charlemagne* – *Карл Великий*, *Haute Garonne* – *Верхняя Гаронна*.

Les internationalismes, mots d'origine commune fonctionnant dans deux ou plusieurs langues, sont capables de transmettre une information

socio-culturelle. Selon O. Tcherednytschenko il y a quelques facteurs de la différenciation des internationalismes:

1) facteur sémantique – les divergences sur le plan sémantique (complètes *apparat* – *annapam* et partielles *auditoire* – *аудиторія*); 2) facteur phraséologique – divergences sur le plan des possibilités combinatoires *flotte* – *флот*, mais *être dans la marine* – *служить на флоте*; 3) facteur stylistique – divergences sur le plan stylistique ou expressif *courage* – *кураж*, *bravade* – *бравада* (ирон.); 4) facteur socio-culturel ou ethnographique – divergences sur le plan national *активист* – *militant et pas activiste*; 5) facteur formel – divergences de forme (morphologiques) *artilleur* – *артилерист*; *chansonnier* – *куплетист*; *bus* – *автобус* [1, с. 35].

Les phraséologismes dits internationaux fonctionnent dans plusieurs langues sous forme de correspondances, ils sont monoéquivalents, p.ex: fr. *gagner son pain*; angl. *to make one*; rus. *заработать на хлеб*; ukr. *заробити на хліб*; allemand *einem Broterwerb nachgehen*. En général, ce sont des phraséologismes de l'origine biblique et mythologique. Les calques phraséologiques sont aussi admis s'ils ne violent pas les normes lexicales de la langue emprunteuse, leur traduction est capable d'enrichir le fonds phraséologique de plusieurs langues *jeter les perles devant les pourceaux* – *метать бисер перед свиньями*. La traduction descriptive (périphrastique) s'emploie dans les cas, quand les phraséologismes d'origine se distinguent par une image spécifique et une couleur nationale originale, en renfermant l'information socio-culturelle *кот Васька слухаєт да єст* = *comme le chat de la fable, ils écoutent et n'en font qu'à leur tête*.

Donc on peut faire la conclusion, que des mots-réalités contenant une information socio-culturelle, ethnographique peuvent être traduits de différents moyens linguistiques et ont plusieurs variantes dans la langue source et dans la langue cible.

Littérature

1. Чередниченко О. І. Теорія і практика перекладу. Французька мова : підручник / О. І. Чередниченко, Я. Г. Коваль. – К. : Либідь, 1995. – 320 с.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА
«ВЕЖЛИВОСТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(на примере стихотворения В. Левина «Учтивый разговор»)**

В наши дни понимание культуры другого народа и другой страны является необходимым. В связи с возрастанием роли межкультурной коммуникации в процессе проведения переговоров между представителями разных стран актуализировалась потребность в изучении тонкостей восприятия представителей разных культур. Очень важным аспектом для межкультурного вербального общения и коммуникации людей является понимание языковых особенностей и культурных различий народов.

Вежливость является одной из наиболее характерных и отличительных черт английской лингвокультуры. Исследование, проведенное Т.В. Лариной, описанное в её авторской книге «Категория вежливости и стиль коммуникации», показало, что само понимание понятия «вежливость» очень разнится в менталитете англичан и представителей других культур. Согласно исследованию, большинство англичан воспринимают «вежливость» одинаково и более едины в своем представлении о нем, нежели русские. Отвечая на поставленный вопрос о вежливости и том, как англичане воспринимают это понятие, представители данной культуры отвечали кратко и лаконично. Так, с показателем в 62% большинство ответили, что «вежливость» означает внимание, уважение к другим людям; 59% респондентов высказали мнение о том, что вежливость – это частое употребление в своей речи слов «please» и «thank you». Кроме того, 50% понимают «вежливость» как хорошие манеры, присущие человеку [2, с. 131].

Ответы русскоязычных представителей показали более разнообразные варианты восприятия вежливости и касались достаточно большого и широкого спектра понятий. Наиболее частые ответы: «*Вежливость – это уважение других*» (всего 22%), «*Вежливость – это внимание к людям/к окружающим*» (13%) [2, с. 131].

Ориентируясь на приведенные данные, можно проанализировать особенности культуры англичан и их понимание вежливости на примере стихотворения В. Левина «Учтивый разговор» (подзаголовок – «История очень вежливая и не слишком короткая») [1, с. 54-58]. Отметим, что Вадим Левин – педагог, кандидат психологических наук, детский поэт, с юности увлечённый

английской поэзией настолько, что придумал новый жанр – «доподлинный перевод». В предисловиях к изданиям своих книг он неоднократно пояснял: «Мои переводы старинных английских баллад настолько новы, что англичане ещё не успели написать их подлинники. Поэтому я назвал их до-подлинники» [3, с. 3].

Стихотворение «Учтивый разговор» ясно демонстрирует, как на самом деле важен этикет и вежливость в менталитете англичанина. В сатирической форме автор описывает встречу двух мужчин-англичан, которые столкнулись друг с другом. История рассказана в виде диалога, ключевыми моментами которой является очень частое употребление обоими коммуникаторами слов «извините» и «простите», что, показавшись забавным, на самом деле является достаточно сопоставимой с реальностью картиной жизни представителя Англии. Это подтверждает исследование Т.В. Лариной о том, что большая часть англичан считает, что если хочешь казаться вежливым человеком, то необходимо использовать в своей речи вежливые слова-клише. Данные слова прививаются с самого детства практически каждому англичанину. Несмотря на то, что всё выглядит так гипертрофированно в стихотворении В. Левина, это является неотъемлемым компонентом жизни англичанина.

Немаловажное значение имеет и завершение сцены диалога «вежливых» англичан, апогеем которой становится драка. Автор показывает, что излишняя манерность и вежливость может привести к аккумулярованию эмоций, в том числе и агрессии, которая может проявиться, несмотря на соблюдение шаблонных схем поведения.

Подводя итог, можно сказать, что концепт «вежливость», как некий сгусток из сформировавшихся представлений о правилах взаимодействия между людьми, играет очень важную роль, если не является ключевым моментом в культуре и менталитете представителя английской культуры.

Литература

1. Жили-были Джим и Билли : [сб. стихов] / В. А. Левин; ил. М. Е. Спеховой. – М. : Нигма, 2019. – 64 с.
2. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации : сопоставление английской и русской лингвокультур / Т. В. Ларина. – М. : Рукописные памятники древней Руси, 2009. – 512 с.
3. Левин В. А. Глупая лошадь : Самые новые старинные английские баллады / В. А. Левин. – М. : ОКТОПУС, 2009. – 64 с.

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНТРОПОНИМОВ
В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на примере романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере)**

Перевод – это специфический коммуникативный акт. Его главная задача состоит в том, чтобы содействовать межкультурной и межкультурной коммуникации. Перевод представляет собой сложный и ответственный процесс, так как переведённый текст должен выполнять ту же прагматическую функцию, что и оригинал. А тем более сложным является литературный и художественный перевод, который всегда требует от переводчика творческого подхода, ведь ему необходимо обладать не только отличными знаниями иностранного языка, но и литературным талантом, уметь владеть словом, иметь дар писателя и чувствовать силу слова. Переводчик должен уметь не просто передать смысл переводимого текста, но сохранить оригинальность и индивидуальность материала.

Появление серии книг Джоан Кэтлин Роулинг о приключениях мальчика-волшебника Гарри Поттера вызвало большой интерес не только со стороны читателей, но и лингвистов. В России книги Дж.К. Роулинг представлены переводами И.В. Оранского, М.Д. Литвиновой и М. Спивак. Адаптацией украинского варианта занимались В. Морозов и С. Андрухович. Своеобразие «Гарри Поттера» состоит в том, что в этой книге причудливо переплетаются жанры сказки, детектива и фэнтези. Для достижения необходимого эффекта переводчики использовали различные средства и методы, в том числе русские и украинские идиоматические обороты, молодежный сленг и фразеологические единицы. Что касается собственных имён, они претерпели некоторые изменения. Дж. Роулинг создала множество имён, основываясь на истории и культуре, а также особенностях английского, французского и латинского языков. Выбор конкретного имени для литературного героя – дело автора. Писатель подбирает или конструирует личные имена, основываясь на знании характера, душевных и физических данных персонажа. Выбор имени может быть связан с художественным замыслом, жанром и стилем произведения. Однако, по тем или иным причинам читателю, не владеющему языком оригинала, бывает трудно понять весь подтекст, вкладываемый в них автором. Главной задачей переводчика является написание доступного и понятного перевода, который, тем не менее, сохраняет и передаёт основные черты оригинала.

К примеру, главный герой получил своё имя, по словам самой писательницы, в честь друга детства Джо Изна Поттера. Исследователи по-разному подходят к мифологическому значению этого имени. В английском фольклоре чёрт обладает эвфемистическим именем – Гарри. Также Гарри – сокращенно от Гарольд, так звали двух англосаксонских королей, прославившихся ратными подвигами; в то же время имя Гарри в современной Англии воспринимается как предельно простое и демократичное. Поттер («гончар») – фамилия, которая отсылает одновременно к понятиям «тонкого и кропотливого мастерства» и «очень простого происхождения».

Герои произведения – одна из главных причин огромной популярности «Гарри Поттера». Впечатление читателей усилено умелой транслитерацией, транскрипцией и переводом «говорящих имён», что составило для переводчиков определенные трудности, но дало огромный простор для возможности привнести в данное произведение авторское творчество и читательское воображение.

Литература

1. Корунец І. В. Теорія і практика перекладу (аспектний переклад) : підручник / І. В. Корунець. – Вінниця : «Нова Книга», 2003. – 448 с.
2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен : 4000 имен / А. И. Рыбак. – М. : Астрель, 2000. – 113 с.

Вдовенко В.С.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭТОНИМОВ В ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Детская литература занимает особое место в нашей жизни. Произведения, относящиеся к литературе для детей, на протяжении многих веков пользовались широкой популярностью, так как именно в детских сказках, баснях и песнях мы можем увидеть жизнь во всех её проявлениях. Детская литература – это искусство, и поэтому как искусству, ей свойственно выражение обобщённых идей в яркой, художественной форме – в конкретных образах [4].

Несмотря на большую популярность детской литературы, как русской, так и зарубежной, сфера её перевода не так давно начала вызывать интерес. Вплоть до начала XX века недостаточно внимания уделялось переводу детских произведений. Многие книги для детей просто подвергались адаптации, а не переводились.

Особое место в переводе детской литературы занимают имена собственные – поэтонимы (универсальный термин, соотносимый со всеми разрядами имен собственных в художественном тексте). В «Словаре ономастической терминологии» поэтоним толкуется как «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имён, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других» [3, с. 126].

По мнению М.В. Карпенко, все поэтонимы могут быть разбиты на две группы: прямо характеризующие и косвенно характеризующие, за пределами которых остаются имена исторических лиц, которые М.В. Карпенко поэтонимами не считала [1, с. 12].

Обычно переводчики произведений детской художественной литературы транслитерируют или транскрибируют имена и фамилии персонажей. Например, Баба-Яга в переводе звучит как *Baba-Yaga*, *Winnie-the-Pooh* – Винни-Пух. Это объясняется стремлением избежать чрезмерно эмоциональной окраски, из-за которой имя может превратиться в прозвище, а также рядом других соображений, как, например, желанием подчеркнуть национальность персонажа. Однако если в имени или фамилии содержится характеристика героя, их стилистическая функция начинает доминировать над номинативной. В этом случае чаще всего используется эквивалентный перевод, то есть использование речевых параллелей с тем, чтобы сказка, обретая естественное звучание на чужом языке, сохранила в переводе своеобразие оригинала, например, Принцесса Лягушка – *Princess the Frog* [2, с. 333-336].

Забавный случай представляет собой история перевода имени и фамилии героини нескольких книг знаменитой шведской детской писательницы Астрид Лингрен – Пеппи Длинныйчулок. Например, в английском переводе оно звучит как *Pippilotta Delicatessa Windowshade Mackrelmint Ephraim's Daughter Longstocking*, а в русском – *Пиппилотта Виктуалия Рульгардина Крисминта Эфраимсдоттер Длинныйчулок*. В обоих случаях переводчики прекрасно сохранили баланс между буквальным и поэтическим переводом с добавлением комического оттенка. А вот с переводом краткой формы имени возникли проблемы, так как при переводе на русский язык оно превратилось из *Pippi* (Пиппи) в *Pemmi*, а при переводе на французский – в *Fifi* (Фифи). Данный казус произошел в силу того, что оба переводчика стремились избежать неприятных для читателя смысловых ассоциаций.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что выбранный способ перевода поэтонима помогает максимально точно раскрыть образ и охарактеризовать персонаж. Проблема перевода

поэтонимов в детской литературе остаётся достаточно актуальной на сегодняшний день и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Карпенко М. В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса / М. В. Карпенко. – Одесса, 1970. – 43 с.
2. Мугтасимова Г. Р. Перевод сказок как межкультурный диалог / Г. Р. Мугтасимова // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции технологии : Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 27-30 июня 2012 г.). – Казань : Отечество, 2012. – С. 333-336.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
4. Теоретические основы перевода детской литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studbooks.net/2102522/literatura/teoreticheskie_osnovy_perevoda_detskoj_literatury#62.

Венжик Т.В.

*(МОУ города Горловки «Школа № 25
с углубленным изучением отдельных предметов»,
Горловка, ДНР)*

«СВОБОДНЫЙ ПЕРЕВОД» БОРИСА ПАСТЕРНАКА

Особое место в русской литературе XX века занимает всемирно известный русский поэт, прозаик, один из величайших мастеров поэтического перевода – Борис Леонидович Пастернак.

Он родился в Москве 29 января 1890 года. Отец, Леонид Осипович Пастернак, был известным художником, мать, Розалия Исидоровна – профессиональной пианисткой. Мальчик рос в атмосфере искусства: гостями семьи бывали С.В. Рахманинов, А.Н. Скрябин, В.А. Серов и М.А. Врубель. Будущий поэт и переводчик учился в классической гимназии, а после, в 1908 году, поступил сначала на юридический факультет и через год перевелся на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета. Карьере музыканта он предпочел путь поэта. Состоял в кружке московских литераторов «Центрифуга», который был частью движения литературного направления «футуризм». Первые стихи поэта напечатаны в 1913 году в сборнике «Лирика» [2, с. 493].

Пастернак владел двенадцатью языками и познакомил своих читателей с большим количеством талантливых переводов шедевров мировой литературы.

Считая Шекспира столпом английской литературы (как А.С. Пушкина в России), Пастернак задумал переложить на русский язык его трагедии и стихотворения. Уже через два месяца поэт перевел пьесу «Ромео и Джульетта». Одновременно он воплощает свой яркий замысел давних времён – перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира, заказанный ему Малым художественным академическим театром.

Он внёс свой вклад в знакомство с образцами английской (Ките, Суинберн, Рэли, Шелли, Байрон), немецкой (Сакс, Рильке, Гете, Клейст и др.), французской (Верлен, Верхарн), испанской (Альберта, Кальдерон), польской (Словацкий, Лесмян, Броневский), чешской (Незвал) и венгерской (Петефи) поэзии, а также лирикой грузинских поэтов (Табидзе, Бараташвили, Пшавела).

Помимо самих переводов, Пастернак дал теоретическое обоснование своих принципов и задач переводчика в многочисленных работах, посвящённых этой проблеме, таких как «Заметки переводчика» (1943 г.), «Антология английской поэзии» (1943 г.), «Замечания к переводам из Шекспира» (1956 г.), «Заметки о переводе» (1944 г.) [1].

В своих «Замечаниях к переводам из Шекспира» Пастернак так формулирует своё кредо: «Вместе со многими другими я думаю, что дословная точность и соответствие формы не обеспечивают переводу истинной близости. Как сходство изображения и изображаемого, так и сходство перевода с подлинником достигается живостью и естественностью языка. Наравне с оригинальными писателями переводчик должен избегать словаря, не свойственного ему в обиходе, и литературного притворства, заключающегося в стилизации. Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление».

Одни из главных правил Пастернака для работы с переводами были:

1. Переводить каждую речь тем же количеством строк, что и в оригинале.
2. Произвольно отклоняться от смысла подлинника автор художественного перевода не имеет права.
3. Через преодоление мнимой точности лежит путь к точности подлинной, к достижению основной цели – адекватности художественного впечатления.
4. Важными являются именно поэтические акценты диалогов персонажей.

Он утверждал, что перевод должен быть самостоятельным художественным произведением. «Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности», – пишет он в своих «Замечаниях к переводам Шекспира» [1].

В предисловии к первой публикации в издательстве «Молодая гвардия» он писал: «Для повышения шансов на счастье я переводил, так сказать, с завязанными глазами, наедине с текстом, словарем и небольшим издательским комментарием. Переводы мыслимы, потому, что они должны быть художественным произведениями и, при общности текста, становятся вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью. Переводы мыслимы, потому что до нас переводили друг друга целые литературы, и переводы – не способы ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общения культур и народов» [4].

Созданное Борисом Пастернаком несет в себе все черты его индивидуальности настолько, что не нуждается в подписи переводчика [3, с. 9].

В 1958 году Борису Пастернаку присудили Нобелевскую премию «За выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии». Власти вынудили поэта отказаться от этой премии. В декабре 1989 года Шведская академия вручила нобелевскую медаль сыну поэта Евгению [3, с. 10].

Умер Б.Л. Пастернак 30 мая 1960 года от рака легких в подмосковном посёлке Переделкино на 71 году жизни и похоронен на местном кладбище.

Литература

1. Добронравова О. В. Художественный перевод в творчестве Пастернака [Электронный ресурс] / О. В. Добронравова, Х. Н. Галимова, А. В. Паньков // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5. – № 2(15). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/hudozhestvennyy-perevod-v-tvorchestve-pasternaka>.
2. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы / Сост. Е. Пастернак. – М. : Худож. лит., 1988. – 511 с.
3. Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы. Переводы / Сост. Л. А. Озерова. – М. : Правда, 1990. – 544 с.
4. Третьякова Т. П. Великому Уильяму Шекспиру – 450 лет! шекспировскому «Гамлету» в переводе Бориса Пастернака – 75 лет! (заметки к памятным юбилейным датам) [Электронный ресурс] / Вестник Пермского научного центра. – 2014. – № 4. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/velikomu-uilyamu-shekspiru-450-let>.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ “THE CAULD LAD OF HILTON” НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Важной составляющей истории каждого народа являются сказки. Английские народные сказки издавна привлекали внимание многих писателей своей оригинальностью и необычностью. Тексты английских сказок насыщены конкретной информацией, констатацией фактов, они помогают знакомиться с культурой и бытом Англии. Из-за того, что в создании английской сказки приняли участие многие народы, населявшие острова в разное время (кельты, германские племена, нормандские завоеватели, англосаксы), их сюжеты наполнены различными мифологическими существами.

Специфическими персонажами некоторых английских народных сказок являются «брауни» (от английского слова “brown” – коричневый). Они описываются как маленькие добродушные духи, которые появляются ночью и совершают добрые дела по дому. Они никогда не позволяют людям себя видеть, и если хозяева замечают их, то брауни покидают этот дом. Иногда они проказничают в домах и совершают безобидные шалости.

Одной из сказок, в которой описывается характер и поведение брауни, является “The Cauld Lad of Hilton”. Сказка начинается с повествования о том, что самый вредный Брауни жил в большом доме Хилтон-Холл: *«At Hilton Hall, long years ago, there lived a Brownie that was the contrariest Brownie you ever knew. “What’s a Brownie?” you say. <...> Oh, it’s a kind of a sort of a Bogle, but it isn’t so cruel as a Redcap! What! you don’t know what’s a Bogle or a Redcap! <...> Of course a Brownie is a funny little thing, half man, half goblin, with pointed ears and hairy hide»* [4]. В пересказе Н.В. Шершневской сказка, которая называется «Малютка Брауни», начинается так: *«Малютка брауни жил в большом доме под названием Хилтон-Холл. – Постойте, а кто это – брауни? – спросите вы. Брауни – так называют в Англии домовых. Похожи они скорее всего на малюсеньких смешных человечков и бывают довольно симпатичные, но ужасно капризные»* [3]. Вариант сказки «Крошка брауни» в переводе Натальи Казаковой более приближен к оригиналу, повествование начинается следующим образом: *«Давным-давно жил один брауни, то есть домовый, – самый проказный из всех домовых на свете. <...> Постойте, а кто это – домовый? – спросите вы. Домовой, он вроде нечистого духа, только не такой коварный, как*

чёрт <...> Так знайте же, что домовой – это смешное крохотное существо, получеловек, полуэльф, весь волосатый и с острыми ушками» [1, с. 5].

В современном английском языке слово *Bogle* рассматривается как диалектное или архаичное от *bogey* и поясняется как *hobgoblin*. *Redcap* – это злой и кровавый гоблин. Происходящее от старонормандского *gobelin*, это понятие имеет отношение к английской и шотландской мифологии. В переводе на русский *hobgoblin* обозначает «пугало, привидение, домовой»; а *goblin* – «домовой». В существующих толковых словарях русского языка «домовой» определяется как добрый или злой дух, который живёт в доме [2].

Для представителей англоязычной культуры понятна разница между «брауни», «гоблинами», «добби», «боггартами» и другими разновидностями богатого английского фольклора. Читателям другой лингвокультуры трудно её понять, поэтому переводчикам приходится прибегать к лингвокультурологической адаптации, т. е. приспособлению текста к предельно адекватному восприятию читателя иной культуры при помощи различных лингвистических процедур. Лингвокультурологическая адаптация играет важную роль при переводе ярко окрашенных национальных произведений, в том числе и народных сказок.

В переводе Н. Шершевой «брауни» поясняются как «домовые» или «малюсенькие смешные человечки» [1, с. 5]. Н. Казакова использует внутритекстовый комментарий – «брауни, то есть домовой» [3], сравнивает его с чёртом – одним из самых популярных существ славянской мифологии, а *half goblin* в переводе адаптирован как *полуэльф*. Несмотря на то, что эльфы – волшебные существа английского фольклора, это понятие укоренилось в европейской традиции и, являясь обобщённым названием различных лесных духов, понятно и в русскоязычной лингвокультуре. Кроме того, Н. Казакова является не только автором перевода, но и художником-оформителем издания. На внутренней стороне обложки книги изображён «Брауни британский», где при помощи рисунков и текста поясняется внешний вид, среда обитания и особенности этого персонажа английского фольклора [1].

Таким образом, первоначальный текст передается переводчиком под призмой целенаправленного анализа и сопоставления с другой культурой. Для достижения взаимопонимания между двумя культурами необходимо, чтобы информация, которая переводится, воспринималась читателем другой культуры максимально точно. Только благодаря знанию родной культуры и культуры языка перевода, переводчик сможет правильно и достоверно адаптировать художественный текст, раскрывая его диалектическое единство соотношения формы и содержания оригинала.

Литература

1. Британские сказки : Крошка брауни. Том-Тит-Тот. Я-сам / Авторизованный пересказ и рисунки Н. Казаковой. – К. : Пресса Украины, 2013. – 32 с.
2. Домовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://endic.ru/ozhegov/Domovoj-7484.html>.
3. Шерешевская Н. В. Малютка Брауни [Электронный ресурс] / Н. В. Шерешевская // Сквозь волшебное кольцо. Британские легенды и сказки / Режим доступа : <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A8/shereshevskaya-n-v/skvozj-volshebnoe-koljco/79>.
4. The Cauld Lad of Hilton [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://en.wikisource.org/wiki/English_Fairy_Tales/The_Cauld_Lad_of_Hilton.

Вострецова В.А.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА КОМПРЕССИИ ТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ

При подготовке переводчиков важным является формирование и развитие навыков компрессии текста оригинала в процессе его передачи на другой язык, так как данный навык значительно помогает переводчику в его профессиональной деятельности.

Воспользуемся одной из дефиниций термина *компрессия текста*, предложенной переводоведом Л.Л. Нелюбиным. Согласно мнению ученого, компрессия текста – «преобразование исходного текста с целью придать ему более сжатую форму. Компрессия текста достигается путем опущения избыточных элементов высказывания, элементов, восполнимых из контекста и внеязыковой ситуации, а также путем использования более компактных конструкций» [1, с. 85]. Необходимо отметить, что в каждом отдельном случае цель сжатия будет отличаться. При обучении студентов компрессии текста всегда дается четкая установка, для чего осуществляется такой шаг. Для понимания цели применения компрессии студентов необходимо ознакомить с основными видами компрессии: конспектирование, аннотирование, реферирование, рецензирование.

Первый тип активно используется студентами на различных этапах обучения, рецензирование используется реже, в основном в аудиторной работе на занятиях по практике устной и письменной речи. Отметим, что на занятиях по переводу преподаватели развивают у студентов навыки внутриязыкового и межкузыкового

аннотирования и реферирования. Дополнительно навыки компрессии текста формируются на занятиях по аудиовизуальному переводу, для которых все указанные типы компрессии не свойственны и встречаются редко.

Переводчик аудиовизуальной продукции должен уметь при необходимости значительно сокращать текст фильма. Необходимо отметить, что не для всех видов аудиовизуального перевода требуется компрессия. В основном она обязательна для субтитрования. При подготовке субтитров к фильмам иногда требуется сократить текст на 70%. Логично, что при этом невозможно сохранить структуру предложений текста оригинала.

Компрессия может иметь место как при внутриязыковом, так и при межьязыковом субтитровании. При первом субтитры готовятся на языке оригинала и предназначены в основном для зрителей с проблемами слуха или для иностранцев, изучающих язык оригинала. При межьязыковом субтитровании задействована определенная пара языков, при этом текст перевода сжимается значительно по сравнению с текстом оригинала.

Отметим, что сжатие материала не проходит спонтанно и неосознанно, данная работа подчиняется определенным правилам. На занятиях по аудиовизуальному переводу преподавателю необходимо ознакомить студентов с правилами компрессии текста для того, чтобы они могли готовить качественные субтитры. Важно сказать, что правила компрессии могут отличаться в зависимости от пары языков, задействованных в переводе. В данном случае обязательно учитываются языковые нормы языка перевода.

Для формирования навыка компрессии текста фильма студентам предлагаются упражнения, в которых работа идет в основном на уровне предложения: выделение главного и второстепенного, выделение ключевых слов, выделение избыточной информации, определение значимости лексической единицы, определение грамматической структуры предложения, замена или удаление лексических единиц, изменение структуры предложения и др.

Компрессия при субтитровании может происходить за счет сжатия лексической составляющей текста оригинала и изменения грамматической структуры предложения/предложений. Переводчик может: 1) удалить из текста а) вводные фразы (*I say, как говорится*), б) слова-заполнители пауз (*well, ну*), в) одно из тавтологических прилагательных или наречий, или заменить их другим словом (*super extra – extreme*), г) обращения (в том случае, когда зрителю понятно, к кому обращается говорящий), д) слова-предложения (*Yes, Thanks, Нет, Возможно*), если они не несут смысловую нагрузку и понятны зрителю из жестикологии или

выражения лица говорящего; 2) заменить нескольких слов одним местоимением (*my friends and I – we, я и мои родители – мы*) и т. д.

Для компрессии грамматической структуры предложения можно прибегнуть к таким способам: заменить страдательный залог на действительный (характерно для английского языка), заменить отрицательные конструкции на положительные, заменить предложные фразы на придаточные предложения времени и др.

Студенты должны понимать, что переводчик (или лицо ответственное за подготовку субтитров) не должен пытаться передать все единицы, даже если такая передача соответствует пространственно-временному параметру субтитрирования. Важно соблюдать баланс между максимальным сохранением информации и возможностями человеческого глаза и уха обработать звуковую и зрительную информацию, присутствующую в фильме.

Формирование и развитие навыка компрессии текста должно проходить на занятиях по всем дисциплинам переводческого цикла, что будет способствовать формированию профессиональной компетенции будущего переводчика.

Литература

1. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта ; Наука. – 320 с.

Воицков А.С.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МИФОЛОГЕМ В МУЛЬТИПЛИКАЦИИ

Фильмы мифологического содержания сегодня пользуются популярностью. Кроме большого количества сюжетов, снятых по мотивам легенд и мифов Древней Греции, появляется материал, в котором отражена национальная специфика. А значит, посредством качественного воссоздания коммуникативного эффекта оригинала, должен передаваться весь культурный пласт того или иного народа. Неправильная передача терминов может привести к искажению авторского замысла и повлиять на восприятие зрителями переводных иностранных фильмов. Тем более детская аудитория, на которую, в первую очередь, ориентированы мультипликационные фильмы нуждается в простом, качественном, понятном для восприятия переводе.

В статье обращается внимание на проблемы, возникающие при передаче мифологем с английского языка на русский. В «Литературоведческой энциклопедии» дается такое определение рассматриваемого термина: «Мифологема – обломок мифа, мифема, потерявшая свои автохтонные характеристики и функции, вовлечена в фольклорный текст, в котором воспринимается как выдумка, сюжетная схема, которая уже стала традиционной» [2, с. 54].

Российские исследователи в области лингвистики часто определяют мифологемы как «устойчивые, повторяющиеся в мифологических системах образы и мотивы, перекочевавшие в художественные тексты» [1, с. 62].

В теории и практике перевода целесообразно под мифологемами понимать, с одной стороны, наименования мифологических персонажей (имена божеств – *Zeus*; героев эпосов – *Prometheus*; названия персонажей – *monster*), с другой стороны – понятия особого мифического содержания (мифологические образы – *World tree*; имена собственных, которые представлены этнонимами, топонимами, мифическими событиями – *Olympus*, *Trojan War*; предметы, имеющие необычные свойства – *palladium*; понятия, которые перешли из имени собственного в имя нарицательное – *chaos*; мифологемы, которые закреплены в словарях в виде устойчивых выражений – *elf shot* (околдованный); мифологемы, которые нашли свое отражение во фразеологии английского и русского языков – *Achilles' heel*).

Рассмотрим лексические трудности, связанные с переводом мифологем в мультипликации.

Трудности может вызывать перевод мифологических терминов, которые являются латинизмами: *Tantalus*, *Prometheus*, *Cerberus*; перевод мифологических терминов, выраженных топонимами (например, перевод словосочетания *the Mount Caucasus* (гора Кавказ) следует применять после тщательной проверки в словарях и справочниках, так как возможно имеется совсем другое написание географического названия).

Проблема перевода мифологем, а именно имен собственных, связана со спецификой данных единиц. Благодаря известности их носителей, они приобрели понятийное содержание и способность использоваться в качестве аллюзивных знаков. Аллюзивные имена, как правило, ассоциируются с определенным словом из мифологических источников. Некоторые – *Hygeia* (Гиги́ея), превратились в нарицательные (гигиена); другие, оставаясь по форме именами собственными, утратили в значительной мере признаки этой категории, являясь символами тех или иных качеств и представлений. Например, *Кассандра* (пророк, которому не верят), *Голиаф* (ассоциируется с гигантским ростом и силой). Эти имена-

ярлыки при переводе транскрибируются с учетом формы, в которой они известны носителям переводящего языка. Однако нужно обладать определенным уровнем подготовки и знаний, чтобы уметь распознавать смысловую нагрузку данных аллюзивных имен.

Сложности возникают, когда необходимо наряду с предметным значением мифологемы, передать ее колорит и национальную окраску.

Так как в данной статье идет речь о переводе в мультипликации, перевод мифологем должен отличаться простотой восприятия. Поэтому в данном варианте (перевод мифологем с ярко выраженной национальной окраской) чаще оправдано использование уподобляющего перевода, реже – описательного перевода. Например, вместо имени собственного *Jormungandr* (Ёрмунганд) целесообразно использование выражения «морской змей». В скандинавской мифологии Ёрмунганд (Мидгардсорм) – морской змей, которого убил Тор и от яда которого погиб сам.

Важно отметить, что способ перевода мифологем в мультипликации не зависит от имен персонажей: одно и то же имя собственное может передаваться различными способами. Проиллюстрируем это на примере имени *Lachesis* (в греческой мифологии – одна из мойр, определяющих судьбу). Возможно транскрибирование имени как Лахесис, однако распознавание имени требует определенного уровня знаний у детской аудитории. Поэтому более оптимальным вариантом передачи имени на русский язык будет использование слова мойра (уподобляющий перевод), либо владычица судьбы (описательный перевод).

Кроме собственно лексических проблем, связанных с переводом мифологем, существуют трудности, которые связаны с самим жанром киноиндустрии – мультипликацией. Поэтому важно не только развивать переводческие навыки и умения, но и учитывать, на какую аудиторию ориентирован перевод.

Литература

1. Левитская Н. А. Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения / Н. А. Левитская, О. В. Ломакина // Жанрологический сборник. – Елец : Изд-во ЕГУ, 2004. – С. 62-66.
2. Літературознавча енциклопедія. У 2 т. Т. 2 / Авт.-уклад. Ю. Ковалів. – К. : Академія, 2007. – 624 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ “BROWNIE” В ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Прецедентные имена – «это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [2, с. 4].

Рассмотрим одно из прецедентных имён, популяризацию которого в литературе, а затем и в культуре, связывают с именем американского писателя канадского происхождения Палмера Кокса.

В 1879 году П. Кокс публикует своё первое произведение о маленьких человечках – брауни. В отличие от фольклорных персонажей, у которых нет одежды, брауни П. Кокса постепенно трансформируются, «очеловечиваются». Они предстают перед читателем в образах небольших существ мужского пола, обладающих весёлым нравом и вытворяющих различные шалости. Всего в книгах данного автора насчитывается около сорока брауни. Несмотря на то, что они всегда держатся вместе, их образы значительно разнятся. Один из персонажей носит цилиндр и монокль, другой изображен в образе китайского крестьянина, третий – вождь индейского племени в боевом облачении и т. д.

Брауни приходят в русскую литературу благодаря Анне Борисовне Хвольсон и её адаптации историй Палмера Кокса, которые она назвала «Царство малюток. Приключения Мурзилки и лесных человечков». В её творчестве брауни изображены не как домовые, а как эльфы. Это, как и новые имена персонажей, можно считать единственным существенным отличием от оригинальных образов героев. На обложке книги А. Хвольсон собраны все, так называемые, эльфы, но в центре находится сам Мурзилка во фраке и с цилиндром на голове. Книги А. Хвольсон получили тот же успех, что и произведения П. Кокса. Сочинения писательницы выходили в течение тридцати лет, до революции 1917 года. Трансформация образа Мурзилки, отношение к герою в дореволюционной России, в первые годы советской власти, в довоенные годы и в последнее время подробно рассмотрены и описаны в статье И. Вдовенко [1, с. 241-257]. Благодаря А. Хвольсон названия «малютки», «эльфы», «лесные эльфы», «мурзилки» стали употребляться как синонимы;

«мурзилками» стали называть людей маленького роста. Несмотря на то, что слово в таком значении не употребляется в настоящее время, пояснения сохранились в словарных статьях.

Наиболее известной литературной вариацией на тему «брауни» являются произведения Николая Носова, рассказывающие нам о жизни Незнайки и его друзей. Ознакомившись с произведениями Анны Хвольсон, Н. Носов решил, что он хочет по-своему рассказать читателям историю о маленьких человечках, которых он называет «коротышками». В 1952 году сразу на двух языках (русском и украинском, в переводе Фёдора Макивчука) выходит первая книга «Приключения Незнайки и его товарищей». Герои Носова были уникальны и не похожи друг на друга. В отличие от П. Кокса Н. Носов не создавал комиксы. Образ Незнайки приобретал свои черты благодаря работе художников, а известный всем облик Незнайки был создан А. Лаптевым, который иллюстрировал книги, начиная с 1954 года. Незнайкой герой был назван не из-за своего маленького роста, а потому что ничего не знал. Его имя было взято из книг Анны Хвольсон.

Брауни являются героями многих историй для детей английской детской писательницы Энид Блайтон. Переводчики адаптируют «отсутствующее в русском языке и русской культуре, слово «brownie», которым называются домашние духи в мифологии Шотландии и Англии и которые являются обычными героями английских фольклорных и литературных сказок» и называют их «гномами» [3, с. 400]. Например, «Big-Ears the brownie» – гном Большеух (перевод О. Пановой), гном Большие Уши (перевод А. Иванова и А. Устиновой).

Подводя итог, можно отметить, что прецедентное имя «brownie» в процессе перевода и адаптации детских литературных произведений совершенно не утратило смысла, изначально заложенного Палмером Коксом много лет назад. Это – маленькие озорные человечки, которые могут немного пошалить, но не несут никакого вреда.

Литература

1. Вдовенко И. Мурзилка на фабрике советского (модели присвоения и переозначивания «чужого» в советской детской литературе) / И. Вдовенко // Детские чтения. – 2016. – № 2 (Вып. 10). – С. 237-269.
2. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2007. – 207 с.
3. Филатова В. А. Трудности перевода антропонимов в книге для детей Энид Блайтон «Приключения Нодди» / В. А. Филатова // Сборник статей по итогам Третьей международной конференции

«Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака». Том 3. – М. : Изд-во «Спутник +», 2018. – С. 398-402.

Горбацкая Д.Е.
(ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)

ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАЗДНИКОВ КИТАЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время акцент при обучении будущих филологов и переводчиков иностранным языкам все ещё в большей степени делается на язык, чем на специфику культуры, язык которой изучается. В то время как познакомиться с традициями и обычаями китайской культуры, которые ярко прослеживаются в праздниках, для студентов, изучающих китайский язык, особенно важно.

Студентам необходимы познания в сфере национальных обычаев и традиций, реалий страны изучаемого языка, так как одним из ведущих факторов формирования культурного сознания является приобщение не только к культуре своего родного края, но и к культуре других стран и народов. Знания национальных обычаев помогут студентам, изучающим иностранный язык, успешнее взаимодействовать с носителями языка, при этом уметь и знать, как правильно переводить те или иные лексические единицы, связанные с культурными особенностями страны.

Материалы, касающиеся проблем этнолингвистики и лингвокультурологии (в частности – праздничной культуры) в переводческом аспекте, фигурируют в различных исследованиях российских и зарубежных авторов: таких, как И.А. Алёшина, И.Г. Баранов, Е.Д. Божович, Р.Ш. Джарылгасинова, Ханне Чен и другие.

Изучая иностранные языки, необходимо знакомиться с культурой, историей той страны, язык которой осваивается. Иногда переводчики не могут точно передать смысл переводимого текста. Так они, не зная культуры, нередко ошибочно переводят идиоматические единицы, которые имеют свою предысторию, связанную с традициями страны [3, с. 20-22].

Нередко такие языковые единицы бывают связаны с праздничной культурой.

В стихотворениях китайских поэтов нередко обыгрываются традиции различных праздников. Так, например, поэт династии Хань, Ван Юйчэн (954–1001), в своем стихотворении «Цинмин» (《清明》) пишет:

无花无酒过清明，	<i>Нет вина, нет цветов, чтобы встретить Цинмин.</i>
兴味萧然似野僧。	<i>Как монах захолустный, тоскую один.</i>
昨日邻家乞新火，	<i>У соседа вчера «огня нового» взял,</i>
晓窗分与读书灯。	<i>До рассвета сидел у окна и читал.</i>

Интерес представляет комментарий переводчика, Б. Мещерякова, к этим строкам: «... «огня нового» – имеется в виду огонь, заново разожжённый с помощью огнива после трехдневного поста, Праздника Холодной Пищи, который соблюдался китайцами непосредственно перед Цинмином. Во время поста запрещалось пользоваться огнем для разогревания пищи, освещения и отопления дома» [1, с. 71].

Таким образом, не зная обычаев праздника Цинмин, невозможно понять смысл данного стихотворения, и, как следствие, нельзя его достоверно перевести.

В китайском языке также нередко используются поговорки, связанные с праздниками. Так, в следующих примерах фигурируют пословицы, связанные с праздником Двойной семерки, знание которых будет весьма полезным при переводе: 但愿人长久，千里共婵娟 [*dànyuànrénchángjiǔ, qiānlǐgòngchánjuān*] *Пожелайте нам долгой жизни, чтобы разделить красоту этого изящного лунного света, даже на тысячи ли друг от друга* (так говорят тем, кто не может быть вместе в этот праздник); 执子之手，与子偕老 [*zhízizhīshǒu, yǔzǐxiéǎo*] *Держась за руки, состариться вместе* [1, с. 73].

Каждый китайский праздник относится к определенному историческому периоду в жизни народа. Более того, познакомившись с истоками его происхождения, можно проанализировать традиции народа, понять его мировоззрение. Таким образом, прослеживая историю создания и становления того или иного национального праздника, легко объяснить некоторые фразеологические и идиоматические единицы китайского языка [2, с. 127].

При наличии фоновых знаний об истории и культурных традициях Китая, переводчику будет легче объяснить механизм образования разнообразных фразеологизмов, понять их истоки, истолковать встречающиеся в тексте реалии и, как следствие – подобрать верные эквиваленты в языке перевода [3, с. 85].

Китайцы с особым уважением относятся к тем иностранцам, которые знакомы с их культурой, знают правила этикета китайского общества, имеют представление об их традициях и обычаях и

уместно могут пользоваться этими знаниями. Поэтому студентам, изучающим китайский язык, необходимо быть осведомлёнными об основных празднованиях китайцев, об их традициях и обычаях, которые уходят в глубину истории.

Литература

1. Алёшина И. А. Игрушки и праздники / И. А. Алёшина, М. В. Захарова // Азия и Африка сегодня. – 2000. – С. 63-159.
2. Баранов И. Г. Верования и обычаи китайцев / Подготовка и издание Тертицкий К. М. – М : Муравей-Гайд, – 1999. – С. 127-128.
3. Божович Е. Д. Развитие языковых компетенций студентов : автореферат / Е. Д. Божович. – 2016. – С. 15-35.
4. Джарылгасинова Р. Ш. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год / Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – М. : Наука, 1985. – С. 60-63.
5. Ханне Чен. Эти поразительные китайцы. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – С. 145-256.

Гриценко Н.А.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПЕРИФЕРИЙНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ ПОЭТОНИМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (на материале призведения К. Фоллетта «Обратный отсчёт»)

В современной лингвистике имена собственные всегда играли особую роль и часто определялись как называющие лексические единицы, которые считаются обозначающими компонентами [3, с. 48]. «Собственное имя (оним) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [2, с. 460]. Основная функция имен собственных – номинативная, предназначенная для различения однотипных объектов.

Большинство лингвистов сходятся во мнении относительно того, на какие категории следует делить имена собственные, однако есть определенные различия, которые необходимо учитывать в исследовательских работах. Согласно А.В. Суперанской, которая выделяет ряд поэтонимов, при этом разбивая их на подкатегории, «подход к делению (на секторы) может быть разным в силу не только объективных, но и субъективных причин, которые

определяются как факторами общественного порядка, так и индивидуальностью исследователя» [4, с. 174]. Российский лингвист и переводчик Д.И. Ермолович опирается на те же принципы, что и А.В. Суперанская, однако в его классификации есть одно существенное отличие: то, что А.В. Суперанская включает в категорию антропонимов, он подразделяет на разные классы имен [1, с. 163].

Рассмотрев две классификации имен собственных, мы можем прийти к выводу о том, что существование одной классификации для всех стилей и жанров литературы исключено. Однако теоретическая возможность создания единой сводной классификации в целях использования ее при переводе отдельного жанра художественной литературы допускается. Итак, распределение выглядит следующим образом: антропонимы (собственные имена людей); топонимы (собственные имена географических объектов); теонимы (собственные имена божеств); зоонимы (имена и клички животных); астронимы (собственные имена небесных тел); космонимы (собственные имена зон космического пространства и созвездий); фитонимы (собственные имена растений); хрононимы (собственные имена отрезков времени, связанных с историческими событиями); идеонимы (собственные имена художественных произведений); хрематонимы (собственные имена объектов материальной культуры); порейонимы (собственные имена транспортных средств); акронимы (собственные имена научно-исследовательских институтов, трестов, управлений, учреждений); фалеронимы (собственные имена наград, орденов, медалей); геортонимы (собственные имена праздников и мероприятий); ойкодомонимы (собственные имена любого здания).

При анализе произведения Кена Фоллетта «Обратный отсчет», классифицируя имена собственные, мы выявили ряд периферийных поэтонимов, а именно:

- порейонимы: *Jupiter C* – ракета-носитель «Юпитер-Си», *Vanguard* – космическая ракета «Авангард», *Cadillac* – Кадиллак;
- идеонимы: *Hamlet* – Гамлет, *Bible* – Библия, *Catch a Falling Star* – Поймай упавшую звезду;
- акронимы: *CIA* – ЦРУ, *U.S. Navy* – Военно-морские силы США, *FBI* – ФБР;
- фалеронимы: *Leavenorth Award* – Лебенвортковский грант;
- хрононимы: *Cold war* – Холодная война, *First World War* – Первая мировая война, *Depression* – Времена депрессии;
- геортонимы: *Christmas Eve* – Сочельник, *International Geophysical Year* – Международный год геофизики;
- ойкодомонимы: *Q Building* – Корпус Кью, *White House* – Белый дом, *Carlton Hotel* – отель «Карлтон»;

– хремотонимы: *Washington Monument* – *Памятник Вашингтону*, *The Lincoln Memorial* – *Мемориал Линкольна*, *Fogg Museum* – *Музей Фогга*.

Таким образом, можно сделать вывод, что перед переводчиком стоит задача передать в именах собственных одновременно характер персонажа и воссоздать такое имя, которое будет вызывать у читателя определенные ассоциации, соответствующие задуманному автором образу. Следует отметить, что множество имен собственных имеют зафиксированные соответствия в словарях, и их нужно придерживаться.

Литература

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур (заимствование и передача имён собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода) / Д. И. Ермолович. – М. : Валент, 2008. – 637 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. школа, 1990. – 253 с.
3. Ступин Л. П. О лексическом значении имен собственных / Л. П. Ступин // Вопросы теории и истории языка. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1969. – 273 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М., 1973. – 366 с.

Грицкова Н.В.

(ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА

Если трактовать перевод, как выражение воспринятого смысла оригинального текста средствами другого языка, то само понятие переводческой трансформации как этапа перевода теряет смысл, так как она предполагает прямое соответствие между формами (структурами) разных языков, и можно говорить только об эквивалентности.

При этом следует иметь в виду, что степень эквивалентности может сильно колебаться в зависимости от ряда факторов. Факторы, влияющие на концептуальные и формальные (системные) различия при переводе, являются следующие: субъективное отражение действительности в сознании носителя исходного языка (субъективность концепта), субъективный выбор языковых знаков

для словесного выражения концепта, влияние концептуальной системы народа – носителя исходного языка на выбор языковых средств выражения, влияние грамматической системы исходного языка, субъективное восприятие сообщения на исходном языке, субъективный выбор языковых знаков для перевода исходного сообщения, влияние концептуальной системы народа-носителя языка перевода, субъективное восприятие реципиента перевода [3].

Исходя из степени подобия значения и структуры, можно предложить следующую классификацию эквивалентности в переводе: структурная (полная), семантическая (частичная), прагматическая.

При этом разрыв между концептуальным содержанием исходного текста и текста перевода увеличивается при переходе от структурной эквивалентности к семантической и далее к прагматической [2].

В общем случае, структурная эквивалентность отражает типологическое сходство языков и является довольно частым явлением даже для таких разноструктурных языков, как русский и французский; семантическая, в определённой мере, выражает культурную и историческую общность носителей языков, а прагматическая эквивалентность устанавливается, главным образом, в случае различий в восприятии и членении действительности носителями языков, участвующих в переводе (идиомы, «культурные реалии» и т. п.) [1].

В свете вышеизложенного можно прийти к следующему важному заключению: в процессе перевода в зависимости от типа исходного текста, определённых экстралингвистических факторов и личностных предпочтений наблюдается постоянная смена типа эквивалентности: от структурных эквивалентов к семантическим и прагматическим.

Дискуссионным остаётся вопрос, возможно ли соотнести описанные выше классы эквивалентности с двумя подходами к переводу, денотативным и трансформационным. Трансформационный подход преобладает при синхронном переводе в силу технической специфики последнего. Важным условием успеха коммуникативного акта с участием переводчика является совпадение концептуальных систем всех его участников.

Литература

1. Залевская А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте / А. А. Залевская. – Тверь : Изд-во ТГУ, 1996. – 195 с.
2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса : учеб. пособие / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 208 с.

3. Мирам Г. Э. Тренинг курс по синхронному переводу / Г. Э. Мирам, В. В. Дайнеко, С. В. Иванова, П. В. Амплеев. – К. : Арий, 2009. – 192 с.

Гуляева О.В.
(ГУ ВПО «Луганский национальный университет
имени Владимира Даля»,
Луганск, ЛНР)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Успех переводчика художественной литературы зависит не только от близости его перевода к подлиннику, но и от эстетической силы переведенного произведения, и само понятие близости приобретает в этом случае другой вид. Понятие творческой индивидуальности переводчика, близкое каждому практику, затрагивает сердцевину представлений о переводе, принадлежит к его наиболее интересным, сложным и одновременно наименее разработанным проблемам. Переводчики художественной литературы рано осознали нивелирующую опасность, исходящую от новейших лингвистических (а также и текстовых) теорий перевода, во всяком случае, тех, авторы которых стремятся создать единую для всех его разновидностей концепцию и не заинтересованы в субъективных аспектах художественного творчества [3, с. 179].

Хороший перевод на русский язык должен быть написан хорошим русским языком; ничто не должно в нем напоминать искусственный так называемый переводческий язык, неважно, появляется ли он от неопытности, малограмотности, бездарности или же от сознательной установки. Но внимательный анализ больших переводческих достижений, принадлежащих перу мастеров своего дела (с точки зрения языковых средств, использующихся ними), показывает, что в их работах можно встретить характерные «сдвиги» в словоупотреблении, синтаксических конструкциях, иногда даже в грамматических формах, которые не выходят за пределы языковых норм, но придают переведенному произведению оттенок «чужести» («переводности»). Из всех уподоблений, которые во множестве существуют в переводоведческой литературе, наиболее часто встречаются сравнения переводчика с актером или пианистом [2, с. 39].

Судить о качестве перевода профессионально, в сопоставлении с подлинником могут, конечно, очень немногие, те, кто в совершенстве

владеет обоими языками. Но, с другой стороны, это должен быть суд с позиции тех, кому он нужен, ибо измерить силу перевода можно только на основе читательского восприятия на том языке, на котором он сделан. С этой точки зрения переводчик находится в той же позиции, что и писатель, и не отличается от него; «вторичность» перевода отступает далеко на второй план. Характерно, что когда писатели сами берутся за перевод своих произведений (что в наши дни не редкость, по крайней мере, в ареале бывшего Советского Союза), с языком они поступают много смелее, чем – как правило – их профессиональные переводчики [1, с. 52].

Читатель не однороден ни по своим характеристикам (образовательным, социальным, возрастным, профессиональным и т. д.), ни по своим вкусам, и читатель в будущем может быть иным, чем сегодня. Это обстоятельство практически не играет роли при оценке перевода научно-технического или любого другого «делового» текста. В художественном переводе приходится исходить из признания неизбежности существования различных точек зрения, споров, дискуссий, борьбы мнений, что принадлежит к непременным признакам развитой литературной жизни. Переводческая индивидуальность – дитя таланта и времени. У молодых талантливых переводчиков есть полное право соревноваться с мастером, формируя свои, непохожие на его, творческие индивидуальности. Поэтому оценка качества перевода (кроме, естественно, случаев очевидного непрофессионализма или невежества) не может быть ни непрерываемо точной, ни непрерываемо единственной, какие бы научно обоснованные подходы ни использовал критик. Она зависит от понимания творческой индивидуальности переводчика и его творческой установки (вещи близкие, но не всегда совпадающие), она включает в себя понятие «удачи» и «неудачи», она связана с литературными и переводческими традициями и отношением к ним, с литературно-общественной обстановкой и еще многими другими параметрами [2, с. 67].

Читатели, владеющие несколькими языками (а в современном мире билингвизм и полилингвизм распространяются все шире), могут читать и сопоставлять не только перевод и подлинник, но и переводы одного и того же произведения, существующие на разных языках. Не исключено, что особый интерес к сохранению национального своеобразия, к личности переводчика, повышенное внимание к так называемой переводности, общее возрастание эстетических характеристик художественного перевода по сравнению с задачами его информативности, обострившееся осознание трудностей говорят о формировании новых требований к искусству перевода, широко захватывающих литературу на рубеже XXI века [1, с. 84].

Литература

1. Казакова Т. А. Художественный перевод : в поисках истины / Т. А. Казакова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 224 с.
2. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М. : Высш. шк., 1980. – 198 с.
3. Топер П. Перевод и литература : творческая личность переводчика / П. Топер // Вопросы литературы. – 1998. – № 6. – С. 178-188.

Дворцова А.Н.

*(ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Переводная китайская литература – один из ярких примеров проблемного восприятия текстов иноязычными читателями. В силу исторической закрытости страны для внешних влияний, китайская литературная традиция вплоть до второй половины XIX века развивалась абсолютно автономно, формируя свои собственные каноны и традиции, табу, отдавая предпочтение определенным родам литературы, создавая свои отсылки и аллюзии.

Таким образом, перевод китайской литературы создает много сложностей для переводчика и редактора, которым приходится по мере сил адаптировать текст для иноязычных читателей: адаптация не должна идти в ущерб авторской стилистике, не должна выхолащивать сам текст исходника, из одного лишь желания сделать произведение приемлемее для иноязычного читателя.

Если говорить более предметно, то проблема перевода китайских культурных реалий заключается в необходимости составления объемных комментариев к тексту, которые бы раскрывали отсылки к непривычным для нас мифам, явлениям, объясняли исторические и литературные аллюзии. И хотя в зарубежных переводах комментирования текстов китайской литературы стараются сводить к минимуму, по мнению И.А. Егорова, комментарии являются необходимыми для формирования у читателя верного представления о тексте, знакомства читателя с китайской культурой [1]. Так, например, при переводе названия традиционного кушанья 元宵, приведение одной лишь фонетической кальки (юаньсяо) будет недостаточным для понимания, потому переводчику следует дать сноску или пояснение в тексте следующего характера: Юаньсяо –

это вареные колобки из клейкой рисовой муки с начинкой, обычно подаваемые в Праздник фонарей (15 число 1 лунного месяца).

В числе прочих проблем перевода китайской литературы А.А. Перлова отмечает излишнюю русификацию фразеологических единиц в китайском тексте: например, «сидишь *будто аршин проглотил*» вместо «сидишь *прямой как палка*» [3]. Эта тенденция разрушает авторский стиль в переводном тексте, однако и дословный перевод безэквивалентных фразеологических единиц не всегда является уместным.

Работа с национальным юмором в переводе также представляет ряд сложностей. Как отмечает Н.А. Спешнев: китайцы нередко рассказывают о серьезных вещах при помощи юмора [4]. Особые трудности представляет перевод языковой игры: каламбуры построенные на сходстве звучания или начертания иероглифов крайне редко воспроизводимы в русском тексте без потерь.

Передача нестандартной речи (диалектов, иностранной речи, бранной лексики) также составляет сложную переводческую задачу. Основной рекомендацией для передачи диалектных форм в переводе является использование национально-нейтрального просторечья. Фонетические особенности речи (пришепетывание, замены одних звуков другими) передавать не принято.

Коверкание китайского языка персонажами-иностранцами при переводе следует передавать с оглядкой на то, какое впечатление эти искажения в речи производят на носителей китайского языка (смешат, пугают, вызывают непонимание, выглядят наивно), ошибки в языке – это часть портрета персонажа, которую необходимо оставить сохранный.

В числе характерных черт современной китайской литературы, усложняющих перевод, стоит упомянуть описание физиологичных деталей рутины героев повествования, а также значительный объем бранной лексики в речи персонажей. В аспекте перевода брани важно чувствовать регистр переводимой языковой единицы: междометие это или табуированная лексика.

Часто брань встречается в китайском тексте в виде многочисленных повторов, и если для китайского художественного текста – это норма, то для русского – табу, потому необходимость полифоничной передачи речи персонажей средствами русского языка является особой задачей переводчика. В своем докладе о трудностях перевода китайской литературы А.А. Перлова демонстрирует варианты перевода выражения 他妈, использованные И.А. Егоровым в романе Мо Яня «Страна вина»: «*ети его*», «*твою мать*», «*черт возьми*», «*чертов*», «*едрить твою*» и т. д. [3].

Особняком в переводе китайской литературы стоит проблема грамматических различий. При переводе мы всегда перекодировем

текст средствами языка перевода. Проблемными для перевода с китайского являются категории числа и рода в русском языке, в силу того, что они изначально не свойственны китайским словам. В китайском тексте показателями пола служат лишь местоимения и имена героев, поэтому при наличии в китайском тексте игры с гендером персонажа ее не всегда легко передать средствами русского языка: не всегда удается найти гендерно-нейтральные лексические единицы в языке перевода.

Таким образом, из-за вышеуказанных трудностей, при переводе китайской художественной литературы разумеется неизбежны потери, но самым важным для переводчика всегда является сохранение духа повествования, посылы автора, умение верно передать средствами родного языка те же оттенки и нюансы, что были заложены в изначальный текст автором. А эта задача стоит решения, какой бы трудной она ни казалась.

Литература

1. Егоров И. А. О «желтизне» Мо Яня, конфуцианстве Толстого и Культе Матери / И. А. Егоров. – М., 2013. – С. 33-48.
2. Мо Янь. Страна вина / Мо Янь ; [пер. с китайского, примечания И. А. Егорова]. – СПб. : Амфора, 2012. – 446 с.
3. Перлова А. А. Трудности перевода китайской художественной литературы [Видео] / А. А. Перлова. – Уфа : Translation Forum Russia, 2017. – Режим доступа : <https://youtu.be/4fP9IqsSH1A>.
4. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н. А. Спешнев. – СПб. : Каро, 2015. – 460 с.

Донцова А.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ БЕЛЫЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Белый – это особый цвет, символизирующий свет, легкость, безупречность и божественность. Он связан с чистотой и непорочностью души, поэтому одежду именно белого цвета принято надевать на церемонии крещения, причащения и бракосочетания. Связывающая нить свет и радость позволяет нам ассоциировать белый цвет с хорошими моментами в жизни. Например, в русском языке довольно часто используется фразеологизм *белая полоса в жизни* – это период в жизни человека, когда ему сопутствует

удача и все складывается именно так, как он хотел, или *белая магия* – магия, которая используется для добрых дел; в английском языке присутствую подобные выражения – *a white day*, которое означает счастливый день, и *to mark with a white stone* – отметить какой-либо день как особо счастливый или знаменательный [1]; во французском языке фразеологизм *page blanche dans la vie* означает жизнь с чистого листа. Также в данных языках с помощью данного цветового компонента можно описать духовный портрет человека: (рус.) *белая душа* – чистый, безгрешный человек, (англ.) *the white rose of innocence/virginity* – символ чистоты и непорочности, (фр.) *blanc comme un lys* – белый, как лилия (прекраснее самого прекрасного) [2].

В русском, английском и французском языках фразеологические единицы с белым колоративным компонентом составляют следующие категории:

1) эмоциональное и физическое состояние человека: (рус.) *белый как мел*, (англ.) *white as ghost* или *white as a sheet*, (фр.) *blanc comme un linge* – смертельно бледный от сильного испуга; (рус.) *доходить до белого каления* – терять самообладание; (англ.) *to flow into a white rage* – впадать в ярость, бешенство; (англ.) *to turn white* – побледнеть; (англ.) *to show the white feather* – струсить; (фр.) *blanche comme un cul* – иметь усталый и грустный вид. Также в данную категорию можно отнести фразеологизм русского языка *света белого не видеть* – находиться в подавленном состоянии, быть обремененным непосильной работой.

2) Многообещающие или отличительные способности человека: (рус.) *белая ворона*, (англ.) *white crow* – человек, резко отличающийся среди окружающих его людей, не похожий на них; (англ.) *white hope* – человек, на которого возлагаются большие надежды; (фр.) *être tout blanc* – быть невиновным.

3) Военная тематика: (рус.) *белое оружие*, (фр.) *les armes blanches* – холодное оружие; (рус.) *белый билет*, (англ.) *white ticket* – подтверждение о физической непригодности к военной службе; (рус.) *белое движение* – противники советской власти; (англ.) *white ensign* – военно-морской флаг Великобритании; (англ.) *to hang out the white flag* – капитулировать, поднимать белый флаг, (англ.) *white alert* – отбой воздушной тревоги; (фр.) *cartouche à blanc* – холостой заряд; (фр.) *coup à blanc* – холостой выстрел; (фр.) *charger à blanc* – зарядить холостым патроном.

В английском и французском языках символическое значение белого цвета связано с честностью и невиновностью в таких фразеологизмах, как: (англ.) *to be whiter than white* – быть предельно откровенным, (англ.) *lily-white reputation* – безупречная репутация, (фр.) *blanc comme neige* – говорят о человеке с незапятнанной

репутацией; (англ.) *white hands* – искренность, чистота, невиновность, (англ.) *white lie* – ложь во благо.

В русском и английском языках фразеологизмы с колоративным компонентом *белый* составляют следующие категории:

1) социальное положение человека в обществе: (рус.) *белый воротничок*, (англ.) *white-collar worker* – работник умственного труда; (рус.) *белые халаты* – работники медицинских учреждений, (англ.) *white wings* – дворники;

2) погодные явления: (рус.) *белый уголь* – вода как источник энергии, (рус.) *белые мухи* – падающий снег, (англ.) *whiteout* – состояние видимости, при котором лёд, небо и горизонт не отличимы друг от друга; (англ.) *white frost* – иней.

Нередко в русском языке белый цвет связывают с болезнями алкогольного характера, например, *белая горячка* – заболевание, которое сопровождается нарушением сознания человека, в результате длительного употребления спиртных напитков. Вдобавок только во фразеологии русского языка данный цвет используется для обозначения чего-то неизученного и неисследованного, например, *белое пятно* – малоизведанная территория.

Негативная коннотация белого цвета в некоторых фразеологизмах используется для усиления контраста. В них акцентируется редкость явления, безрезультатность действия, его бессмысленность или обман со стороны кого-либо. К этой группе относятся такие фразеологизмы:

1) в русском языке: *шито белыми нитками* – неумело скрыто что-то, заметный обман в деле;

2) в английском языке: *white elephant* – бесполезная собственность, от которой трудно избавиться, *to bleed white* – обобрать до нитки, выкачать деньги, *to whitewash* – попытаться скрыть недостатки; *a white-knuckle ride* – поездка, заставившая всех изрядно поволноваться;

3) во французском: *n'est pas blanc comme neige* – не так чист в каком-то деле, *aller du blanc au noir* – бросаться из одной крайности в другую, *dire blanc et noir* – колебаться, иметь семь пятниц на неделе [3].

Проведенный сопоставительный анализ фразеологизмов с колоративным компонентом *белый* в русском (17 ед.), в английском (26 ед.), во французском (13 ед.) языках позволяет сделать вывод, что данный цвет практически одинаково раскрывает семантику в языках. Несмотря на это, в негативной коннотации все же существуют определенные различия – это зависит не от самого языка, а от символического значения белого цветового компонента в каждом языке.

Литература

1. Праченко О. В. Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках [Электронный ресурс] : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Праченко. – Казань, 2004. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/frazeologicheskie-edinitisy-s-kolorativnym-komponentom-v-russkom-angliyskom-ispanskom-i-portugalskom-yazykah>
2. Соколова К. А. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в западно-романских языках (на материале испанского, французского и итальянского языков) : дис. ... канд. филол. наук / К. А. Соколова. – Санкт-Петербург, 2016. – 247 с.
3. Шевчук-Черногородова М. А. Роль цветовой символики в русской, французской и английской фразеологии (на примере устойчивых сочетаний с компонентами чёрный (poir, black) и белый (blanc, white) / М. А. Шевчук-Черногородова // Актуальные проблемы славянской филологии : выпуск XXIII. – Киев, 2010. – 304 с.

Дяговец К.И.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ

Качественный перевод с иностранного языка (и наоборот) является одной из основных составляющих коммерческого и творческого успеха любого кинофильма за рубежом. Наша работа представляет собой анализ существующих методов и способов перевода документальных кинофильмов как с английского языка на русский, так и с русского языка на английский.

Кроме того, в своей работе мы обратились и к переводу заголовков рассматриваемых нами документальных фильмов, так как популярность любого кинофильма во многом определяется его заглавием – эффектным заголовком гораздо легче привлечь зрителя, чем описанием содержания этого фильма.

Кино – аудиовизуальное искусство, обладающее своим собственным сложным языком, где текст является важным компонентом и поэтому не может рассматриваться отдельно от прочих элементов киноязыка. Спрос на перевод художественных и документальных фильмов как самостоятельный вид переводческой деятельности появился после войны, в конце 40-х гг. прошлого

века, когда в кинозалах СССР в широком прокате стали появляться иностранные художественные фильмы, выходявшие сначала в субтитрированном на русский язык варианте, а затем уже и в дублированном.

Спустя несколько лет основным способом экранного перевода стал псевдодубляж, т. е. закадровое озвучивание («озвучивание» на языке профессионалов). Это происходит, когда текст перевода накладывается на приглушенный оригинальный звук. На место переводчиков при озвучивании пришли актёры. Сначала фильмы озвучивали на два голоса (мужской и женский), затем уже на три, четыре и т. д. Для многих актёров этот вид работы стал отдельной профессией.

Наряду с художественными фильмами к определённому виду кинематографа можно отнести документальное или неигровое кино. К такому киножанру относят фильмы, в основу которых легли съёмки подлинных событий и лиц. Темой для документальных фильмов чаще всего становятся интересные события, культурные явления, научные факты и гипотезы, а также знаменитые персоны и сообщества.

Термин «документальный» был впервые предложен английским кинорежиссёром Джоном Грирсоном в 1926 г., чтобы подчеркнуть его отличия от художественного. До этого французские журналисты и критики называли так фильмы, сделанные на материалах съёмок путешествий. Джон Грирсон определил документальное кино как «творческую разработку действительности» [1, с. 45].

Любой фильм – будь то художественный или документальный – как объект лингвистического исследования всегда вызывает определённые трудности, поскольку является сложной системой представления знаний, содержащей, кроме текста, ещё и экстралингвистические факторы, важные для его понимания.

Перевод фильма всегда неразрывно связан с определёнными трудностями не только лингвистического, но и технического характера, что напрямую влияет на степень эквивалентности и адекватности перевода оригиналу, а также его техническому воплощению на экране (например, синхронность артикуляции актёров и реплик дублёров).

В теории перевода воздействие, которое произведение (в данном случае кинофильм) оказывает на реципиента, называется прагматикой. Таким образом, одной из основных задач переводчика является передача прагматики кинофильма в целом. При любом переводе, включая и перевод кинофильмов, переводчик стремится обозначить главным пунктом своей задачи именно прагматический потенциал работы.

Рассмотрим три наиболее распространённых вида переводческой адаптации, выделяемых В.Н. Комиссаровым, относительно уместности их применения при переводе кинофильмов.

Первый вид прагматической адаптации имеет целью обеспечить адекватное понимание сообщения реципиентами перевода [2, с. 346]. Например, при переводе на русский язык географических названий типа американских *Massachusetts, Oklahoma, Virginia*, английских *Middlesex, Surrey* и т. д., как правило, добавляются слова «штат, провинция, графство», чтобы сделать данные названия понятными для русского зрителя. Также добавление поясняющих элементов может потребоваться при передаче названий учреждений, фирм, печатных изданий и т. д. Например, *Newsweek* – журнал «Ньюсвик», *Microsoft* – компания «Майкрософт», *Chicago Bulls* – баскетбольный клуб «Чикаго Буллз» и т. д.

Второй вид прагматической адаптации имеет целью добиться правильного восприятия содержания оригинала, донести до реципиента перевода эмоциональное воздействие исходного текста [2, с. 347]. В качестве примеров ситуаций, в которых требуется выполнение данного типа адаптации, является использование в тексте оригинала лексики с социокультурным компонентом, возвышенной лексики, разговорной или нецензурной лексики.

В качестве примера такого характера можно привести следующий отрывок из исследуемого фильма «Один день»:

Оригинальный текст:

Сегодня здесь, на этой легендарной площади, легендарные люди, ветераны войны, ветераны труда. Они отстояли честь и славу России. Они передали нашим поколениям свободную, независимую и сильную Россию. И сегодня мы открыто и честно заявляем, что трудяга-Урал – за стабильность. Мы – за трудовой Урал! Мы – за человека труда! Мы – за сильную Россию!

Перевод:

Legendary people, war veterans, labor veterans have all gathered here, in this legendary square. They have vindicated honor and glory of Russia. They have handed liberal, independent, and strong Russia down to our generations. And today we claim honestly that the hard-working Ural region is for stability. We are for the hard-working Urals! We support the person of labor! We are for strong Russia!

Данный отрывок сильнее предыдущего нагружен эмоциональными высказываниями. Такого эффекта автору удалось достичь благодаря большому количеству лексических повторений (*легендарная площадь, легендарные люди*) и синтаксических повторений (*Мы – за трудовой Урал!, Мы – за человека труда!, Мы – за сильную Россию!*).

Третий тип прагматической адаптации отличается от предыдущих видов тем, что переводчик ориентируется не на «усреднённого», а на конкретного реципиента, а также на конкретную ситуацию общения, стремясь обеспечить желаемое воздействие.

И в заключение хотелось бы сказать, что киноиндустрия является важным элементом в современном обществе и его развитии, чем и подтверждается актуальность данной работы, т. к. документальное кино является частью этой огромной системы.

В нашем исследовании выявлены характерные особенности перевода документальной видеопродукции с точки зрения прагматической адаптации. Они заключаются в определении структуры, темы, жанра и вида документального кино, изучении вспомогательной и использованной в фильме документации и литературы, а также узкоспециальной лексики.

В связи с этим можем сказать, что основной характерной особенностью является знание узкоспециальной лексики. Переводчик обязан постоянно пополнять свой запас терминов различных тематик и направлений путём перевода узкоспециальных статей и текстов.

Литература

1. Бэдли Х. Техника документального кинофильма / Пер. с англ. Ю. Л. Шер. – М. : Искусство, 1972. – 240 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.

Жбанков Б.П.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «УСПЕШНОСТЬ» В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В конце прошлого века широкую популярность приобрело изучение теорий, законов, формул и секретов успеха, вследствие чего появились многочисленные исследования в различных областях знания – психология успеха, педагогика и философия успеха.

Понятие «успех» каждый человек воспринимает по-своему, но всё же в каждой культуре есть некое общее понятие успеха, некие правила, по которым человек считается либо успешным, либо нет. Так, успешность человека можно определять посредством

неких внешних (наглядных) показателей и внутренних качеств, необходимых для достижения этих внешних показателей. К внешним показателям относятся различные шкалы успешности: рейтинги, места на пьедестале почёта, вознаграждения, знаки отличия, деньги, социальный статус и другое. Внутренними характеристиками успешного человека считаются: способность достигать поставленной цели, планировать получение определённых результатов, способность принимать правильные и своевременные решения, «чувствовать» момент, разумно рисковать и другое.

Целью нашей работы мы определили анализ содержания понятия «успешность» и его связи с религией в американской и русской лингвокультурах.

После утверждения пуританизма в Америке популярным стало понятие «индивидуализм». Появилось понятие «self-made man», то есть человек, сделавший себя сам. Человек, сделавший себя сам, – это человек трудящийся, честный, знающий, кем он хочет стать и как он может этого добиться. Этот человек мог быть из неблагополучной семьи. Начиная работать в раннем возрасте. Рассчитывать он мог только на себя. И, несмотря на все преграды, он смог стать успешным, реализовал пресловутую «американскую мечту». Например, первый темнокожий президент Америки, Барак Обама. Во всяком случае, его политтехнологи во время предвыборных мероприятий делали акцент именно на этом.

Также интересно, как американцы относятся к деньгам. В этой культуре деньги являются показателем того, насколько добросовестно человек трудится во имя Бога. Труд трактуется как проклятие, ниспосланное людям после того, как Бог выгнал Адама из Рая. И проклятие это люди должны нести всю свою жизнь. В то же время деньги являются результатом прилагаемых усилий, и, соответственно, чем больше человек работает, тем богаче он становится. Из этого следует, что материальный достаток является индикатором трудолюбия человека.

При выборе профессии в пуританизме, а следовательно, и в американском социуме главным аргументом «за» считается её доходность. Если человек работает – это уже хорошо (богоугодно), но, если есть возможность перейти на более высокооплачиваемую работу, он *обязан* это сделать, демонстрируя тем самым свою готовность работать больше. А вот отказ идти по этому пути означает, что человек пренебрегает волей Божьей.

Также большую роль в понятии «успех» у американцев играет известность. В Кембриджском словаре синонимами к слову *успешный (человек)* являются слова *знаменитость, звезда, VIP*, то есть – *известная личность*. Объясняется это тем, что достижение цели – это снова-таки работа во имя Бога, а значит, нужно поделиться

этим со всем миром, чтобы люди могли видеть успех других людей и стремились к большему на своём поприще.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что под влиянием религиозных доктрин к наиболее распространенным сферам реализации категории успешности человека в американской культуре относятся: политика, бизнес и шоу-бизнес (включающий музыку, театр и кино).

В русской лингвокультуре в последнее время можно проследить тенденцию смещения акцентов успешности от доминирования финансовых и социальных в сторону гармоничного и сбалансированного развития личности, хотя, по сути, образ успешного человека не сильно отличается от американского. И всё же отличия присутствуют, причём также обусловленные изначально религией и позднее социально-национальной спецификой.

К примеру, в православии считается, что чем скромнее (хуже и беднее) человек жил на Земле, тем больше ему воздастся на Небесах. То есть когда протестантство говорит, что человек должен жить хорошо и стремиться к богатству при жизни (не как к цели жизни, а как средству служения Богу), православие утверждает, что человек должен довольствоваться малым, чтобы попасть в Царствие Божие потом.

Также отличается отношение к деньгам. В русской культуре люди стремятся быть богатыми, но других богатых людей (олигархов, бизнесменов, политиков) осуждают. Причина такого разногласия кроется в уверенности, что стать богатым честный человек не может. Если ты богат, значит, ты либо вор, либо тебе несказанно повезло.

Довольно долго в русской культуре было не принято менять место работы. Зачастую человек начинал свой трудовой путь на одном предприятии и с него же уходил на заслуженный отдых. Иметь одну-единственную запись в трудовой книжке считалось достоинством, а людей, часто меняющих работу, не уважали, считая несерьёзными.

Таким образом, содержание понятия «успешности» тесно связано с религией как в американской культуре, так и в русской. «Успешный человек» – это сложный динамичный культурный концепт, компоненты которого формируются и видоизменяются под влиянием многих факторов, и особенностей менталитета в том числе. На современном этапе содержание исследуемого понятия в обеих культурах почти совпадает, хотя можно проследить некоторые исторически-сложившиеся отличия.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ВИД МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В рамках лингвокультурного аспекта перевод является одним из видов коммуникативной деятельности и лингвокультурным процессом, предполагающим языковую деятельность и служащим межкультурной коммуникации, обеспечивающей взаимопонимание участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. «Переводами осуществляется межъязыковая парадигматизация художественного текста. Переводы создают межъязыковой парадигматический ряд текстов, престижно возглавляемый текстом оригинала» [1, с. 240], как заметил А.А. Илюшин.

Среди множества видов и стилей перевода, способствующих межкультурной коммуникации, наше внимание привлек именно художественный перевод, как наименее изученный из всех существующих, и в то же время самый подвижный и творчески развивающийся. Художественный текст как информация, подлежащая декодированию, – это информационно открытое понятие, нормативно-ценностная система контактирующих культур, соответственно выполняющая, на наш взгляд, межкультурно-коммуникативные функции. Так как термин «межкультурная коммуникация» тесно связан с такими понятиями, как «язык», «интеграция», «диалог культур», именно художественный перевод является одной из форм межкультурных связей. Объективным соотношением художественно-смысловой информации, заключенной в оригинале и переводе, определяется посредническая функция перевода.

Говоря об особенностях межкультурной коммуникации на уровне художественного перевода, необходимо отметить, что при таком переводе могут возникнуть определенные трудности: как проблемы коммуникации вообще, так и проблемы перехода с одного национально-культурного кода на другой. При переводе художественного произведения цепочка факторов, разделяющих авторский замысел и читательское восприятие, может оказаться достаточно длинной, где переводчику придется учитывать многочисленные национально-культурные различия, закрепленные как в языковых формах, так и в сложившихся системах ассоциаций, образного отражения действительности, в традиционных жанровых и композиционных формах, в значимости той или иной ритмической

организации текста, того или иного типа рифмы (если речь идет о поэзии) и т. д. Чем выше уровень художественной образности текста, тем выше степень зависимости этого текста от той национальной культуры, в рамках которой он создан, и тем сложнее задача переводчика. Самые большие информационные потери происходят именно в том звене цепочки межкультурной коммуникации, где производится перевод художественного произведения. Отчасти это может быть виной переводчика, отчасти же смысловые потери и расхождения – результат иного оформления сообщения на языке перевода, принадлежащего уже иной культуре, и иного восприятия читателем.

Учёт особенностей культуры при переводе даёт право рассматривать перевод с точки зрения межкультурной коммуникации, так как он предполагает преодоление культурной дистанции. При переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур. То, что является очевидным для носителя исходной культуры, может быть непонятным для носителя другой культуры. Перевод в данном случае выступает как коммуникативная деятельность, обеспечивающая общение между двумя культурными сообществами, которая, с одной стороны, направлена к исходной культуре, а с другой, к культуре, на язык которой выполняется перевод. Распознавая, оценивая и воспроизводя на другом языке художественные образы исходного текста, интерпретируя их, переводчик вынужден выходить за рамки переводимого текста и рассматривать его в связи с литературным процессом, традицией и выразительными возможностями языка оригинала, чтобы на основе этой интерпретации восстановить художественный концепт в его единстве со способами выражения, традициями и выразительными возможностями языка перевода.

Таким образом, художественный перевод является одним из важных видов социальной коммуникации, это социальнокультурное, многофункциональное явление, в котором участвуют разные этносы мира. Говоря о межкультурной коммуникации, диалоге культур, духовном наследии народов мира, чаще всего имеется в виду диалог литератур, где художественный перевод – это самостоятельный феномен культуры, осуществляющий при этом понимание культурной идентичности. Для переводов художественных текстов доминантной является культурологическая функция. При культурной равноценности текстов художественного перевода, реципиент получает адекватную информацию о другой культуре. Такой перевод, являясь средством межкультурной коммуникации, решает в первую очередь задачи взаимопонимания субъектов коммуникации, что обусловлено активным развитием международных контактов во

всех сферах человеческой деятельности, растущим стремлением к обмену духовными ценностями в общемировом масштабе.

Литература

1. Илюшин А. А. Перевод художественный / А. А. Илюшин // Введение в литературоведение: основные понятия и термины : учеб. пособие / Л. В. Чернец, Е. В. Хализеев, С. Н. Бройтман и др. – М., 1999. – С. 240-245.
2. Межова М. В. Национально-культурный аспект перевода художественной литературы / М. В. Межова // Омский научный вестник. – 2008. – № 6(74). – С. 178-180.
3. Лебедева М. В. Межкультурная коммуникация и средства перевода / М. В. Лебедева // Актуальные проблемы социокультурных исследований : матер. межрегион. науч.-практ. конф. аспирантов и соискателей. – Кемерово : Изд-во КемГУКИ, 2006. – С. 102-109.

Жуков Ю.Ю.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В последние десятилетия наблюдается значительный интерес специалистов к изучению феномена юридического перевода. Эта ситуация связана с ростом значимости данного вида перевода в эпоху глобализации. Наметившиеся общемировые тенденции обуславливают интерес не только к культурным, политическим и социальным, но и правовым особенностям других государств. Именно поэтому переводы текстов юридической тематики становятся все более востребованными. Однако юридический перевод, как и любой вид специального перевода, имеет свою специфику и проблематику, которая, прежде всего, заключается в переводе юридической терминологии.

Актуальность данного аспекта исследования связана со стремительным развитием переводоведения как науки, а также с тем, что сегодня все большее количество людей сталкиваются с проблемами перевода терминологической лексики. Сравнительный анализ юридической терминологии немецкого и русского языка позволит выявить сходства и различия двух терминосфер. Кроме того, юридическая лингвистика в странах постсоветского пространства –

довольно молодая дисциплина, с чем связано недостаточное исследование проблем юридического перевода [2, с. 84].

Помимо перевода и правильной передачи смыслов в текстах юридического дискурса особое внимание следует уделять грамматическому оформлению перевода, избегая калькирования и привлечения в язык перевода несвойственных ему конструкций [1, с. 43].

Одним из наиболее часто встречаемых затруднительных случаев, с которыми встречается переводчик при работе с официальными текстами, перевода их на немецкий язык, является перевод причастных оборотов *проживающий, предусмотренный, исходя из...* [3, с. 14]. При переводе на немецкий язык таких конструкций следует избегать описательных конструкций в виде придаточных предложений. В данном случае следует переводить как *wohnhaft, vorangesehen, ausgehend von...* В юридическом немецкоязычном дискурсе активно используются формы партиципа 1 и 2, эллиптических предложений: *gesegelt, geboren am, zusammenfassend, wird beschlossen*. В то же время при переводе на русский язык лучше избегать форм пассивного залога глагола, не свойственных русскому языку: *установлено, принято решение, проставлено печать*.

Выполняя перевод текстов юридического дискурса, переводчику необходимо первоначально выполнить лингвистический анализ схожих документов на языке перевода, чтобы обеспечить адекватный перевод речевых клише.

Литература

1. Брандес М. П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка) / М. П. Брандес. – М. : ВШ, 1988. – 127 с.
2. Кияк Т. Р. Теорія і практика перекладу / Т. Р. Кияк, А. М. Наumenко, О. Д. Огуй. – Вінниця : Нова книга, 2006. – 586 с.
3. Латышев Л. К. Перевод: проблемы, теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – М. : Высш. шк., 1988. – 160 с.

Захарова А.Л.

(ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, ДНР)

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В ЭПОХУ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Гуманистические парадигмы эпохи Римской империи дали мощный толчок развитию литературы, архитектуры, скульптуры, градостроительства, юриспруденции. В этот период появляются

гениальные творения, чье влияние будет ощутимо на протяжении будущих тысячелетий. Столь яркий расцвет культуры, несомненно, нашёл своё отражение и в развитии переводческих творений.

Луций Ливий Андроник (275-200 до н. э.) считается родоначальником римской литературы, в творческом наследии которого большое количество мастерски переведенных с греческого произведений. Самым значимым считается перевод «Одиссеи» Гомера, в котором воплощены основные подходы к интерпретации художественного произведения средствами другого языка. Это яркий пример вольного перевода. Так, Ливий Андроник изменяет гекзаметр подлинника на характерный для римской поэтической традиции сатурнический стих, использует адаптацию, пересказ, насыщенный архаизмами, присущими римскому торжественному стилю. Исследователи считают, что основная парадигма переводческой деятельности Луция Андроника – максимальный учёт интересов римлян, его современников.

Традиции Андроника были продолжены такими переводчиками, как Гней Невий (ок. 274 и 200 гг. до н. э.), Тит Макций Плавт (ок. 254 до н. э. – 184 до н. э.), Публий Теренций Афр (190-159 до н. э.).

Так, Гней Невий активно использует в своих переводах контаминации, которые предполагают вольные трактовки, обширные дополнения, широкие интерпретации.

Тит Макций Плавт, автор множества комедий, оставил обширное наследие литературных переводов, характерной чертой которых является довольно вольная трактовка текста оригинала, обилие пояснений и комментариев, а также ярко выраженная романизация греческих персонажей и их окружения.

Публий Теренций Афр известен как талантливый переводчик, последователь идей Ливия Андроника в сфере перевода художественной литературы. В отличие от Плавта, Афр не использует язык, апеллирующий к плебсу, но использует изящные языковые обороты.

Наибольший интерес исследователей вызывают теоретические обоснования переводческой деятельности, изложенные Цицероном (I век до н. э.) в предисловии к переводу речи Эсхина «Против Ктесифонта» и ответной речи Демосфена «О венке». Данный перевод не сохранился, а краткое вступление известно под заглавием «De optimo genere oratorum». Излагая теоретические взгляды по поводу переводческого процесса, Цицерон подчёркивает нетождественность текста оригинала и текста перевода. Переводчик, по мнению Цицерона, должен тщательно подбирать слова в языке перевода с целью наиболее адекватной передачи смысла переводимого произведения. Блестящий оратор, Цицерон обогатил латинский язык новыми словами, особенно в аспекте трактовки философских

терминов и категорий. Как отмечает И.М. Тронский, «язык латинской прозы получает у Цицерона не только художественную полировку, но и небывалую ещё гибкость, способность выражать разнообразные оттенки сложных мыслей» [2, с. 323].

В трактате «О пределах блага и зла» римский теоретик перевода отмечает, что «нет необходимости передавать все слово в слово по обычаю плохих переводчиков, если существует более употребительное слово с тем же значением, а кроме того, выраженное по-гречески одним словом я обычно передаю несколькими словами, если невозможно иначе» [3, с. 133]. Как видно из данного высказывания, Цицерон не является сторонником буквального перевода, а утверждает более творческий подход к передаче текста оригинала.

В заключение отметим, что изучение и осмысление наследия древних эпох, в том числе в аспекте теоретических и практических проблем перевода, вызывает интерес исследователей и в наши дни.

Литература

1. Сорокина Э. А. История зарубежного перевода : учебное пособие для студентов-бакалавров направления «Лингвистика» / Э. А. Сорокина. – М. : МИИТ, 2011. – 108 с.
2. Тронский И. М. История античной литературы : учебник для ун-тов и пед. ин-тов / И. М. Тронский. – М. : Высш. шк., 1983. – 464 с.
3. Цицерон М. Т. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / М. Т. Цицерон. – М. : Изд-во РГГУ, 2000. – 480 с.

Зиборова В.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ О ТРУДЕ

Английский язык очень богат идиоматическими выражениями, пословицами, которые постоянно встречаются в литературе, в газетах, в фильмах, в передачах радио и телевидения, а также в каждодневном общении англичан.

Данная статья посвящена анализу пословиц о труде. Этой теме посвящено много работ, но мы остановимся на том, как человек относится к труду в этих пословицах и поговорках. Предметом данной статьи являются пословицы и поговорки о труде.

Исследователь А.Н. Афанасьев писал, что «пословицы по самой форме своей не подвержены искажению и потому являются

памятником издавна сложившихся воззрений. Пословицы являются главным источником мудрости предков, хранителями памяти и орудием передачи человеческого опыта» [2, с. 15].

Одной из самых заметных теоретических работ по разграничению понятий пословица и поговорка является типологическая классификация Г.А. Пермякова. В ней указывается, что «пословица – грамматически законченное (имеющее вид предложения) изречение с образной мотивировкой общего значения, т. е. требующее расширительного толкования» [5, с. 150]. «Поговорка – грамматически незаконченное (не составляющее предложения) изречение с образной мотивировкой общего значения» [5, с. 155].

Рассмотрим, как английский народ относится к труду на примере пословиц и поговорок. Самыми распространенными являются пословицы с положительным отношением к работе, например: *Nothing to be got without pains.* – *Ничего не достигнешь без боли.* В этих примерах реализуется значение необходимости приложения усилий для результата.

Также по данным пословицам можно сделать вывод о том, что для английского народа высокий результат достается с помощью усердного труда. Человек должен прилагать немало усилий, чтобы его работа дала плоды. Также необходимо относиться к любой трудовой деятельности с полной мерой ответственности. Это значение в полной мере реализуется в следующих пословицах английского языка: *If a job is worth doing it is worth doing well.* – *Если работу стоит делать, то стоит делать её хорошо.* Данные примеры показывают, что англичанам очень важно качество выполненной работы. Также необходимым является доведение работы до конца.

Для того, чтобы выполнить свою работу хорошо и качественно, нельзя перекладывать её на других людей. Это значение выражается в таких пословицах, как: *Self done is well done.* – *Хорошо делается то, что делается своими руками.* Приведённые пословицы содержат совет не перекладывать ответственность за результаты труда на других, а рассчитывать лишь на свои силы.

В английском языке также оценивается роль орудий труда в трудовом процессе. В данной категории выявлены пословицы о невозможности трудового процесса без орудий труда, например: *What is the workman without his tools.* – *Что за работник без своих инструментов.* По данным примерам мы можем увидеть, что англичане хвалят умение обращаться с орудиями труда, а также то, что человек не может быть хорошим работником, не имея при этом соответствующих орудий труда.

Необходимо отметить, что состояние орудий труда является показателем отношения человека к работе. В английском языке это

значение реализуется в таких пословицах, как: *A bad shearer never had a good sickle.* – У плохого стригалы никогда не было хороших ножниц. Исходя из этих примеров, мы чётко видим, как негативно английский народ относится к людям, которые винят в плохой работе не себя, а свои орудия труда.

В английских пословицах отмечается системность трудового процесса, в этой группе выявлено большое количество пословиц, например: *Feather by feather a goose is plucked.* – Перышко за перышком – и гусь ощипан. Данные примеры указывают на то, что при выполнении работы нужно трудиться тщательно и выполнять работу постепенно, систематично. Необходимый результат достигается не сразу, а путём долгой и кропотливой работы: *An oak is not felled at one stroke.* – Дуб не свалишь одним ударом.

Также нами была выявлена ещё одна похожая группа английских пословиц со значением полного погружения и вовлечённости в трудовой процесс. Например, такие пословицы, как: *A cat in gloves catches no mice.* – Кот в перчатках мыши не поймает. Это говорит о том, что англичане очень уважительно относятся к трудовому процессу, и даже грязная работа оправдывает результат.

Немаловажным является преимущество своевременного выполнения работы. Например: *Never put off till tomorrow what you can do today.* – Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. Данные пословицы реализуют значение добросовестного отношения к труду и к пользе своевременно выполненной работы.

Нами была выявлена ещё одна группа пословиц, дающих положительную оценку трудовой деятельности и реализующих значение «предпочтительность труда удовольствию». В английском языке это значение реализуется в пословицах: *Business before pleasure.* – Работа вперед удовольствия. Данные пословицы и поговорки подчёркивают важность и первенствующее место труда в жизни. А отдых оценивается лишь как награда после работы. Пословицы призывают человека отдыхать, не думая о деле только после того, как оно закончено, например: *All work and no play makes Jack a dull boy.* – Нескончаемая работа без отдыха и развлечения делает Джека скучным малым; *Place for everything and everything in its place.* – Сначала дело, потом развлечения. В данных пословицах акцентируется внимание на том, что труд должен занимать приоритетное положение.

При этом английскому народу свойственно более внимательное отношение к труду, точность, аккуратность и тщательность в работе. Значение «точность в работе» реализуется в следующих английских пословицах: *Score twice before you cut once.* – Отмерь дважды и

отрежь один раз. То есть важным для англичан является то, что труд требует сосредоточенности на одном предмете.

В английском языке очень много образов животных, выражающих трудолюбие и добросовестное отношение к труду – пчела, птичка. Англичане выделяют такие качества пчелы, как бережливость, аккуратность, неумолимость в трудовой деятельности, например: *As busy as a bee.* – *Трудолюбивый как пчела.*

В английском языке многочисленной является группа пословиц, порицающих лень в работе. Подчеркивается также, что лень – это явление, относящееся к чему-то злему, например: *Idleness is the mother of all evil.* – *Праздность (безделье) – мать всех пороков.* Рассматривая данные пословицы, можно прийти к выводу, что у английского народа бездельник был самым презренным человеком.

Пословицы показывают отрицательное отношение к тем, кто не желает трудиться, в них с нескрываемой иронией и сарказмом высмеиваются лентяи и бездельники. Однако в то же время и не осуждают отсутствие рвения к работе, например, такие пословицы, как: *Only fools and horses work.* – *Работают только дураки и лошади.* По данным пословицам можно пронаблюдать наличие небескорыстного отношения к работе. Ей всегда должна следовать достойная награда за вложенный труд.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1) пословицы и поговорки многозначны и ярки. Они находятся вне времени и вне классового деления, т.е. их произносят как богатые люди, так и люди низших слоев общества;

2) в целом русские и английские пословицы раскрывают идею о том, что труд – это то, что облагораживает человека, что является одной из главных составляющих его жизни, его социальной ценностью. И мораль как русских, так и английских пословиц выражает именно это. Некоторые же отличия в оценке трудовой деятельности обусловлены особенностями национального характера русских и англичан.

Литература

1. Архангельский В. А. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. А. Архангельский. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1964. – 315 с.
2. Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / А. Н. Афанасьев ; сост., подготовка текста, статья, комм. А. Л. Топоркова. – М. : Индрик, 1996. – 640 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин ; 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.

4. Кузьмин С. С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / С. С. Кузьмин, Н. Л. Шадрин. – М. : Русский язык, 1989. – 353 с.
5. Пермяков Г. А. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г. А. Пермяков. – М. : Восточная литература, 1970. – 240 с.

Иванова Н.А.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Перевод является сложной деятельностью, основанной на не менее сложной системе навыков и умений. В широком смысле можно различать два вида переводческой деятельности – устную и письменную, однако внутри обоих из них существуют подвиды, каждый из которых настолько уникален, что его следует рассматривать как отдельное умение. Это поясняется тем, что, кроме признаков, общих для конкретных подвидов (например, устного перевода), каждый из них имеет также специфические признаки, присущие только ему. Соответственно, письменный перевод – это умение полного и адаптивного перевода, материальной основой которого является графическая система языка.

Все умения основываются на действиях, которые выполняются в рамках навыковых параметров. Как известно, навык определяется как автоматизированный компонент осознанного действия человека, который формируется в процессе его выполнения [1, с. 48]. Действия, которые перешли на уровень навыков, сначала могли быть очень сложными по своей структуре, и по своей психологической природе были именно действиями, то есть актами, направленными на результат как на осознанную субъектом цель их деятельности. Например, в начале овладения переводческой деятельностью студент вынужден осознанно контролировать не только деятельность, направленную на цель перевода, но и отдельные действия, входящие в такую деятельность. Однако в процессе выполнения упражнений, тренировки и практической деятельности эти действия превращаются в операции или способы, с помощью которых выполняются действия высшего уровня [1, с. 48].

Скорость формирования системы внутренних принципов перевода и его качество зависят от ряда факторов. Во-первых, будущим переводчикам нужен как можно больший опыт в максимально

возможном диапазоне отраслей, поскольку индуктивный опыт способствует формированию и усложнению системы навыков (и умений) снизу вверх [2, с. 178]. В некоторых подходах считается, что в идеале дедуктивные принципы должны формироваться через индуктивный процесс, однако эти же авторы признают применение исключительно индуктивных процедур неэффективным и практически невозможным, по причине отсутствия достаточного объема времени, отведенного на обучение, а также узкие диапазоны действий сформированных таким образом навыков и умений [2, с. 178].

Для решения данного противоречия предлагается применение в процессе обучения теоретических положений, которые помогают существенно экономить время и усилия, поскольку их проверка на практике и перевод в план внутреннего содержания занимает гораздо меньше времени, чем самостоятельное их выведение из практического опыта [2, с. 179]. Это не означает чрезмерное теоретизирование на занятиях по письменному переводу, потому что содержание теоретических положений переходит во внутренний план только после их проверки индивидом в практической деятельности.

Таким образом, как следует из вышеизложенного, содержанием формирования переводческих навыков и умений будущих переводчиков в учебных заведениях должно быть сообщение им теоретических принципов и предоставление возможностей проверки их правильности в упражнениях, вместе с обеспечением эффективной обратной связи. По мнению исследователей [2, с. 179-183], в таких условиях студенты развивают профессиональную компетенцию гораздо быстрее по сравнению с чисто индуктивным процессом.

На начальном этапе тренировка в переводе на русский язык осуществляется на материале газетных текстов, которые содержат значительное количество лексико-грамматических и стилистических переводческих трудностей и подразумевает тщательную внеаудиторную подготовку к обсуждению перевода. Если условия позволяют, после проверки выполненных переводов необходимо обсуждать ошибки, сопровождая текст переводческим комментарием, в котором даются сведения о лексических единицах, их сочетаемости, стиле статьи и стилистических средствах. Преподавателю следует также предлагать свой вариант перевода и, если позволяет аудиторное время, на следующем занятии необходимо предлагать студентам перевести этот же текст с листа. Таким образом, идет закрепление изученной лексики, тренируется память, так как помимо того, что студенты обязаны точно воспроизвести вариант, отработанный на предыдущем

занятия с помощью преподавателя, они еще должны отвечать на все вопросы преподавателя о синонимах, сведения о которых давались в комментариях к переводу.

Работа над письменным переводом систематизирует знания, полученные студентами на занятиях по практике устной и письменной речи, расширяет словарь (репродуктивный и рецептивный), учит соотносить явления двух разных языковых систем.

Обучение на основе принципов поэтапного формирования навыков потенциально способно обеспечить его эффективность во всех случаях, обеспечивая интеграцию ориентировочной и исполнительской фаз и устраняя этап произвольного запоминания, поскольку при таком построении ориентировочная основа усваивается непосредственно в процессе выполнения действий.

Литература

1. Нелюбин Л. Л. Основы лингводидактической архитектоники курса перевода / Л. Л. Нелюбин // Переводоведческая лингводидактика. – М. : Флинта ; Наука, 2009. – С. 47-54.
2. Сахарова Н. С. Развитие иноязычной компетенции студентов как педагогической системы / Н. С. Сахарова // Вестник ОГУ. – 2002. – Вып. 9. – № 6. – С. 177-183.

Ивахненко М.Н.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Языковое обозначение эмоций всегда было предметом научных изысканий филологов. Исследователи отмечают, что словарь эмоций в разных языках не одинаков, нет ни одного переживания, которое было бы доступно для одной национальности и недоступно для другой. Это говорит о том, что эмоции универсальны, но в то же время лексика эмоций имеет национальную специфику и самобытность отражения в каждом языке.

Лингвистика эмоций как научная дисциплина сформировалась на стыке психологии и традиционной лингвистики. Она была областью научных интересов многих ученых-лингвистов, таких как И.В. Арнольд, В.И. Шаховский, Ю.С. Степанов, Л.Г. Бабенко [2]. Однако нет единой точки зрения на проблему языковой интерпретации эмоций.

Не вызывает сомнений тот факт, что эмотивность является категорией интерлингвистической, но с другой стороны, опыт межязыкового общения показывает, что аналогичные эмоции и эмоциональные ситуации в разных языках зачастую выражаются не только различными частями речи или разным порядком слов в пределах одного предложения, но иногда их выражение разнится от языка к языку на уровне целых абзацев или сложных, развернутых метафорических образов; временами же эмоция, находящая четкое словесное отражение в одном языке, в другом языке вообще «замалчивается» [3, с. 5] и угадывается лишь из контекста. Поэтому в числе неосвещенных аспектов эмотивности филологи единогласно отмечают отсутствие способа адекватной передачи эмотивного содержания высказывания и текста на иностранный язык (к примеру, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, В.И. Шаховский, А.Д. Швейцер).

Можно предположить, почему языковое отражение эмоций вызывает сложности при переводе. Если опираться на высказывание В.Я. Задорновой, согласно которому «в контексте художественного произведения языковые единицы живут своей особой жизнью, приобретают особое содержание» [3, с. 6], то становится понятно, что в рамках художественного текста эмоциональные ситуации приобретают подтекст и вторичные значения, затрудняя, таким образом, их передачу на другой язык.

Трудности для переводчика художественной литературы представляют также фразеологизмы, которые используются для языкового выражения эмоций и большей частью не совпадают в различных языках, соответственно, пытаться переводить их устойчивыми эквивалентами не всегда возможно, так как задача переводчика – вызвать у реципиента эмоции, которые вызывает оригинал у носителя языка.

Таким образом, перевод эмоционального выражения, как и вообще любой художественный перевод, требует от переводчика глубокого знания и чувства языка.

Литература

1. Галеева Е. В. Психолингвистические основы вербального обозначения эмоций [Электронный ресурс] / Е. В. Галеева // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7. Языкознание. – 2015. – № 4. – С. 126-129. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения 20.02.2019).
2. Герасименко И. Е. Эмотивность как лингвистическая категория [Электронный ресурс] / И. Е. Герасименко, О.М. Тютрина // Молодой ученый. – 2016. – № 13.2. – С. 23-25. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/117/32368/> (дата обращения: 18.02.2019).

3. Стрельницкая Е. В. Эмотивность и перевод: особенности языковой передачи эмоций при художественном переводе с английского языка на русский : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Стрельницкая ; [Место защиты: Московский государственный университет]. – Москва, 2010. – 265 с.

Ильясова Н.И.

*(ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»,
Донецк, ДНР)*

ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Изучение иностранных языков актуально для системы образования на любом этапе своего развития. Осуществление межкультурной коммуникации невозможно без переводческой деятельности. Переводческая деятельность охватывает все сферы жизнедеятельности человека, работая как механизм замещения понятий, интерпретаций и трансформаций исходного иноязычного материала. Одной из значимых сфер жизнедеятельности человека является юридическая сфера общения, определяющая характер правового взаимодействия индивида и общественно-политической системы государства, ведомств и организаций, а также индивидов между собой. Основными проявлениями правовых отношений, имеющих значение для лингвистико-правоведческого исследования, являются юридические документы: учредительная, судебная, сопроводительная документация, договоры и нормативно-правовые акты локального и международного характера.

Теория и практика специализированного юридического перевода базируется на исследованиях в данной области ученых: М.Г. Гамзатова, А.С. Киндеркнехта, Л.С. Бархударова, К.М. Левитана, Н.Д. Голева, Н.П. Глинской, С.В. Власенко, В.Н. Комиссарова и др.

В данной статье будет рассмотрена сущность юридического перевода как отраслевой системы переводческой деятельности, а также определены особенности указанной отрасли профессионального перевода.

Юридическая сфера общения в лингвистико-культурологическом аспекте предполагает межязыковую и межкультурную коммуникацию. Юридический перевод как «сложный, разносторонний вид межкультурной коммуникации, направленный на выявление и толкование письменных и устных текстов, создаваемых в одной культуре, и адаптация их содержания для

восприятия представителями другой культуры» [2, с. 13] выступает отраслевой разновидностью специализированного перевода и является отдельной системой профессиональной переводческой деятельности. Составными частями этой системы можно назвать специфику юридической сферы общения; лексические, грамматические и стилистические особенности языкового материала; специализацию подготовки переводчиков; субъективные факторы, имеющие влияние как на интерпретацию и трансформацию текстового материала, так и на процесс коммуникативного взаимодействия в данной сфере в целом.

Тексты юридического характера «являются неотъемлемым элементом правовой и языковой культуры общества» [3, с. 3], выполняя когнитивные и коммуникативные функции. Особенности текстовой организации юридических документов происходят из их стилистической обусловленности. И.С. Алексеева определяет сходство текста юридического характера «как с научным текстом, так и с текстом инструкции, поскольку выполняет и познавательные, и предписывающие функции» [1, с. 216]. Анализируя все факторы осуществления юридического перевода, следует выделить его доминантные особенности, характеризующие юридический перевод как отраслевой.

Одной из главных особенностей юридического перевода является специфика сферы общения. Юридическая сфера общения обуславливает использование специализированных юридических формулировок и терминов. Множество источников переводной литературы способствует адекватному переводу терминов, понятий, устойчивых выражений и отдельных формулировок языка права. Большое значение в определении специфики перевода согласно сфере общения имеет учет особенностей правовой системы той страны, в которой был составлен переводимый документ.

Другая отраслевая особенность юридического перевода заключается в соблюдении языковых норм литературного исходного языка и адекватном соотношении их с нормами языка перевода. Юридические тексты, подчиняясь законам создания текстов официально-делового и научного стилей, содержат определенные языковые признаки – лексические, морфологические, синтаксические, стилистические:

- юридические термины и терминологизированные слова, в том числе и многозначные юридические термины;
- клишированные слова и выражения, в том числе устойчивые специализированные выражения;
- определенные морфологические формы глаголов (повелительное наклонение, абсолютная форма настоящего времени, модальные глаголы и др.) и других частей речи;

– при переводе должны быть учтены «полнота и разнообразие синтаксических структур, типов логических связей, преобладание структур со значением условия и причины, обилие однородных членов предложения и однородных придаточных» [1, с. 219];

– стилистически эмоциональная нейтральность, однозначность и недвусмысленность переводимого материала и осуществленного перевода.

Немаловажной особенностью юридической отрасли переводоведения необходимо отметить профессиональные качества и специализированную подготовку переводчика. От качественной подготовки и эрудированности переводчика будет зависеть качество и точность переводимых юридических текстов.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что юридический перевод выполняет межъязыковую и межкультурную коммуникацию посредством работы с материалами юридической сферы общения исходного языка в соотношении с языковыми особенностями языка перевода. Адекватный перевод юридических текстов с одного языка на другой невозможен без глубокого знания системы отраслевого юридического перевода. Система переводческой деятельности в сфере юриспруденции включает в себя ряд особенностей правоведческого и лингвистического характера, знание которых позволит осуществлять переводы юридических текстов на высоком уровне переводческой компетенции.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика : учеб. пособие / И. С. Алексеева. – СПб. : СОЮЗ, 2001. – 288 с.
2. Брандес М. П. Стилъ и перевод (на материале немецкого языка) : учеб. пособие / М. П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1988. – 127 с.
3. Широбокова Л. П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического описания : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Л. П. Широбокова. – М., 2007. – 19 с.

Казакова Д.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ. КАЗУСЫ ПЕРЕВОДА В ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Перевод в самом общем виде определяют как передачу содержания текста на одном языке средствами другого языка. Это определение сфокусировано на одном из основных требований к

переводу – передавать содержание оригинала. Нарушение этого требования, бесспорно, воспринимается как ошибка [3, с. 1].

Причиной переводческих ошибок является, по мнению Н.К. Гарбовского, «недостаточная образованность переводчика». Исследователь выделяет четыре типа переводческих ошибок, в основе которых лежит: недостаточное владение языком оригинала; недостаточный когнитивный опыт, т. е. недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности; невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в тексте, т. е. непонимание того, что автор говорит о предмете; неумение различать особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения [2, с. 107].

Исследуя перевод как особый вид речевой коммуникации, теория перевода не ограничивается анализом его языкового механизма, ведь перевод – это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур. Широкую известность получило высказывание о переводе великого немецкого лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно» [1, с. 9].

В течение всей истории человечества ошибки перевода порождали дипломатические конфликты и недопонимания, которые длились веками.

Международные отношения – это особый вид общественных отношений, выходящих за рамки внутриобщественных отношений и территориальных образований. Глобальная обстановка в мире во второй половине XX века коренным образом изменилась. Это связано с резким обострением глобальных проблем, со вступлением человечества в «ядерный век» и, главным образом, с изобретением и производством оружия массового поражения [4, с. 5].

26 июля 1945 года страны антигитлеровской коалиции опубликовали Потсдамскую декларацию, в которой были указаны условия капитуляции японской империи, подчеркивая, что в случае отказа ее ждет «быстрое и полное уничтожение».

Декларация была типичным ультиматумом. Премьер-министр Японии Кантаро Судзуки созвал пресс-конференцию и сказал: «Без комментариев. Мы продолжаем это обдумывать». Все дело в том, что представители союзных стран поняли его слова иначе. Судзуки допустил ошибку, используя слово *mokusatsu*, которое может означать «без комментариев», но также «мы это отвергаем». Лишь

через 10 дней после пресс-конференции президент Трумэн прояснил миру, что означает «быстрое и полное уничтожение». Мы теперь уже никогда не узнаем, изменился ли бы ход событий в случае правильного перевода.

В 1956 году, когда холодная война была в самом разгаре, советский лидер Никита Хрущев произнес речь в польском посольстве, а затем на банкете, на котором присутствовали многие послы западных стран. Гости буквально остолбенели, когда услышали от Хрущева: «Нравится вам это или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним!».

В условиях ожесточенной гонки вооружений западная печать восприняла его слова как прямую угрозу, однако советская сторона поспешила заявить, что Хрущева неправильно поняли, и его слова были вырваны из контекста. В действительности, советский лидер имел в виду фразу Маркса из «Манифеста коммунистической партии» о том, что буржуазия порождает собственных могильщиков. Правильный перевод его выступления – который не обязательно должен быть дословным – должен был бы звучать приблизительно так: «Нравится вам это или нет, но история на нашей стороне. Мы доживем до того, что увидим, как вас хоронят». Нельзя сказать, что это очень дружелюбная фраза, но в любом случае это был идеологический лозунг, а не угроза.

Трудно поверить, что и в современном глобализованном мире продолжают совершаться переводческие ошибки в вопросах международных отношений, ведь такие ошибки могут нести в себе угрозу не только национальной безопасности государств, но и непосредственно жизни миллионов граждан.

Существует необходимость подготовки специалистов-переводчиков в сфере международных отношений, которые должны иметь не только коммуникативные, вербальные способности, но и уметь быстро принимать решения в условиях изменяющейся ситуации, быть всесторонне развитыми, иметь высокий уровень распределения внимания, гибкость мыслительных процессов.

Литература

1. Теория перевода: основные понятия и проблемы : [учеб. пособие] / М. Ю. Илюшкина ; [науч. ред. М. О. Гузикова] ; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 84 с.
2. Современная филология (II) : Материалы междунар. заоч. науч. конф. (Уфа, январь 2013 г.). – Уфа : Лето, 2013. – vi, 118 с.
3. Куниловская М. А. Понятие и виды переводческих ошибок / М. А. Куниловская // Переводческая ошибка в теории и практике перевода : сборник материалов семинара. – Тюмень, 2008.

4. Климова С. В. Политология : учеб.-практ. пособие / С. В. Климова. – М. : Изд-во МГУУТ, 2007. – 105 с.

*Карпенко Д.Э.
(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР НА РУССКИЙ ЯЗЫК

На сегодняшний день многие исследователи отмечают тот факт, что человек не только говорит метафорами, но и наделён метафорическим мышлением. Этого мнения придерживаются в первую очередь представители когнитивной лингвистики. С их точки зрения метафорическое мышление не менее значимо, чем логическое. С помощью метафор человек познаёт мир и систематизирует свои знания. Метафора рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме [1, с. 29].

По мнению Хосе Ортега-и-Гассета: «Метафора служит не только наименованию, но и мышлению. Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [2, с. 90]. Сегодня метафоры используются в абсолютно разных сферах коммуникации, в том числе и политической. Почему же речь политиков изобилует метафорическими образами, и какие преимущества предоставляет метафора?

Исследование политической метафоры и описание конкретных метафорических моделей – одно из интенсивно развивающихся направлений современной политической лингвистики. Для современной политической коммуникации характерна высокая частотность метафор и это явление имеет своё объяснение. На сегодняшний день метафора является одним из наиболее сильных средств воздействия на политическое сознание общества. Её использование способствует усилению действенности побуждения граждан к политической деятельности. Метафорический призыв *выйти на решающий бой с врагами* воспринимается человеком иначе, чем банальное приглашение к участию в демонстрации. В речи постоянно используется и метафорическая аргументация как способ изменения политических взглядов аудитории. Удачные метафоры вызывают эмоции и надолго остаются в памяти людей.

Хорошо известно, что образная форма всегда привлекает внимание человека и способна сделать высказывание более действенным.

Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами. В качестве примера можно привести следующие метафорические модели: *политическая деятельность – это война*; *политика – это живой организм*. Отношения между компонентами этой модели понимается не как прямое отождествление, а лишь как подобие.

Цель переводчика – объективировать всю совокупность концептов, учитывая объективную возможность это сделать в данном контексте. Переводчик не может упустить концепт или полностью опустить его, в противном случае это уже причисляется к переводческим ошибкам. Однако переводчику не следует забывать о том, что политическая концептосфера отдельной страны является отражением политической культуры нации. И, несмотря на то, что существуют общеупотребительные метафоры, каждый язык представляет собой оригинальную категоризацию и оценку политической реальности, поэтому обладает своим собственным набором концептов и наиболее употребительных метафорических моделей.

Иными словами, политический дискурс отдельной страны обладает национально-культурной спецификой, которую необходимо учитывать при выборе стратегии перевода и воплощении этой стратегии в конкретных переводческих решениях. Л. Венути предлагает две стратегии перевода, которые, в частности, применяются и при переводе политических метафор: доместикацию и форенизацию [3, с. 143]. Выбирая стратегию доместикации, переводчик ставит перед собой задачу сохранения культуры оригинала, а в случае форенизации наблюдается ориентация на культуру перевода. На примере перевода политических метафор это выглядит следующим образом: переводчик либо склоняется к сохранению, быть может, странного, непривычного для принимающей культуры оригинального метафорического образа (стратегия форенизации) или, более или менее решительно отказываясь от метафоры оригинала, подбирать эквивалент, укоренённый в дискурсе принимающей культуры (стратегия доместикации). Выбор стратегии может изменяться от одного конкретного случая к другому.

Таким образом, сложность перевода метафоры в значительной степени связана с различиями между метафорическими системами, существующими в соответствующих языках, поэтому далеко не всегда возможен простой перенос метафор из английского текста в русский. В связи с этим возникает необходимость изменения метафорического образа. Такая замена помогает сохранить уровень экспрессии оригинала и сделать перевод более идиоматичным.

Литература

1. Барышников П. Н. Миф и метафора: опыт межкультурного анализа / П. Н. Барышников. – М., 2008. – 196 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ, 2003. – 378 с.
3. Venuti L. The Translator's Invisibility. A history of translation / L. Venuti. – London ; New York : Routledge, 1995. – 678 p.

Квач Ю.А.

*(ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, ДНР)*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Структурные различия русского и английского языков приводят к неизбежности применения переводческих трансформаций на грамматическом уровне для достижения адекватности и эквивалентности перевода.

Согласно классификации В.Н. Комиссарова грамматические трансформации могут применяться на синтаксическом и морфологическом уровнях [2].

В данной работе приводятся результаты исследования морфологических трансформаций, представленных заменами формы слова и части речи. Исследование проводилось в форме сопоставительного анализа текстов двух документов: Европейских строительных норм EN 1990:2002 «Eurocode 0: Basis of structural design» на английском языке и Национального стандарта Российской Федерации НСР EN 1990-2011 «ЕВРОКОД 0: Основы проектирования сооружений», который является его официальным переводом на русский язык.

На данном этапе исследования морфологические замены составляют 337 примеров. Наиболее частотными среди них являются замены формы слова (232 примера, 69% от общего числа), а именно замена залога глагола (170 примеров) и замена числа имени существительного (62 примера).

Замена залоговых форм глагола довольно часто применяется в процессе перевода с английского языка на русский. Это можно объяснить тем, что в английском языке формы пассивного залога употребляются чаще, чем в русском языке. При этом в русском языке существует множество способов передачи указания на пассивность или отсутствие действующего лица [1]. Например:

(1) *Geotechnical actions shall be assessed in accordance with EN 1997-1. – ‘Геотехнические воздействия следует определять в соответствии с требованиями EN 1997-1’.*

Замена числа имени существительного чаще всего обусловлена тем, что в английском и русском языках имена существительные, имеющие прямые эквиваленты, могут функционировать в разных формах числа. В некоторых случаях замена формы числа в процессе перевода может применяться как средство создания окказионального соответствия [3]. Например:

(2) *For seismic actions the design value AEd should be assessed from the characteristic value AEk or specified for individual projects. – ‘Для сейсмических воздействий проектная величина AEd должна быть установлена на основе характерного значения AEk или определена особо для каждого проекта’.*

Среди замен частей речи (105 примеров, 31% от общего числа морфологических трансформаций) в исследованном эмпирическом материале наиболее многочисленной является субстантивация (76 примеров). Данный вид трансформаций при переводе подразумевает, что английские глаголы в различных формах передаются на русский язык именами существительными.

Например, трансформация по схеме «герундий® имя существительное» является довольно распространённой при переводе с английского языка на русский ввиду отсутствия в русском языке такой грамматической формы глагола, как герундий, вследствие чего для его передачи необходимо использовать другие грамматические средства, среди которых чаще всего встречаются существительные или глаголы в личной форме:

(3) *The modeling for static actions shall be based on an appropriate choice of the force-deformation relationships of the members and their connections and between members and the ground. – ‘Моделирование статических воздействий должно проводиться с учетом соответствующих механических характеристик конструктивных элементов, их соединений и взаимодействия с основанием’.*

Также стоит отметить трансформации по схеме «инфинитив глагола ® имя существительное». В зависимости от функции инфинитива в английском предложении на русский язык он может передаваться при помощи иных языковых средств, т. е. с применением переводческих трансформаций. Например:

(4) *The measures to prevent potential causes of failure and/or reduce their consequences may, in appropriate circumstances, be interchanged to a limited extent provided that the required reliability levels are maintained. – ‘Меры по исключению потенциальных причин разрушений и/или снижению их последствий могут, при соответствующих обстоятельствах, быть, в определенной*

степени, взаимозаменяемыми при условии, что требуемые уровни надежности будут обеспечены’.

Анализ исследованного эмпирического материала позволяет сделать общий вывод о том, что морфологические трансформации неизбежны для создания адекватного перевода с соблюдением норм русского языка. Наиболее многочисленными среди замен, выявленных на морфологическом уровне в данном языковом материале, представляются замены формы слова (см. количественные данные выше), в частности, замена залога глагола, которая обусловлена стремлением переводчика использовать более характерные для русского языка грамматические конструкции и способы передачи отсутствия действующего лица.

Литература

1. Джантуханов В. З. Особенности перевода страдательного залога с английского языка на русский при переводе произведений художественной литературы / В. З. Джантуханов // Системные технологии. – 2014. – № 3(12). – С. 25-31.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Матюхин А. Ю. Особенности перевода инфинитива и инфинитивных конструкций [Электронный ресурс] / А. Ю. Матюхин // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки : электр. сб. ст. по мат. XXIII Междунар. студ. науч.-практ. конф. – № 4(22). – Режим доступа : [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(22\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(22).pdf) (дата обращения: 10.02.2019).

Ковалевская К.С.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ТОПОНИМ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящее время недостаточно изученным остается семантический разряд топонимов, и тем интереснее исследовать перевод именно таких топонимов. По определению С.И. Ожегова, топоним – это собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодья и др.). «Топонимика входит в состав языкознания, представляя в каждом языке свой специальный раздел со своими принципами и интересами, и может быть признана, прежде всего, лингвистической, языковедческой наукой», – пишет А.И. Попов в одной из своих работ [3, с. 7-8]. Собственные имена,

в особенности топонимы, «в подавляющем большинстве случаев обладают национально-языковой принадлежностью» [2, с. 20], являются «носителями национального колорита» [1, с. 269].

Топопозэтоним – собственное имя со значением места (топоним), употребленное в художественном произведении. Топопозэтонимы, занимая околоядерное пространство, представлены в художественных произведениях ойконимами, оронимами, спелеонимами, хоронимами, урбанонимами, доронимами, дримонимами. Находясь в непосредственной близости к ядру, как русские, так и английские топовозэтонимы также делятся на естественные и искусственные. А искусственные – на прямо мотивированные и косвенно мотивированные.

Занимаясь переводом данных единиц, переводчик нередко ставит задачи, которые необходимо выполнить. В первую очередь стоит отметить, что при переводе топонимов следует учитывать системную организацию топонимии любой территории. Сохранение данной системной организации, при переводе ее на другой язык, обеспечивается сохранением определенных признаков топонимической системы. Они представляют собой обязательный учет территориально закреплённой формы иноязычных топонимов. Необходимо принять во внимание ту форму произношения и написания, которая официально зарегистрирована на картах и в справочных материалах определенной территории.

Ещё одним важным элементом является тщательный структурный и словообразовательный анализ топонимов, входящих в состав иноязычной топонимической системы, с целью выявления всех элементов, определяющих значение топонимии.

Переводчики при передаче топонимов с одного языка на другой чаще всего отдают предпочтение звуковой и/или графической, а не семантической форме. Поэтому необходимо отметить, что топонимы являются географическими единицами, и их внешняя (звуковая или графическая форма) имеет большое значение для идентификации географических объектов.

Сталкиваясь с переводом топонимов в художественной литературе, переводчику следует сохранить специфику внутренней (семантической) формы топонима для того, чтобы создать определенный художественный образ. Исходя из этого, перед переводчиком стоит выбор: либо перевести топоним, сохраняя его внешнюю форму, либо при переводе уделить внимание его внутренней форме.

Однако если существует несколько вариантов, предпочтение следует отдавать тому, который обеспечивает сохранение уникального звукового и графического облика иноязычного топонима. Стоит также отметить, что при отображении внешней

формы топонимов иностранного языка достаточно часто возникает проблема выбора между транслитерацией и транскрибированием. Особенно это касается языков с традиционной орфографией (английского, французского и т. д.), поскольку в данном случае отрыв графического изображения слов от их звучания может быть весьма существенным.

Таким образом, можно сказать, что перевод имен собственных – процесс весьма затруднительный, требующий не только знания иностранного языка, но и широкой эрудиции. Кроме того, переводчик, берущийся за работу с топонимами, должен обладать уникальным языковым чутьем, которое вырабатывается годами.

Литература

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
3. Попов А. И. Географические названия : Введение в топонимику / А. И. Попов ; отв. ред. чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1965. – 184 с.

Коваленко Ю.Э.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЖАРГОНА ПОДРОСТКОВ РОМАНА Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В последнее время лексикон многих языков существенно пополняется заимствованиями за счёт научно-технического прогресса, всеобщей компьютеризации, а также изменений в сфере политики, экономики и культуры. Это относится и к английскому языку. Особый интерес вызывает перевод заимствований в английском языке на русский.

Заимствование – это «переход» элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков или сами элементы, перенесенные из одного языка в другой. Под заимствованным словом в языкознании понимается любое слово, пришедшее в язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконных слов этого языка.

Роман Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин», как и одноимённый кинофильм Стэнли Кубрика, содержит большое количество заимствований. Более того, писатель создал специальный язык для этого произведения – Надсат/Nadsat. Слово *надсат* – это «транслитерация русского суффикса порядковых числительных от 11 до 19-*на́дцать*, произнесенного на английский манер» [4].

Необходимо отметить, что, несмотря на то, что произведение написано на английском языке, автор употребляет большое количество слов и выражений, заимствованных из русского языка, а также заимствования из других языков и диалектов.

Считаем, что перевод анализируемого произведения на русский язык может быть довольно сложным, так как дословный перевод заимствований из русского языка – слов, которые знакомы русскоязычному реципиенту – не сможет передать соответствующую атмосферу необузданной жизни подростков, представленную в «Заводном апельсине», а их искажение при переводе может привести к искажению восприятия всего произведения. Исследователи считают, что «автор знал и хотел, чтобы читатель столкнулся с определенными трудностями при чтении, что значительно усложняет задачу переводчика – сохранить в переводе необходимую стилистику» [5]. Основная задача для переводчика – передать текст произведения на русский язык так, чтобы слова жаргона «Надсат» для русскоязычного читателя выглядели столь же непривычно, как и для англоязычного.

Рассмотрим два перевода романа «Заводной апельсин» на русский язык, выполненные Владимиром Бошняком и Евгением Синельщиковым. Что касается кинофильма, то интерес представляют дублированная и субтитрированная версии. В каждой версии перевода использованы свои способы передачи заимствований.

Например, Владимир Бошняк передаёт заимствования латиницей, оставляя исходную форму неизменной, но добавляя характерные для русского языка окончания (*droogs* – *друга*, *poogly* – *puglovato*, *with litso* – *с litsom*). В некоторых случаях переводчик использует эквиваленты (*underveshches* – *belljo*, *in Staja* – *в гостюрьме*).

Евгений Синельщиков отдаёт предпочтение заимствованию слов и выражений английского языка с добавлением русских окончаний (*droogs* – *фрэнды*, *viddied* – *лукс эт*). В некоторых случаях Е. Синельщиков, так же как и В. Бошняк, использует эквиваленты (*underveshches* – *одежда*, *litso* – *лицо*, *voloss* – *волос*).

В дублированной версии фильма при передаче заимствований были использованы русские эквиваленты (*droogs* – *друзья*, *korova* – *корова*, *rassoodock* – *мозги*, *devotchka* – *девочка*).

В субтитрированной версии фильма отдаётся предпочтение передаче заимствований латиницей, то есть исходная форма

полностью остаётся неизменной (*malenky – malenky, nozh – nozh, britva – britva, spatchka – spatchka*).

Сравнительный анализ двух версий перевода произведения демонстрирует, что переводчики выбрали разные подходы к работе. Владимир Бошняк предпочёл передавать заимствования латиницей, с добавлением характерных для русского языка окончаний, что позволило сохранить стилистический эффект, содержащийся в оригинале. Евгений Синельщиков переводит русскоязычные заимствования оригинала с помощью англоязычных заимствований, что также позволяет передать стилистическую нагрузку, так как читатель перевода будет сталкиваться с определёнными трудностями, как и в оригинальной версии романа.

Сравнительный анализ двух русскоязычных версий фильма, дублированной и субтитрированной, показывает, что оба варианта являются уместными, но стилистическую нагрузку передаёт субтитрированный перевод. Таким образом, можно прийти к выводу, что при переводе литературных текстов необходимо брать во внимание не только номинативную функцию слов, но и их способность к эмоциональному влиянию на получателя.

Литература

1. Берджес Э. Заводной апельсин / Пер. Е. Синельщикова // Юность. – 1991. – № 3. – С. 14-27.
2. Берджес Э. Заводной апельсин / Пер. Е. Синельщикова // Юность. – 1991. – № 4. – С. 60-83.
3. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / Пер. В. Бошняка. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 222 с.
4. Надсат [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Надсат>.
5. Хамидуллина А. А. Специфика искусственного сленга «НАДСАТ» в антиутопии Э. Бёрджесса «Заводной апельсин» и способы его перевода на русский язык (на примере переводов В. Бошняка и Е. Синельщикова) [Электронный ресурс] / А. А. Хамидуллина, Ю. А. Ольховника // Молодой ученый. – 2015. – № 10.5. – С. 54-55. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/90/18132/>.
6. Burgess A. A Clockwork Orange / A. Burgess. – Penguin Books Ltd, 2001. – 176 p.

ПЕРЕДАЧА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ Э.А. ПО

Современная переводческая деятельность связана с разными по стилю текстами-оригиналами. Передать чувства, состояние, переживания автора при переводе вовсе не легко. Для этого недостаточно обладать большим словарным запасом, хотя и это играет немаловажную роль. Важно уметь распознать экспрессию в переводимом тексте. Переводчик иногда намеренно прибегает к использованию стилистических приемов для придания большей выразительности, чувственности создаваемому тексту. Перевод метафор, метонимий, сравнений, аллюзий заставляет переводчика отнестись к работе очень вдумчиво.

Для более детального ознакомления с передачей стилистических особенностей рассмотрим рассказ Э.А. По «Сердце-обличитель» в переводах Д.Л. Михаловского, К.Д. Бальмонта и В.А. Хинкиса. Проанализировав перевод, мы пришли к выводу, что методы каждого переводчика неразрывно связаны с представлениями о переводе в данную эпоху. Первый перевод, выполненный Д.Л. Михаловским, не в полной мере отвечает цели, которая заключалась в сохранении эффекта, произведенного на читателя оригинального текста. Рассказ Эдгара По насыщен риторическими фигурами и тропами, употребление которых продумано автором, они распределены по всему объему рассказа, что и производит на читателя необходимое впечатление. Но так как в данном переводе многие черты первоначального текста утеряны, то экспрессивная функция оригинала не сохранена в полной мере. К.Д. Бальмонт стремился сохранить все черты английского текста, что ему удалось с точки зрения передачи риторических фигур. Необходимо также отметить, что в данном переводе сохранен параллелизм, определяющий ритмический строй речи героя. Однако переводчик опустил пугающе натуралистическое описание убийства, что противоречит его цели перевода. В.А. Хинкис выполнил перевод для издательства «Гослитиздат», следовательно, для большого количества читателей. Вероятно, это и определило цель и задачи его работы. Ему удалось сохранить или передать стилистические особенности текста Э.А. По. Следовательно, его перевод отвечает поставленным задачам.

Рассмотрев примеры стилистических средств на примере рассказа Э.А. По «Сердце-обличитель», а также три варианта

перевода этого рассказа, выполненные в разные временные периоды, мы выявили приемы передачи стилистических средств разными авторами.

Сравнительно-сопоставительный анализ перевода эпитеты:

Эпитеты			
<i>Object there was none. Passion there was none.</i>	Д.Л. Михаловский	Синтаксическое употребление	<i>Цели здесь не было никакой, страсти – никакой.</i>
	К.Л. Бальмонт	Синтаксическое употребление. Членение предложений	<i>Цели тут не было никакой. Страсти никакой.</i>
	В.А. Хинкис	Модуляция	<i>Никакого повода у меня не было. И бешенства я никакого не испытывал.</i>

Сравнительно-сопоставительный анализ перевода сравнения:

Сравнение			
<i>His room was as black as pitch with the thick darkness.</i>	Д.Л. Михаловский	Модуляция	<i>В комнате его царствовала непроницаемая тьма...</i>
	К.Л. Бальмонт	Предложение опущено	
	В.А. Хинкис	Модуляция	<i>В комнате у него было темным-темно.</i>

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: из наиболее часто встречающихся стилистических средств, эпитеты в 60% случаев переводятся с использованием способа модуляции; 60% сравнений, как и олицетворений, – способом синтаксического уподобления; риторические обращения в 60% случаев переводятся способом грамматической замены; 70% приемов синтаксического параллелизма переведены методом синтаксического уподобления. Мы пришли к этому выводу, проанализировав 83 примера стилистических средств и способов их перевода.

Однако следует учитывать, что данный анализ был проведен при работе с конкретным контекстом и при оценке эквивалентности воздействия соответствующих отрезков оригинала и перевода конкретного текста. Также, для большей наглядности, нами были взяты наиболее повторяющиеся и интересные с точки зрения анализа стилистические фигуры и соответствующие методы перевода.

При этом необходимо учитывать, что для полноценного художественного перевода неременным условием является не только блестящее знание языка, глубокое и тщательное изучение текста, но и осмысление лежащей за текстом реальной ситуации, знание самой действительности, о которой идет речь в переводимом тексте, и, конечно же, круг интересов и литературные традиции, на которые опирается автор оригинала.

Котлярова М.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Эмоциональность является одной из черт, характеризующих человека, одним из способов его мировосприятия и взаимодействия с окружающими. Она свойственна абсолютно всем – все мы в разной степени эмоциональны и, так или иначе, проявляем чувства в поступках, мимике, жестах и в речи.

В результате возросшего интереса к изучению эмоциональной составляющей в различных сферах, в лингвистике образовалось новое направление – эмотиология, предметом изучения которого является отображение эмоционального состояния в языке. В художественном произведении за создание эмоциональной составляющей отвечают категории оценочности, эмоциональности и экспрессивности. И в русском, и в английском языках (наряду со многими другими) они реализуются на разных языковых уровнях при помощи различных языковых средств.

На лексическом уровне очень важное место в репрезентации эмотивной составляющей принадлежит фразеологизмам с соматическим компонентом, которые являются одними из составляющих языковой картины мира народа и выражением языковой личности автора художественного произведения. Соматическими фразеологизмами «называют фразеологизмы, в составе которых есть, по крайней мере, один компонент, входящий в лексико-семантическую группу названий частей тела и органов человека» [4, с. 1]. Семантика большинства соматических фразеологизмов обусловлена лексико-семантическим потенциалом образующего соматического компонента. Например, соматизм *heart* в английской языковой картине мира соотносится с духовной и эмоциональной жизнью человека. Если у человека «есть сердце»,

такой человек всегда будет оцениваться позитивно (например, соматический фразеологизм *to have a heart* означает «быть способным к сочувствию, быть милосердным, проявлять доброту»).

Материалом нашего исследования послужили соматические фразеологизмы с компонентами «голова», «сердце», «мысли», «место», «руки», выявленные с помощью метода сплошной выборки из цикла произведений Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере. Такой выбор фразеологизмов обусловлен тем, что, по нашему мнению, единицы с вышеперечисленными компонентами являются наиболее часто используемыми автором для описания эмоционального фона персонажей.

Стоит отметить, что самыми многочисленными из исследуемых единиц являются фразеологизмы с компонентом *heart* (сердце). Это объясняется тем, что именно сердце является символом эмоциональных переживаний в большинстве лингвокультур.

Перевод фразеологических единиц на русский язык является достаточно трудоемким процессом, требующим от переводчика не только знания языка, но и наличия некоторого творческого потенциала, поскольку при передаче фразеологизма нужно не только передать его смысл, но и отразить его образность. Многие ученые-лингвисты, среди которых С.Е. Кунцевич, Т.Н. Федулenkova и другие, выделяют четыре способа перевода фразеологических единиц: фразеологические эквиваленты, аналоги, калькирование, описательный перевод [3, с. 62].

Большая часть исследуемых нами единиц была передана либо с помощью использования русскоязычных аналогов, либо с использованием фразеологических эквивалентов. Это объясняется желанием переводчика наиболее точно передать смысл и форму единицы реципиенту.

*I'm not saying **his heart isn't in the right place***», said Professor McGonagall grudgingly [5, с. 10] – *Я не ставлю под сомнение **его преданность вам**, – неохотно выдавила из себя профессор МакГонагалл* [2, с. 20] (описательный перевод).

*Fools who **wear their hearts proudly on their sleeves**, who cannot control their emotions, who wallow in sad memories and allow themselves to be provoked this easily – weak people, in other words – they stand no chance against his powers!* [6, с. 337] – *Дураки, у которых **душа нараспашку**, которые не владеют своими чувствами, упиваются грустными воспоминаниями и так легко позволяют себя спровоцировать – одним словом, слабые люди, – у них нет никаких шансов противостоять ему* [1, с. 500] (аналог).

*“My mother **didn't have a heart**, Kreacher”, Sirius snapped* [6, с. 109] – *Да **не было** у моей матери никакого **сердца**, – вскинулся Сириус* [1, с. 107] (фразеологический эквивалент).

And there's Aunt Petunia knocking on the door, Harry thought, his heart sinking [5, с. 49] – «А вот и тетя Петунья», – подумал Гарри с замйранием сердца [2, с. 77] (фразеологический эквивалент).

Harry's heart leapt [6, с. 47] – *Сердце* у Гарри так и прыгнуло [1, с. 46] (фразеологический эквивалент).

He stopped, his heart racing, and thought [5, с. 164] – *Сердце* его громко стучало, а в голове толкались переполнявшие ее мысли [2, с. 265] (фразеологический эквивалент).

His heart was pounding far more furiously than when the book had screamed [5, с. 164] – Его *сердце стучало* в груди куда яростней, чем когда закричала лежавшая на его колене книга [2, с. 268] (фразеологический эквивалент).

Harry's heart gave a horrible jolt. A test? In front of the whole school? [5, с. 91] – Гарри ощутил, как бешено заколотилось его сердце. Испытание? Перед всей школой? [2, с. 143] (аналог).

"I haven't got the heart to take the mickey out of him, even", said Fred, looking over at Ron's crumpled figure [6, с. 376] – У меня даже не хватило духу над ним пошутить, – сказал Фред, глядя на скорбную фигуру Рона [1, с. 500] (аналог).

Таким образом, можно сделать вывод, что проанализированные фразеологизмы с соматическим компонентом выступают как эмотивные фразеологические единицы и служат в основном для вербализации таких эмоций, как страх, волнение, нервность. Обладая ярко выраженной эмоционально-оценочной семантикой, они способствуют созданию полного психологического портрета героев произведения, помогают читателю проникнуть в их внутренний мир и понять их настоящие намерения и поступки.

Литература

1. Гарри Поттер и Орден Феникса : роман / Пер. с англ. В. Бабкова, В. Голышева, Л. Мотылева. – М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2006. – 827 с.
2. Гарри Поттер и Философский камень : роман / Пер. с англ. И.В. Оранского. – М. : ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС, 2006. – 399 с.
3. Дмитриева Л. Ф. Английский язык. Курс перевода. Книга для студентов / Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова. – Ростов-н/Д., 2005. – 304 с.
4. Тоненчук Т. Структурно-семантический, идеографический и функциональный аспекты соматических фразеологизмов в современном английском языке : автореф. дис. канд. филол. наук, спец. : 10.02.04 – германские языки / Т. Тоненчук. – Черновцы : Черновицкий нац. ун-т им. Ю. Федьковича, 2016. – 20 с.
5. Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone / Joanne Kathleen Rowling. – London : Bloomsbury, 1997. – 223 p.

6. Rowling J. K. Harry Potter and the Order of the Phoenix / Joanne Kathleen Rowling. – London : Bloomsbury, 2010. – 956 p.

Котлярова М.В.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ, ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение имен существительных, образованных от глаголов действия, представляет огромный интерес для лингвистики, так как открывает простор комбинаторным процессам мышления при сохранении «порядка в познании» [1, с. 32] и играет большую роль для лучшего понимания французской языковой картины мира.

Область применения глаголов движения во французском языке является довольно обширной. Их используют для того, чтобы передать: 1) ситуацию физического перемещения (**aller** au cinéma – **пойти** в кино); 2) пространственно-временную ситуацию (**le temps va** – время **идет**; **toutes les routes vont** à Rome – все дороги **идут** в Рим); 3) эмоционально-мыслительный процесс (**l'idée m'est venue** de – идея **пришла** мне из...) и т. д. [2, с. 29].

Однако необходимо отметить тот факт, что сам список глаголов движения – вопрос достаточно неоднозначный, поскольку каждый исследователь по-своему трактует саму суть понятия «движения». Помимо основных 15 глаголов: 1) **naître** – рождаться, 2) **aller** – идти, 3) **venir** – приходить, 4) **entrer** – входить, 5) **monter** – подниматься, 6) **rester** – оставаться, 7) **descendre** – спускаться, 8) **sortir** – выходить, 9) **partir** – уезжать, 10) **arriver** – приезжать, 11) **tomber** – падать, 12) **mourir** – умирать, 13) **passer** – проходить (мимо чего-то), 14) **retourner** – возвращаться, 15) **demeurer** – в значении «оставаться» и их производных, некоторые ученые относят к категории глаголов движения такие глаголы, как **saisir** «хватать», **casser** «ломать», **vibrer** «дрожать», **frotter** «тереть» и т. д. [3, с. 235]. В настоящей работе в качестве глаголов движения рассматриваются общепринятые вышеперечисленные глаголы.

Практически от всех глаголов движения возможно образовать имена действий: **sortir** → *sortie* (выход), **descendre** → *descente* (спуск), **monter** → *montée* (подъем) и т. д. Такие существительные принято передавать с французского на русский язык аналогичными отглагольными существительными. Это касается практически всех существительных, называющих действия, кроме тех, которые

образовались от глаголов *aller* и *venir*. Так, словосочетание *allées et venues* с французского на русский язык переводится как «хождение назад-вперед», т. е. существительные, производные от вышеназванных глаголов движения, хотя и называют действия, но переводятся с использованием русскоязычных наречий, т. к. в данном случае передача имен существительных соответствующими именами существительных невозможна.

Также установлено, что в русском языке «самым типичным способом смыслового переноса в именах действия, связанного с расширением (генерализацией) понятийного содержания и с усилением концептуализации внеязыковой действительности, является метафора (уход как удаление с поля зрения; уход как забота и уход из жизни – смерть), в то время как регулярная метонимия связана с сужением, специализацией понятий (погоня настигла беглецов; ажурная резьба)» [1, с. 34]. Во французском языке расширение значения отглагольных существительных связано не с метафорой, а скорее с метонимией, где значение существительных сужается: *rentrée des classes* «возобновление занятий», *descente de police* «обыск; облава», *une sortie pour prendre l'air* «прогулка». Существительное *montée* от глагола *monter* употребляется со значением «рост», «увеличение».

Таким образом, основным способом перевода отглагольных существительных, образованных от глаголов движения, является перевод соответствием, поскольку семантические значения многих слов в системах двух языков совпадают.

Однако, в некоторых случаях перевод соответствием невозможен, поэтому при переводе производятся некоторые трансформации, чаще всего грамматические – замена частей речи, реже – смысловое развитие понятия.

Литература

1. Мирошникова З. А. Опыт концептуального анализа имен действия / З. А. Мирошникова // Филологические науки : науч. докл. высш. школы. – 2003. – № 3. – С. 30-38.
2. Полянчук О. Б. О сочетании структурного и когнитивного подходов при анализе производного слова / О. Б. Полянчук // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 27-33.
3. Bally Ch. *Traité de stylistique française* par Charles Bally : en 2 vol. / Ch. Bally. – 3 éd., nouveau tirage. – Paris : Librairie C. Klincksieck, 1951. – Vol. 1. – 331 p.

КОМПОНЕНТЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮРИСТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Культура профессионального общения является важным компонентом общей профессиональной культуры юриста, показателем его профессионального мастерства. Она в значительной мере влияет на эффективность деятельности юриста в различных ситуациях профессионального взаимодействия, в том числе и в переводческом аспекте. Переводческий аспект общения юриста базируется на понимании, что «...контакт представителей двух лингвокультурных общностей, каждый со своим мировосприятием и определенным фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, морально-этическими нормами и речевым этикетом» [4, с. 130].

Профессиональное общение как коммуникативная деятельность полифункционально. Г.М. Андреева выделяет коммуникативную, интерактивную и перцептивную функции общения [1]. Близок к этой позиции Б.Ф. Ломов, который тоже определяет три функции общения: информационно-коммуникативную (обмен информацией); регулятивно-коммуникативную (взаимное корректирование действий коммуникантов во время совместной деятельности); аффективно-коммуникативную (смена эмоционального состояния субъектов общения) [2].

В соответствии с принятым в социальной психологии дифференцированием перцептивного, интерактивного и коммуникативного аспектов общения в операционно-деятельностной подструктуре профессионального общения юриста можно выделить перцептивный, коммуникативный и интерактивный компоненты. От их развития в значительной мере зависит эффективность выполнения профессиональных функций юриста: обмен информацией (информационная функция), организация взаимодействия в коллективе и людьми за пределами коллектива (интерактивная функция), объективное восприятие и понимание собеседников (перцептивная функция).

Следует отметить, что размежевание перцептивного, интерактивного и коммуникативного аспектов культуры профессионального общения юриста в сфере иноязычного общения имеет не абсолютный, а относительный характер. Так, восприятие и понимание юристом индивидуальных качеств субъектов общения (социальная перцепция) непосредственно влияет на выбор соответствующих способов влияния на них (интеракция). В то же

время, выбранные способы и приёмы влияния требуют адекватного речевого воплощения (коммуникация). Указанные компоненты культуры профессионального общения юриста находятся в тесной взаимосвязи. Каждый из них включает комплекс соответствующих знаний, умений и навыков, норм и правил общения.

Перцептивный компонент культуры профессионального общения юриста в сфере иноязычного общения характеризует его способность адекватно, беспристрастно и точно воспринимать культурное мировоззрение, личностные качества и поведение собеседников, ощущать их мотивы и переживания, понимать индивидуальные особенности. Важным показателем развития этого компонента культуры профессионального общения юриста является умение нерелексивного и релексивного слушания, а также умение «читать» невербальные выразительные движения собеседника. Мимика и жесты – это наглядное и в то же время интуитивное выражение мысли, сопровождение сказанного словом. Специалисты утверждают, что через мимику и жесты можно получить до 40% информации о человеке.

Интерактивная составляющая культуры профессионального общения юриста выражается в способах и приёмах влияния на субъектов общения, тактиках и стратегиях межличностного взаимодействия, поведения в ситуациях речевого иноязычного взаимодействия.

Важным показателем культуры профессионального общения юриста является умение устанавливать оптимальную социально-психологическую дистанцию с партнёрами по общению. От этого зависит уровень персонализированности его отношений, личностная закрытость или открытость в общении. Некоторые юристы стремятся как можно глубже проникнуть в обстоятельства и переживания собеседников. Другие, наоборот, отстраняются от собеседника. Устанавливая в разговоре ту или иную дистанцию, юрист по-разному раскрывает и себя: он может проявлять глубокую заинтересованность личностью партнёра, при этом не допуская его в свой личный мир, или, наоборот, раскрывать себя, оставаясь невнимательным к состоянию другого.

Юрист, общение которого имеет закрытый, формальный характер, выступает во взаимодействии с партнёрами по общению исключительно как исполнитель соответствующей социальной роли, следит за соблюдением статусной субординации, норм и правил профессионально-ролевого общения, скрывает личные чувства за маской официальности, избегает близких, персонализированных контактов с собеседниками. В своем крайнем варианте такая стратегия общения избавляет как юриста, так и его собеседников от спонтанности, аутентичности, свободы самовыражения.

Таким образом, характеризуя интерактивный аспект культуры профессионального общения юриста в переводческом аспекте, мы обращаем внимание на такие его особенности, как доброжелательность и тактичность в отношениях с оппонентами иноязычной коммуникации, умение объединять требовательность с предоставлением свободы для проявления инициативы и самостоятельности, умение устанавливать между собой и оппонентами оптимальную социально-психологическую дистанцию, обеспечивать необходимый уровень персонализированности и статусной регламентации общения.

Коммуникативный компонент культуры общения юриста характеризует информационно-смысловой аспект профессионального взаимодействия, речевую деятельность: способность чётко, понятно и грамотно выражать мысли и чувства, владение лексическим богатством родной и иностранной речи, вербальными и невербальными средствами обмена информацией с партнерами по общению. В коммуникативном компоненте культуры общения можно выделить три основных аспекта: нормативный (соблюдение языковых норм, соотнесение норм родного и иностранного языка), прагматический (умение добиваться поставленной цели, используя все языковые возможности) и этикетный (умение использовать этикетные формы и средства для достижения взаимопонимания и гармонизации диалога). Коммуникативный компонент культуры профессионального языка юристов в иноязычном общении выражается в таких показателях:

1) речевая правильность – знание и соблюдение принятых в современной общественно-речевой практике языковых норм (орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических и т. д.);

2) этикетная и прагматическая нормативность речи;

3) речевое мастерство, которое определяется богатством активного словаря носителя языка, его умением выбрать из сосуществующих вариантов точнейший в семантическом, экспрессивном отношении, такой, который отвечает коммуникативным намерениям говорящего.

Хотя профессиональное общение объективно проявляется в форме определённых способов и приёмов взаимодействия с различными собеседниками, его содержание не ограничивается только внешними, открытыми для непосредственного восприятия способами вербального и невербального поведения. Любое действие, как известно, имеет внутреннюю ориентационную основу, направляется на достижение определенных целей, в формировании которых значительную роль играет мотивационно-ценностная сфера личности. Поэтому анализ структурных элементов культуры

профессионального общения юриста будет неполным, если не учитывать внутренней, мотивационно-ценностной основы.

За внешне похожими действиями скрываются различные, даже противоположные по психологическому содержанию ценностные ориентации. Поэтому выделение перцептивного, интерактивного и коммуникативного аспектов общения юриста является недостаточным для раскрытия внутреннего, личностного содержания культуры профессионального общения. Необходимо учитывать также мотивационно-ценностные факторы, которые являются основой общения юриста с партнерами по коммуникации.

В. Мясищев подчеркивал взаимосвязь и взаимообусловленность трёх звеньев общения: собственно общение, отношение и поведение субъектов общения [3]. В зависимости от целей и мотивов общения актуализируется и определенный стиль поведения в виде вербальных и невербальных навыков, умений. Одновременно стиль поведения влияет на аффективную составляющую общения (отношения), порождая определенные эмоциональные переживания у партнёров по общению.

На наш взгляд, операционно-поведенческие компоненты культуры общения юриста в значительной мере детерминируются иерархической структурой его профессиональных ценностей, которые отражают представление о целесообразной организации взаимодействия с собеседниками. Профессиональное общение юриста может определяться ориентацией на достижение определенных конечных результатов деятельности или ориентацией на людей, формулирование благоприятных межличностных отношений в коллективе.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что культура профессионального общения юриста в сфере иноязычной коммуникации – сложное интегральное качество, которое синтезирует перцептивные, коммуникативные и интерактивные умения, детерминируется профессионально-ценностными ориентациями и определяет эффективность профессионального взаимодействия. Оно характеризует способность юриста адекватно воспринимать и понимать поведение собеседников, настраивать продуктивные межличностные отношения с ними, формировать благоприятный эмоциональный микроклимат, мастерски использовать вербальные и невербальные средства коммуникации.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 415 с.
2. Ломов Б. Ф. Проблема общения в психологии / Б. Ф. Ломов // Проблема общения в психологии. – М. : Наука, 1981. – С. 3-23.

3. Мясищев В. Н. О взаимосвязи общения, отношения и отражения как проблеме общей и социальной психологии / В. Н. Мясищев // Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми. – Л. : Педагогика, 1970. – 185 с.
4. Томахин Г. Д. Перевод как межкультурная коммуникация / Г. Д. Томахин // Перевод и коммуникация. – М., 1996. – С. 130.

Литвинов А.Н.

*(ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)*

КОММУНИКАТИВНАЯ УСТАНОВКА ПЕРЕВОДЧИКА КАК ВАЖНЫЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В процессе перевода художественного текста всегда происходит творческое взаимодействие двух индивидуальностей: автора оригинала и переводчика. В контексте прагматического аспекта перевода характер этого взаимодействия приобретает особое значение. Прежде всего потому, что эквивалентность прагматических потенциалов исходного текста и текста перевода в значительной степени зависят от коммуникативной установки переводчика, то есть от его личностного отношения к переводческому процессу и своей роли в этом процессе, от степени творческой инициативы переводчика, а также от наличия у переводчика дополнительных задач при работе над текстом перевода.

Столкновение коммуникативных установок переводчика с установками автора оригинала представляют одну из самых сложных проблем художественного перевода, которая уже долгое время остается в поле зрения исследователей. Данная проблема, освещается в трудах таких выдающихся ученых, как В.В. Коптилов, А.Д. Швейцер, В.Н. Крупнов, А.В. Федоров и других, исследование проблем, связанных с творческим взаимодействием автора и переводчика, занимает в них довольно значительное место [5, с. 79].

Целью данной работы является проведение анализа взглядов на роль и возможности творческого самовыражения переводчика в процессе воспроизведения художественного текста средствами другого языка, существующих в теории художественного перевода.

В современном переводеведении существуют два противоположных взгляда на роль переводчика в процессе перевода художественного текста – «объективистское представление о

переводе как о копии оригинала и субъективистская концепция перевода как процесса, тождественного оригинальному творчеству» [2, с. 10].

В основе объективистских представлений лежит убеждение в возможности дословно перевода, который точно воспроизводит как форму, так и содержание оригинала.

В основу субъективистской концепции положен принцип творческого подхода к переводческому процессу и полный отказ от любых проявлений буквализма. Сторонники субъективистской концепции часто считают буквалистами каждого, кто признает существование объективных закономерностей перевода и объективных критериев его оценки, а под творческим подходом подразумевают неограниченную свободу творчества, толчок которой дает оригинал.

Учитывая принципиальные различия в задачах, стоящих перед переводчиком художественного произведения и автором оригинала, некоторые исследователи (в частности В.В. Коптилов, А. Попович, В.Н. Крупнов) формулируют коммуникативную установку переводчика следующим образом: талантливый переводчик направляет свою индивидуальность на как можно более глубокое понимание содержания подлинника и как можно более полное воплощение этого содержания средствами родного языка [3]. Переводчик использует свои творческие возможности для поиска удачного решения сложных переводческих задач, опираясь при этом на собственный опыт, а также на достижения теории перевода. Переводчик художественного текста должен чувствовать, когда и в какой мере можно отступить от буквы авторского текста ради полноценного воспроизведения духа подлинника, поскольку именно это умение является залогом расцвета истинного переводческого таланта.

Как пишет А.Д. Швейцер, перефразируя О. Каде, «конечный результат процесса перевода зависит не только от соотношения между текстом иностранного языка (ИЯ) и текстом переводящего языка (ПЯ), но и от отношения между переводчиком и другими участниками коммуникативного акта. Даже в тех случаях, когда между переводчиком и другими участниками коммуникативного акта отсутствует прямой контакт (например, при письменном переводе), переводчик воспринимает текст на ИЯ как сообщение, исходящее от определенного отправителя и адресованное определенному получателю, и, строя сообщение на ПЯ, все время видит за ним ту аудиторию, которой адресуется перевод» [5, с. 35].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Соблюдение переводчиком правильной коммуникативной установки является важным условием прагматической адекватности текстов оригинала и перевода.

2. Ориентация переводчика художественного текста на буквальное копирование оригинала, так же, как и на свободный перевод, является нежелательной, так как приводит к прагматическим потерям и нарушению норм переводческой эквивалентности.

3. Правильное сочетание коммуникативной установки переводчика с коммуникативной установкой автора подлинника заключается в умении переводчика направлять собственную индивидуальность на творческий поиск путей преодоления трудностей перевода с помощью средств родного языка.

Литература

1. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 174 с.
2. Коптілов В. Теорія і практика перекладу : навч. пос. / В. Коптілов. – К. : Юніверс, 2002. – 280 с.
3. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика [Электронный ресурс] / В. Н. Крупнов. – Режим доступа : <http://www.library.ru/help/docs/n11466/kрупнов.htm>.
4. Чуковский К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М. : Советский писатель, 1968. – 384 с.
5. Швейцер А. Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода / А. Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – 167 с.

Лыкова В.Ю.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СОВЕТИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

(на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце»)

Переводоведение как наука по мере своего развития раскрывает всё большее количество проблем и спорных положений. Чтобы решить вопрос «как переводить?», исследователи сосредоточивают внимание на тех аспектах перевода, которые зачастую являются источниками противоречивых мнений.

Темой данной научной работы является исследование советизмов в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» [1] и способов их перевода на английский язык. Актуальность данной темы заключается в том, что советизмы относятся к несовпадающим элементам языка, обозначают понятия, которые чужды для других культур, и всегда в процессе перевода представляют особую

сложность. Однако эти трудности и обеспечивают интерес к данной проблеме. Целью нашей работы является классификация способов перевода советизмов как разновидности безэквивалентной лексики.

Советизмы представляют собой лексическую группу, которая требует особого внимания и детального рассмотрения лингвистами. Они по своей природе уникальны и обладают особыми чертами, отличающими их от других лексических групп. С. Влахов и С. Флорин классифицируют советизмы следующим образом: 1) собственно советизмы – реалии, характерные для Советского Союза (*совхоз, неотложка, целинник, стахановец*) – переводятся с учётом отсутствия их референтов в стране языка перевода и того факта, что читатель из (бывшей) социалистической страны обладает более обширными фоновыми знаниями об СССР по сравнению с читателем из капиталистической страны; 2) региональные советизмы – для социалистической страны мало чем отличаются от национальных, переводятся на языки стран социализма принятыми там эквивалентами, обычно при помощи транскрибирования и калькирования; 3) интернациональные советизмы (*Совет, спутник, большевик*) обычно транскодируются (т. е. переводятся при помощи транскрибирования и транслитерации) [2, с. 169].

В соответствии с предметной классификацией в исследуемом произведении М.А. Булгакова встречаются: советизмы общественно-политической жизни: учреждения и организации, советизмы быта, советизмы меры и денег, советизмы труда (люди труда).

Одной из особенностей перевода советизмов является необходимость учёта фоновых знаний носителей языка, на который делается перевод. А.Д. Швейцер наблюдал следующие закономерности: «...в текстах, рассчитанных на специалистов, на читателей знакомых с советскими реалиями, преобладают такие способы передачи «советизмов» как транслитерация и калька (*агитпункт – agitpunkt*), тогда как в текстах, адресованных более широкой аудитории, чаще встречается описательный перевод (*агитпункт – voter education citizen court, дружинники – volunteer patrols*), а транслитерация и калька обычно сопровождаются пояснительным комментарием» [3, с. 251].

Переводчик повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» М. Гленни [4] использовал следующие способы перевода советизмов на английский язык:

1) замена советизма словом, уже существующим в языке перевода и близким по смыслу (*городовой – policeman, трест – mill, жилтоварищ – tenant; Дверь через улицу в ярко освещённом магазине хлопнула и из неё показался гражданин. Именно гражданин, а не товарищ, и даже – вернее всего, – господин. Ближе – яснее –*

zocnodun. – Across the street the door of a brightly lit store slammed – and a **citizen** came through it. Not a **comrade**, but a **citizen**, or even more likely – a **gentleman**. As he came closer it was obvious that he was a **gentleman**). Этот приём был использован переводчиком для передачи на английском языке советизмов труда, советизмов быта и советизмов, обозначающих общественные отношения;

2) транскрипция и транслитерация (*«Правда»* – *Prawda*, *копейка* – *kopeck*, *пролетарий* – *proletarian*) – преобладает при переводе названий денежных единиц, интернациональных советизмов и имён собственных;

3) описательный перевод (*Моссельпром* – *The Moscow State Food Store*, *белый билет* – *somebody is exempt on medical grounds*, *самокрутки* – *cigarettes somebody rolled oneself*) – способствует наиболее полному раскрытию сути реалии-советизма, используется при переводе советизмов быта и названий некоторых учреждений;

4) опущение советизма в тексте перевода (*рабочий кредит* – *something for workers*) – оправдано в том случае, если реалия повторяется в тексте и в полной мере воспроизводится прагматический потенциал оригинала;

5) калькирование (*дом культуры* – *House of Culture*, *культотдел* – *Cultural department*, *домком* – *House Committee*, *рабфак* – *worker's school*) – характерно для перевода большинства названий учреждений и организаций.

Калькирование советизмов нередко сопровождается рядом переводческих трансформаций, таких как: 1) конкретизация (*Совет Нормального питания* – *Food Rationing Board*); 2) замена частей речи *Совет народного хозяйства* – *National Economic Council*); 3) перестановка компонентов (*Совет Нормального питания* – *Food Rationing Board*, *Совет народного хозяйства* – *National Economic Council*); 4) опущение компонентов (*кооператив Центрохоза* – *Coop*).

Для адекватного перевода советизма, в первую очередь, необходимо его осмыслить. Безусловно, при выборе способа перевода большую роль играет не только замысел автора текста, но и точка зрения автора перевода, который должен учитывать фоновые знания читателей перевода. Переводчик выбирает тот или иной приём, полагаясь на свой переводческий инстинкт, опираясь на полученные знания и накопленный в процессе работы опыт, поэтому окончательное слово, независимо от теоретических исследований, в большинстве случаев остаётся за переводчиком-практиком.

Литература

1. Булгаков М. А. Собачье сердце [Электронный ресурс] / М. А. Булгаков. – Режим доступа : <http://lib.ru/BULGAKOW/dogheart.txt>.

2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М., 2004. – 340 с.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода : Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М., 1988. – 216 с.
4. Bulgakov M. The heart of a dog [Электронный ресурс] / M. Bulgakov – Режим доступа : http://www.lib.ru/BULGAKOW/dogheart_engl.txt.

Мазаева В.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Лингвистическая наука на современном этапе уделяет пристальное внимание анализу цветономинаций в целом и определению функционирования фразеологизмов с элементами цветообозначения в частности. Такие исследования зачастую предполагают описание специфики формирования цветовой семантики фразеологических единиц с различной степенью устойчивости в современном английском языке.

Изучением состава цветообозначений, их семантической структуры, этимологии и символики в разных культурах занимались Ю.В. Иванова, В.И. Шерцль, Б. Берлин, П. Кей, В. Тернер, М. Brusatin, J. Pawlik и другие учёные, демонстрирующие различные подходы к изучению лексем цветообозначения. Так, традиционными считаются четыре подхода: антропологический, психологический, гендерный и лингвокультурологический подходы.

Суть антропологического подхода заключается в обработке лингвистического материала с целью определения закономерностей, таких как наличие универсального закона формирования системы основных цветоименований в языках мира.

Психологический подход предполагает анализ психологического аспекта влияния цветов на развитие личности и выделение субъективных факторов, отвечающих за привлекательность того или иного цвета, так как выбор определенных цветов отражает склонность человека к определённым действиям, настроениям и функциональным состояниям.

Гендерный подход к изучению цветообозначений представлен в работах Р. Лакофф (а позднее в исследованиях Д. Симпсон и А. Таррент), который выявил определённые различия между мужскими и женскими цветообозначениями.

Лингвокультурологический подход прослеживает зависимость культурных явлений и особенностей цветонаименований, принятых в определенном культурном обществе.

Во фразеологической лингвистике вопросами цветообозначений интересовались Л.Г. Бедоидзе, О.В. Праченко, В.Н. Клюева, Ю.В. Зольникова, И. Шалек и др.

Цветономинации играют значительную роль в возникновении фразеологических единиц, а следовательно, и в развитии всей фразеологической системы английского языка. Популярность колоративов в качестве структурного компонента фразеологических единиц объясняется тем, что цвет является одним из наиболее отчетливо выраженных признаков предмета, и ни один объект окружающего мира не существует для человека вне цветового контекста, а цветовые характеристики являются необходимым элементом визуализации окружающего пространства.

Таким образом, существующая в языке колоративная лексика может быть проанализирована в рамках различных подходов.

В рамках нашего исследования мы прослеживали вопросы происхождения, семантики и стилистических функций английских фразеологизмов, в состав которых входят словарные единицы, выражающие понятия цвета.

На основе полученных результатов исследования фразеологических единиц, мы установили, что наиболее активными в процессе порождения фразеологических единиц являются колоративы “red”, “white” и “blue”, а наименее распространенными, а значит, и наименее активными в английской фразеологии оказались такие колоративы, как “orange”, “brown” и “purple”.

Например, *born to the purple* – born in a reigning family or privileged class;

brown study – a state of deep contemplation or rumination, as of a reverie, daydream, or meditation; a melancholic or depressed mood or state;

orange book (historical) – a report of the former Ministry of Agriculture and Fisheries dealing with marketing questions and published in orange covers;

blue to principles – loyal, conservative;

blue ribbon – something that is excellent, or the best of a particular group or category;

as red as a beetroot – red-faced because of embarrassment;

red in the face – embarrassed;

to show the white feather – to behave badly, in a cowardly fashion;

white crow – outcast, derelict.

Анализ словарных дефиниций фразеологических единиц с колоративами показал, что большая часть таких фразеологизмов

связана с описанием человека, его внешнего вида и внутреннего мира, его практической деятельности и межличностного взаимодействия.

Например, *to feel blue* – to be depressed or sad;

to be on red alert – to know that a situation is dangerous and to be prepared to act immediately if necessary.

Благодаря анализу оценочного компонента коннотации фразеологических единиц мы пришли к выводу, что количество фразеологизмов с отрицательной оценкой превосходит количество фразеологических единиц с положительной оценкой. Фразеология английского языка чаще изобличает пороки и недостатки человека и общества, нежели изображает достоинства.

Например, *a red rag to a bull* – a willfully infuriating or aggravating provocation; something that incites great anger or annoyance;

to be blue in the face – exhausted from anger, strain, or other great effort.

Подводя итоги, следует отметить, что фразеологические единицы с колоративным компонентом занимают значительное место в корпусе английского языка. Главной причиной чему является роль цвета в жизни общества и организации визуальной картины мира.

Мазурова А.Е.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИФОЛОГЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ТЕКСТЕ

Мифы, как часть человеческого сознания, являются неотъемлемой частью нашей жизни. С мифами и с их отдельными компонентами мы сталкиваемся практически ежедневно, независимо от образа и ритма жизни, социального статуса.

В последние годы кинематограф поднялся на новый, более качественный уровень. Фильмы и мультфильмы стали не только частью культуры, но и способом отдыха, саморазвития. Мультипликация, к которой человек привыкает с ранних лет, нередко учит нас нормам морали, развивает творческое мышление. Дети, даже не замечая того, познают мир вокруг себя.

Режиссеры выбирают все более интересные и необычные темы для своих сюжетов. Так, например, мифология легла в основу многих картин, которые стали мировыми шедеврами. Это действительно красивые мультфильмы, которые, помимо эстетической ценности, помогают зрителю узнать интересные мифы, окунуться в историю. Необходимо отметить, что в мультфильмах может отобразиться

мифологическая картина мира. Ее единицей является мифологема, реализующая концепты сверхъестественного отражения действительности.

Мифологемы в мифологической картине мира подчинены универсальным законам языкового развития, в то же время они отражают национально-культурную специфику в каждой отдельной мифологической концептосфере. Мифологемы как нереальное отражение реальности реализуются в пространственно-временных рамках лингвокультурной ситуации при значительной степени социологизации в каждой из ее составляющих. Однако проблема полного определения термина «мифологема», являющегося основным структурным элементом современной теории мифа, все ещё не решена окончательно.

Интересным является тот факт, что миф долгое время был предметом исследования различных научных сфер: философии, культурологии, литературы, психологии, истории. При этом ученые четко определяют, что термин «мифологема» пришел в общепотребительную научную лексику из работ К.-Г. Юнга по психоанализу. Исследователь применил его для описания «стойких конструкторов, которые повторяются в коллективной общенародной фантазии, обобщенно отражают действительность в виде конкретно-чувственных персонификаций, разнообразных существ, которые воспринимались архаичным сознанием как вполне реальные» [1]. Таким образом, можно говорить о том, что мифологема, с одной стороны, выступает в качестве мифологического материала, с другой – основы для его образования.

Еще одной проблемой в изучении мифологемы как структурного элемента мифа является её сходство с такими понятиями, как «мифема» и «архетип».

По мнению И.И. Ломакиной, наиболее удачное определение мифологемы дала Ю.В. Вишницкая: «Мифологема – самостоятельный авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм, структура которых формируется на давних мифологических фундаментах» [2, с. 233]. В «Литературоведческой энциклопедии» дается такое определение: «Мифологема – обломок мифа, мифема, потерявшая свои автохтонные характеристики и функции, вовлечена в фольклорный текст, в котором воспринимается как выдумка, образное украшение или сюжетная схема, которая уже стала традиционной» [3, с. 54]. «Мифема – наименьший элемент, фундаментальная составляющая мифа, которую используют и в нем, и в художественной литературе; входит в состав системы мироздания, которое отвечает представлению человека, а не окружающей среде» [3, с. 54].

На ассоциативном уровне определенные мифологемы необходимы для реализации основной идеи произведения. Они как будто объединяют далекие по времени, содержанию, а также проблематике тексты, придавая им новый, дополнительный смысл, акцентируя внимание на актуальных проблемах древности и современности. Мифологемы могут принадлежать культуре вообще и отражать общие особенности мифологического мышления, сохранившиеся благодаря взаимовлиянию культур и стереотипному отражению нереального у всех народов.

Важно сделать акцент на том, что в тексте мифологему четко видно, а мифему распознать намного сложнее. Таким образом, под мифемой подразумеваем использование в художественном тексте имен мифологических героев и определенных мифологических фактов. Мифологема является более широким понятием: введение в текст известного мифологического сюжета или мотива с дальнейшей интерпретацией.

При создании мультфильмов, режиссеры используют именно мифологемы. Такой подход позволяет брать за основу целые сюжеты как своего государства, так и мировой мифологии. Имен и отдельных образов, которые являются мифемами, зачастую недостаточно, чтобы полностью раскрыть идею сюжета.

Исходя из вышеуказанного, мы можем утверждать, что мифологема представляет собой первичную сюжетную схему, кросс-культурную идею, которая прослеживается в фольклоре разных народов и наполняется разным содержанием в зависимости от интерпретации.

Вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что мифологема – понятие более широкое, чем мифема. Сейчас мифологические мотивы стали очень популярны в кинематографе и мультипликации, в частности. Мифы всего мира ложатся в основу сюжетных линий. На данный момент эта практика набирает все большую популярность. Таким образом, изучение мифологем и отличие их от других понятий поможет разобраться, почему конкретные истории являются настолько популярными у режиссеров, какие сюжеты привлекают зрителей, а также погрузиться в культуру иноязычных государств.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература / А. Н. Афанасьев. – М., 2006. – 607 с.
2. Ломакіна І. Мифологема міста у романах Джеймса Джойса «Уліс» та Дона Деліло «Космополіс» / І. Ломакіна // Вісник Львівського університету. Серія іноземні мови. – 2012. – Вип. 20. – Ч. 1. – С. 233-236.

3. Літературознавча енциклопедія. У 2 т. Т. 2 / Авт.-уклад. Ю. Ковалів. – К. : Академія, 2007. – 624 с.

Махова И.А.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ПЕРЕДАЧА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Художественная речь – это особый стиль речи, исторически сложившийся в системе английского литературного языка.

Стиль художественной речи, иногда называемый поэтическим языком, прежде всего, характеризуется образностью. Образ, создаваемый различными языковыми средствами, вызывает чувственное восприятие действительности и, тем самым, способствует созданию желаемого эффекта и реакции на сказанное. Основной функцией стиля художественной речи является средствами образно-эстетической трансформации языка создать чувственное восприятие действительности, зримо ощутить предмет в его связях и отношениях.

Перевод художественного текста считается наиболее сложной задачей для переводчика, поскольку стиль художественной речи является сложным единством разнородных черт, которые отличают данный стиль от всех прочих стилей современного литературного английского языка. Тот факт, что этот стиль подразумевает использование элементов любого другого стиля, хотя и преобразованных в соответствии с общими, типическими чертами данного стиля, ставит его в несколько специфическое положение относительно других речевых стилей. Одна из проблем художественного перевода – соотношение контекста автора и контекста переводчика [1, с. 116].

Учитывая, что задачей переводчика является передать содержание подлинника на язык перевода с сохранением впечатления, производимого оригиналом, необходимо сказать о техниках перевода, без которых представляется невозможным выполнить стоящую перед ним задачу.

Для анализа романа Ш. Бронте и его перевода были использованы такие лексико-тематические группы, как внешность Джейн Эйр, ее личность, увлечения, особенности поведения. Мы можем проанализировать данный фрагмент картины мира в оригинальном произведении, сопоставив его с переводом, благодаря техникам перевода.

Рассказывая о том, что Джейн умеет играть на пианино, переводчик пропустил предложение *What can you do?* (букв. Что Вы умеете?). Однако это не влияет на интенцию автора.

– *What can you do? Can you play on the piano?*

– *A little.*

– *Играете ли вы на фортепьяно?*

– *Немного.*

В дескрипции Джона Рида упущены два важных элемента – *murderer* (убийца) и *slave-driver* (тиран). Пропуск данных лексем является нежелательным, т. к. они наиболее полно подчеркивают жестокость римских императоров, с которыми Джейн сравнивает Джона, а значит, выделяет и в нем эту черту. Более того, определения *murderer* (убийца) и *slave-driver* (тиран) являются ключевыми, т. к. они эксплицируют причину сопротивления героини в романе «Джейн Эйр». Это изменение в некоторой степени преобразовало интенцию автора.

Wicked and cruel boy! I said. You are like a murderer – you are like a slave-driver – you are like the Roman emperors!

– *Жестокый, безжалостный злодей! – вскричала я. – Ты хуже Нерона, Калигулы, Тиверия!*

Передавая переживания Джейн по поводу того, что она, возможно, своим внешним видом разочаровала Бесси, т. к. не увидела на ее лице восхищения, И. Введенский опустил первую предикативную единицу *No, Miss Jane, not exactly* (букв. *Нет, мисс Джейн, не совсем*) и четвертую *and it is as much as ever I expected of you* (букв. ... и это даже больше, чем я могла от Вас ожидать):

No, Miss Jane, not exactly: you are genteel enough; you look like a lady, and it is as much as ever I expected of you: you were no beauty as a child.

– *Да вы совсем недурны, мисс Дженни; могу даже сказать вы очень милловидны и смотрите, как знатная дама. Ну, разумеется, красавицей вам нельзя быть: вы и девочкой были не очень красивы.*

Данное изменение является не совсем оправданным, т. к. не передается одобрение Бесси, ее восторг от того, какой стала Джейн. На это указывает союзное слово *as much as/больше чем*. Следовательно, в этом отрывке оригинала отмечается красота героини, особенно если сравнить с тем, какой она была в детстве. Так, формируется мелиоративная коннотация. В переводе, наоборот, подчеркивается то, что Джейн не может стать красавицей, потому что и в детстве она не была красивым ребенком. Здесь прослеживается категоричность, образованная посредством двойного отрицания *красавицей вам нельзя быть и девочкой были не очень красивы*, а также вводного слова *разумеется*. Так, семантическая эмотивность, существующая в оригинале, уступает место некой констатации факта в переводе.

При передаче взглядов Джейн на супружество (оно должно быть только по любви, «при участии духа») переводчик расчленяет английское бессоюзное сложное предложение на два:

As his sister, I might accompany him – not as his wife: I will tell him so.

1. *Как сестра, я могу с ним ехать на тот край Света; но женой его мне нельзя быть.* 2. *Надобно ему сказать это.*

Может быть, так данные русские предложения становятся графически и интонационно более выразительными, важными с точки зрения переводчика. Однако это не противоречит намерениям автора.

Необходимо отметить, что анализ таких лексических трансформаций, как транскрипция, транслитерация и калькирование, в переводе И.И. Введенского позволил сделать вывод о том, что в переводе они не меняют действительность, описанную в оригинале. Данные трансформации являются чисто лингвистическими.

Полного тождества между оригиналом и переводом достичь нельзя. Оригинал остается единственным и неповторимым материальным результатом индивидуального творчества художника слова и частью национального словесного искусства. Данный перевод может быть лишь адекватным, относительно равнозначным, оригинальным литературным произведением, может сближаться с подлинником, но никогда не сольется с ним, т. к. у перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой и социальной среде, отличающейся от среды подлинника.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М., 2008. – 240 с.

Мереникова М.С.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Эмоционально-окрашенная лексика – это слова, которые выражают отношения к тем или иным предметам, признакам, и действиям. Стилистическая окраска таких слов может быть положительная или отрицательная. Эмоциональная окраска таких слов отмечается в словарях с пометками «шутл., ирон., пренебр., и т. д.» [1, с. 115].

Эмоционально-окрашенную лексику можно разделить на 3 группы:

1. Нейтральная – может употребляться в различных стилях речи и представляет ряд нейтрально окрашенных слов.

2. Разговорная – употребляется в основном в разговорной речи, содержит слова, которые уже несут в себе семантическую окраску и отношение говорящего к предмету или явлению.

3. Просторечная – от разговорной отличается стилистической сниженностью [3].

Эмоционально-окрашенная лексика употребляется в публицистических и художественных стилях речи. В публицистическом стиле речи эмоционально-окрашенная лексика может употребляться с целью убедить читателей в какой-либо позиции автора статьи. В художественном стиле – для передачи отношения автора к собственному герою, для более четкого составления литературного портрета героя: его стиля речи, интеллекта, характера, и т. д. Автор может использовать такую лексику для передачи деталей или описания эпохи [2, с. 19].

Русский язык не может быть сухим и невзрачным, без эмоционально-окрашенной лексики был бы утерян колорит народа и его культура. Основной целью переводчика является, насколько это возможно, передача эмоционально-окрашенной лексики при художественном переводе. Для того, чтобы передать яркую окрашенность и выразительность текста, переводчик может использовать стилистические приемы, которые употреблялись в тексте оригинала. Обычно у переводчика есть несколько решений данной задачи: скопировать приемы из текста оригинала либо подобрать другое стилистическое средство, схожее по эмоциональному эффекту. Важна для передачи текста не только форма стилистической фигуры, но её эффект на читателя. Такой принцип может называться «принципом стилистической компенсации» [2, с. 19].

При передаче любых стилистических приемов – метафор, аллегорий, или сравнений – переводчику необходимо сохранить образ данного стилистического приёма или найти другой.

Достаточно часто употребляется дословный перевод метафор или сравнений. Когда дословный перевод невозможен, переводчик может использовать замену. Такой подход применим к фигурам, требующим творческого подхода при их передаче в языке перевода. Причиной такой замены может быть особенности русского словоупотребления, сочетаемость слов, употребление стилистических фигур и т. д. [1, с. 236].

Таким образом, проблема воссоздания эмоционально-окрашенной лексики при переводе с русского языка на английский является одной из центральной в современном переводоведении.

Литература

1. Брандес М. П. Стилистика текста / М. П. Брандес. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 406 с.
2. Кожина М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 173 с.
3. Стилистически окрашенная лексика и лексика ограниченного употребления [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://videotutor-rusyaz.ru/uchenikam/teoriya/334>.

Минина Е.В.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПЕРЕДАЧИ ПОЭТОНИМОВ

(на материале романа Кена Фоллетта «Гибель гигантов»)

Процесс передачи имен собственных с одного языка на другой является достаточно трудоемким процессом, а перевод поэтонимов порой кажется вообще труднопреодолимым. Поэтонимы не могут переводиться автоматически сами собой, их передача с одного языка на другой возможна лишь через призму языковых традиций и культуры в обоих языках. С этой точки зрения интересным и актуальным представляется перевод поэтонимов, заимствованных Кеном Фоллеттом из русского ономастического и использованных им в произведении «Гибель гигантов», с английского на русский язык.

Существует традиция при передаче поэтонимов с одного языка на другой применять способы транскрипции и транслитерации (*Tsarskoye Selo* – *Царское Село*, *Mishka* – *Мишка*, *Varya* – *Варя*, *Konstantin* – *Константин*, *Vladimir Ilyich Lenin* – *Владимир Ильич Ленин*), калькирования (*Winter Palace* – *Зимний дворец*, *Bloody Sunday* – «*Кровавое*» *воскресенье*, *Admiralty building* – *здание Адмиралтейства*) и полукальки (*Alexandrovskii Garden* – *Александровский сад*, *Putilov works* – *Путиловский завод*). Следует отметить, что при написании романа «Гибель гигантов» Кену Фоллетту также пришлось прибегнуть к данным способам перевода, чтобы максимально точно воссоздать культурно-исторический фон, а именно царскую Россию начала XX века.

Однако во избежание курьезов и неточностей необходимо помнить, что данные способы передачи поэтонимов не являются универсальными. Часто переводчику требуется выходить за рамки исключительно языковой формы и использовать свои фоновые знания, а также учитывать контекстуальные и интертекстуальные

связи поэтонимов. Например, антропопоэтоним *Lev* передан переводчиком как гиппокористическое *Лёвка*, так как соотносится с одиннадцатилетним мальчишкой, а антропопоэтоним *Serge Kanin* – *Сергей Канин*, а не *Серж Канин*, что больше бы указывало на французское, а не русское происхождение персонажа. В составе антропопоэтонимов с двухкомпонентной структурой Кен Фоллетт использует приложения, указывающие на воинские звания (*Sergeant Gavrik* – от англ. «сержант», *Lieutenant Tomchak* – от англ. «лейтенант»), кстати сказать, не совсем соответствующие описываемой исторической эпохе. Именно лингвокультурные традиции позволили переводчику найти такие соответствия как *прапорщик Гавриков* и *подпоручик Томчак*. По этой же причине в тексте перевода находим топопоэтонимы *ворота Нарвской заставы* для *Narva Gate* и *Нарвская дорога* (а не «шоссе, магистраль») для английского *Narva highway*, а также князь *Андрей* и княжна *Би* (а не «принц» и «принцесса») для антропопоэтонимов *Prince Andrei* и *Princess Bea*.

Поиск наиболее удачного способа перевода поэтонимов с одного языка на другой ни в коем случае не предполагает опущение поэтонимов в тексте перевода. Так, несмотря на кропотливую работу, переводчик романа Кена Фоллетта «Гибель гигантов» Е. Сайма по неизвестной причине выпустила из текста произведения поэтоним *the Bronze Horseman* – *Медный всадник* (памятник Петру I на Сенатской площади), а для урбанонима *the Soleil Cinema* лучшим вариантом, с ее точки зрения, оказался *Синематограф*. Однако безусловной заслугой переводчика являются детальные комментарии о реальных исторических личностях, которые глубже погружают читателя в историю и культуру другого народа. Например, в англоязычном варианте романа Кен Фоллетт указывает только имя и фамилию реального политического деятеля *Leon Trotsky*, в то время как Е. Сайма предоставляет исчерпывающую информацию о данной личности: «*Лев Давидович Троцкий* (наст. имя и фам. Лейба Давидович Бронштейн; 1879–1940), деятель международного рабочего и коммунистического движения; теоретик марксизма; идеолог одного из его течений – троцкизма. При царском режиме дважды ссылался в ссылку, был лишен гражданских прав (1905); один из организаторов Октябрьской революции и один из создателей Красной армии; один из основателей и идеологов Коминтерна ...» [1].

Подытоживая все сказанное, можно сделать вывод, что использование лингвокультурных традиций при передаче поэтонимов с одного языка на другой открывает новые возможности для лучшего понимания как своей собственной, так и чужой

культуры.

Литература

1. Фоллетт К. Гибель гигантов [пер. с англ. Е. Сайма] / Кен Фоллетт. – М. : Астрель, 2012. – 896 с.
2. Follett K. Fall of Giants / Ken Follett. – New York : New American Library, 2010. – 925 p.

Назаренко Ю.Р.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Проживая в эпоху глобализации, интеграции экономических, политических и культурных систем в масштабе всего земного шара, люди, где бы они ни жили, чувствуют более крепкую связь друг с другом, информационные и финансовые потоки стали более свободными, товары и услуги, произведенные в одной части мира, доступны во всех остальных его частях. Однако, несмотря на то, что расстояния и национальные границы стираются, остается многоязычие, и на первый план выдвигается проблема наличия языковых барьеров, которые мешают знакомиться с другой культурой. Именно перевод помогает стирать их.

Перевод представляет собой сложный процесс, ведь каждый автор обладает своим неповторимым мировоззрением и мировосприятием, используя каламбуры, «играя словами» и различными языковыми особенностями, добиваясь более яркого эстетического эффекта или дополняя образы персонажей и картину мира своих книг. Одной из сложностей перевода по праву считаются «говорящие» имена.

В системе художественного текста имена собственные участвуют в общей смысловой структуре произведения и тем самым оказываются связанными с понятиями. В определенном контексте при наличии «говорящего» имени, оно становится понятием, которое несёт в себе дополнительную, смысловую информацию, используемую в стилистических целях для характеристики персонажа [1, с. 160-161].

Многообразие смыслов, которые могут быть заложены в именах и фамилиях персонажей (а также в некоторых названиях вымышленных мест), вызывает определённые сложности при переводе текста с языка оригинала на язык перевода.

Одной из ошибок переводчика при переводе «говорящих» имён в художественном произведении является то, что значимое

имя собственное передаётся формально (транскрипцией или транслитерацией) без указания дополнительной информации в сноске или в комментариях. Многие имена, обладая явным семантическим значением, на первый взгляд могут не давать персонажу никакой характеристики [3, с. 374].

Наиболее распространенной стратегией при переводе «говорящих» имен и фамилий является буквальный перевод немаркированной основы с сохранением иноязычных суффиксов и окончаний, которые указывают на национальность персонажа: painter A. Fresco – «художник А. Фреско» (ит. fresco – «фреска»), general Goodwin – «генерал Побединг» (англ. good win – «славная победа») [4].

Затруднения при переводе «говорящих» имён может вызвать то, что образность имени или названия может быть выражена через внешний признак, который служит как бы её формальной основой. Этот признак может быть частично скрыт, например, с помощью изменения графического облика темы. Так, в книгах Терри Пратчетта вымышленное местечко Bevonk (образовано от англ. «beyond» – «за пределами, вне») было переведено как Выселки. В таких случаях необходимо не только подобрать адекватный вариант перевода, но и, в первую очередь, распознать само смысловое имя или название, что бывает достаточно непросто сделать. Переводчик должен обладать объёмным словарным запасом и высоким уровнем знания языка, с которого переводится текст, чтобы узнать «зашифрованное», видоизменённое слово и профессионально переводить тексты с подобными литературными приёмами [2, с. 88-89].

Подытоживая сказанное, следует отметить, что от того, насколько удачно переводчик подберёт необходимые слово и форму, насколько полно отразит смысл, вкладываемый автором в «говорящее» имя собственное, зависит полнота понимания исходного текста [5, с. 80-81].

Литература

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 214 с.
2. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
3. Сдобников В. В. Теория перевода : учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. – 374 с.
4. Сергеева О. В. Особенности перевода говорящих имён с английского языка на русский [Электронный ресурс] / О. В. Сергеева // Научное сообщество студентов XXI столетия.

Гуманитарные науки : сб. ст. по мат. XXX Междунар. студ. науч.-практ. конф. – Режим доступа : [http://sibac.info/archive/guman/3\(30\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/3(30).pdf).

5. Соломыкина А. С. Способы перевода имен собственных на материале американской публицистики / А. С. Соломыкина, Н. А. Каширина // Современные наукоемкие технологии. – М., 2013. – 343 с.

Некрутенко Е.Б.

*(ГОУ ВПО «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)*

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Общепризнано, что Библия является самой читаемой и издаваемой книгой, которая переведена на многие языки мира. Популярность Библии на протяжении длительного периода времени и обращение к библейским текстам повысило использование фразеологических единиц библейского происхождения в средствах массовой информации и художественных текстах. Фразеологизмы-библеизмы были заимствованы из Библии или подверглись семантическому воздействию текстов из священных книг Ветхого и Нового Завета. Книга книг представляет собой богатый источник идиоматических выражений. Многие библеизмы настолько ассимилировались в языке, что не всегда они ассоциируются со Священным Писанием [1, с. 93-94].

Понятие «библеизм» является неоднозначным и имеет разную интерпретацию у исследователей. Библеизмы – это целые выражения, фразы, отдельные слова, устойчивые словосочетания, как зафиксированные в текстах Ветхого и Нового Завета и связанные с их содержанием, так и появившиеся на основе библейских сюжетов, а также слова, которые можно разделить на три группы: 1) Библеизмы – имена собственные. В языке они становятся именами нарицательными (Herod – Ирод, Cain – Каин и др.), употребляются в составе фразеологизмов-библеизмов (Solomon's decision – Соломоново решение, the Old Adam – Ветхий Адам, т. е. нераскаявшийся грешник и др.) или функционируют в качестве имен собственных (Mary – Мария, Matthew – Матфей); 2) Библеизмы-топонимы – это географические названия, упомянутые в Священном Писании (Nazareth – Назарет, Babylon – Вавилон и др.), а также входящие в состав фразеологизмов-библеизмов (trumpet of Jericho –

Иерихонская труба, Babeldom – Вавилонское столпотворение и др.); 3) Библизмы – религиозные реалии – это слова, которые используются в наименовании предметов церковного обихода, практике отправления религиозных обрядов (елей, миро, ангел и др.). Данные слова, употребляемые в современном языке, зафиксированы в Священном Писании и являются библизмами [2].

Фразеологизмы библейского происхождения различны по активности употребления и по характеру – одни из них часто встречаются в текстах и имеют эквиваленты в русском языке (*to cast pearls before swine* – *метать бисер перед свиньями*), другие стали архаизмами.

Библизмы отличаются смысловым единством всей единицы, например: *a broken reed* – *ненадежный человек*, *a lion in the way* – *опасность, препятствие*. Значительная часть библизмов является фразеологическими интернационализмами, поскольку имеют соответствующие эквиваленты во многих языках (*you reap what you sow* – *что посеешь, то и пожнешь*). Некоторым фразеологизмам библейского происхождения присущ назидательный характер, например, *never do things by halves* – *начатое дело доводи до конца*.

Лингвисты выделяют две группы фразеологизмов-библизмов, рассматривая их на основе функционирования в языке: 1) библейские эквиваленты (это фразеологизмы, которые появились в языке в неизменной форме) и 2) библейские прототипы (БП). Вторая группа имеет следующую классификацию: а) употребление БП в буквальном значении, но создание фразеологизма связано с его переосмыслением; б) БП переходит в разряд фразеологизма; в) изменение формы БП; г) элементы фразеологизма употребляются в книгах Ветхого и Нового Завета, не образуя сочетаний; д) использование только одной части фразеологической единицы; е) создание фразеологизма посредством игры слов [3, с. 32].

Фразеологизмы-библизмы в большинстве случаев расходятся с их библейскими прототипами в связи с их переосмыслением и появлением нового значения, изменением порядка слов или не использованием архаических форм слова. Например, выражение *to kill the fatted calf* употреблялось в значении «зажарить упитанного тельца» (в притче о блудном сыне), но с течением времени приобрело другое значение – «радостно и радушно встретить, угостить лучшей едой, которая есть в доме».

Библия считается ключевым литературным источником фразеологических единиц. На протяжении длительного времени книги Ветхого и Нового Завета являлись самыми читаемыми и цитируемыми в Англии. Английский язык содержит огромное количество фразеологизмов библейского происхождения, в число которых входят именные, атрибутивные, глагольные обороты,

предложения-поговорки. Многие фразеологизмы-библеизмы, ассимилировавшись в английском языке, больше не ассоциируются со Священным Писанием, поскольку превратились в цитаты и звучат как клише [1, с. 93].

Таким образом, несмотря на различные подходы в классификациях и сложности понятия «библеизм», данные фразеологические единицы представляют важный интерес для исследования, поскольку они являются одними из самых ярких языковых средств. Каждая из двух групп библеизмов рассматривается в составе фразеологизмов и является важной составляющей языка в целом.

Литература

1. Апетян М. К. Библеизмы в английском языке [Электронный ресурс] / М. К. Апетян // Молодой учёный. – 2014. – № 14. – С. 93-95. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/73/12483/>.
2. Клюкина Т. П. Особенности употребления и перевода английских и русских библеизмов [Электронный ресурс] / Т. П. Клюкина // Столпотворение. – 2003. – № 8. – Режим доступа : <http://www.samlibru>.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Электронный ресурс] / А. В. Кунин. – М., 1996. – 381 с. – Режим доступа : <http://www.phoenix.dubna.ru/ph-books/b-soderz/s-kunin.pdf>.

Немыкина Т.Н.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛОГА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПАРЕМИЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Паремии – пословицы и поговорки – играют важную роль в любом языке, поскольку в них отчётливо отражаются культура и ценности народов мира. Уместное использование паремий – яркий стилистический приём, придающий речи живость, окраску и выразительность. Многие учёные, такие как А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, Г.Л. Пермяков, А.А. Потебня, посвятили свои работы изучению паремического слоя языка и представили собственные новаторства и разработки. По утверждению российского лингвиста Ф.И. Буслаева, паремии – микромиры, содержащие в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам»

[2, с. 82]. Этим вполне объясняется тот факт, что паремии являются неотъемлемой частью языка, а их изучение остаётся актуальным и в наши дни.

Перевод паремий – задача непростая, поскольку нужно учитывать различные аспекты. При переводе пословиц и поговорок необходимо уделять большое внимание контексту, пытаться найти вариант в языке перевода наиболее подходящий переводимой единице. Кроме того, переводчик должен быть осведомлён об особенностях культуры того или иного народа и национальной специфике языка перевода.

Мы проанализировали 32 паремии в 7 произведениях русских авторов XIX века и сопоставили их с переводами на английский язык. Метод фразеологического аналога (т. е. использование в переводе фразеологизма с подобным толкованием, но основанного на другом образе), гарантирующий высокий уровень эквивалентности, был выявлен при переводе 11 пословиц и поговорок русской художественной литературы, что составляет 34,3%.

При переводе паремий в художественных произведениях сохраняются образы языка оригинала в том случае, если в языке перевода существует соответствующее выражение. Мы можем наблюдать это на примере пословицы *Вода камень точит* [1] в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Значение пословицы – «даже незначительное воздействие, прилагаемое постоянно, может привести к значительным результатам». Английский вариант данной паремии звучит следующим образом: *Water wears out a stone* [4].

В других случаях образы в основе паремий претерпевают изменения или заменяются другими. Например, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» встречается пословица *Не плюй в колодец, пригодится воды напиться* в сокращённом варианте *А ты в колодезь не плюй* [1], значение которой – «не делай неприятностей, не вреди кому-либо, так как этим можешь лишиться себя в будущем помощи, поддержки». Р. Пивар и Л. Волохонская перевели данную пословицу посредством использования её аналога: *Don't quarrel with your bread and butter* [4].

В романе А.С. Пушкина «Дубровский» из уст кучера Антона в разговоре с Владимиром Дубровским звучит пословица *Плетью обуха не перешибёшь* [3, с. 109], значение которой – «невозможно противостоять силе и власти». П. Дебрецени дал такой перевод пословицы: *Whether the pitcher strikes the stone or the stone the pitcher, it's bad for the pitcher* [5, с. 192]. Метод фразеологического аналога в этом случае делает пословицу громоздкой за счёт повтора её элементов, но переводчик смог таким способом простыми словами в полной мере донести её смысл до читателя.

В повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» пословица *Что сделано, того не воротишь* [3, с. 64] переведена П. Дебрецени также с помощью метода фразеологического аналога: *What can't be cured must be endured* [5, с. 116]. Подобранный аналог имеет похожее значение, хоть и основан на ином образе. Данный английский вариант вполне соответствует русскоязычной паремии, поскольку сохранены её эмоциональные свойства и стилистическое значение. В то же время, П. Дебрецени перевёл пословицу *Что с возу упало, то пропало* [3, с. 64], которая имеет значение «что потеряно, то пропало, и его уже не вернёшь», как *What is done cannot be undone* [5, с. 116]. В данном случае, как мы видим, фразеологический аналог полностью передаёт значение русскоязычной паремии, но образность при этом теряется.

Роману А.С. Пушкина «Арап Петра Великого» паремии придают своеобразие за счёт своего весомого значения. В основном они присутствуют в речи представителей старшего поколения дома Гаврилы Афанасьевича Ржевского. Так, пословица *Сказал слово, да волк недалечко* [3, с. 19] имеет значение «неосторожное слово может навредить говорящему». Перевод П. Дебрецени звучит следующим образом: *I'd add a word or two of my own, but even the walls have ears* [5, с. 25]. Данная паремия показывает напряжение в обществе и передаёт колорит старого русского быта, поэтому она семантически и прагматически насыщена. Фразеологический аналог сохраняет прагматику высказывания в англоязычном переводе, хотя стилистическая окраска теряется вследствие использования других образов.

Отметим, что существуют и нередко встречаются смысловые различия между оригинальной паремией и фразеологическим аналогом в переводе. Так, например, в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» из уст Василисы Егоровны звучит пословица *Стернится – слюбится*, устоявшееся соответствие которой в английском языке звучит так: *Marry first, love will follow*. Этот вариант и был использован А. Мейер; однако, он никоим образом не подходит по контексту повести, ведь перевод несёт в себе любовный смысл, в то время как в оригинале подразумевалось, что Гринёв-младший со временем привыкнет к суровой и примитивной жизни в гарнизоне.

К тому же бывают случаи, когда аналог не полностью равнозначен по смыслу оригиналу. Так, например, Р. Эдмондс при переводе пословицы *Семь бед, один ответ* употребила аналог *In for a penny, in for a pound*. Здесь нарушен закон перевода названий английских денежных единиц: используемые в переводе единицы не уместны в речи русского дворянина. Эту же пословицу П. Дебрецени и А. Мейер перевели с помощью аналога-поговорки *as well be hanged for a sheep*

as a lamb, что, несмотря на изменение образности, является более уместным в данном контексте.

В заключение необходимо отметить, что метод фразеологического аналога обеспечивает высокий уровень эквивалентности и часто используется переводчиками для передачи паремий в художественных произведениях. При удачном использовании фразеологического аналога замена образов не препятствует адекватной передаче значения русскоязычной паремии. Однако переводчику следует с осторожностью использовать данный способ перевода паремий в связи с тем, что пословицы и поговорки иногда имеют смысловые и стилистические различия в разных языках. Нами были отмечены неудачные примеры передачи паремий опытными переводчиками, что в дальнейшем поможет студентам избегать подобных ошибок в своей переводческой практике.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1978. – 463 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
3. Пушкин А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – М. : Художественная литература, 1984. – 287 с.
4. Dostoevsky F. Crime and Punishment [Электронный ресурс] / F. Dostoevsky ; transl. from the Russ. by Richard Pevear & Larissa Volokhonsky. – London : Everyman's Library, 1993. – 608 p. – Режим доступа : http://ffeng.ru/books/fedor_mihajlovich_dostoevskij-prestuplenie_i_nakazanie.pdf.
5. Pushkin A. The Collected Stories / A. Pushkin ; transl. from the Russ. by Paul Debrecezeny. – London, 1999. – 545 p.

Овчаренко А.И.

*(ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
Донецк, ДНР)*

ЕЩЁ РАЗ «О ЛЮБВИ»

(вместо рецензии на статью А.Ю. Бутенко)

Одно из направлений работы семинара связано с вопросами адекватности и эквивалентности перевода прозаического и поэтического произведений. При этом само собой разумеющимся считается наличие собственно перевода как объекта анализа. Однако, как увидим далее, исследоваться может и несуществующий перевод.

Так, работа [1] посвящена переводу рассказа А.П. Чехова «О любви», который был «осуществлён А. Хуторяном и С. Воскресенко в 1981 году» [1, с. 21]. В списке литературы указан источник: Чехов А.П. Вибрані твори; переклад А. Хуторяна, С. Воскресенко / А.П. Чехов. – К.: Дніпро, 1981. – 254 с. [1, с. 24]. Однако в этом издании нет рассказа «Про кохання» (есть «Смерть чиновника», «Горе» и др., всего 17 рассказов, 4 повести и 1 пьеса). При этом не существует «С. Воскресенко», а есть С. Воскрекасенко, известный украинский поэт-сатирик. Каждое из произведений в книге переведено одним автором (кроме А. Хуторяна и С. Воскрекасенко, это С. Скляренко, Д. Бобир, А. Головко и др.), поэтому странно предполагать, что «О любви» переводили одновременно двое.

Одним из результатов исследования [1] на синтаксическом уровне явилось, с одной стороны, наличие предложений, «которые не переведены авторами перевода на украинский язык», с другой стороны, предложения, «которыми авторы перевода дополнили целевой текст» [1, с. 23]. Т. е., получается, переводчики подвергли правке текст оригинала, и это было вызвано идеологическими мотивами. Например, отсутствие в (несуществующем) переводе, в частности, предложения, названного ключевым, *«Я любил нежно, глубоко, но я рассуждал, я спрашивал себя, к чему может повести наша любовь, если у нас не хватит сил бороться с нею; мне казалось невероятным, что эта моя тихая, грустная любовь вдруг грубо оборвет счастливое течение жизни ее мужа, детей, всего этого дома, где меня так любили и где мне так верили»* объясняется следующим образом: «Вторая группа – объединяет предложения, перевод которых не соответствовал социальной обстановке в социалистическом государстве в период выполнения перевода. Данное обстоятельство связано с отличием государственного устройства России в период написания оригинала и выполнения перевода. Российская империя в 19 веке представляла собой монархическое государство с капиталистической формой развития экономики и явными границами разделения слоев населения. Однако, в СССР границы между слоями населения, их социальным положением были практически стёрты, существовал определённый моральный облик гражданина в государстве. Данное обстоятельство авторы перевода учли и не использовали отдельные предложения в целевом тексте [1, с. 22]. Также переводчики «исключили предложения, не влияющие на содержание и формирование сюжетных линий. Например, “Стали говорить о любви”» [1, с. 23].

Разумеется, в художественном тексте не может быть предложений, не влияющих на содержание, тем более в рассказе «О любви» фраза о разговоре о любви, а также моральный облик советского человека не мог пострадать от произведений «дореволюционных» классиков.

В сети Интернет существует перевод этого чеховского рассказа на украинский язык, выполненный И. Буше [2]. В нём переведены вышеуказанные фразы, и он мог бы стать объектом продуктивного анализа, однако там нет искомым лакун и вставок. В переводе фразы «*мы же, русские, украшаем нашу любовь этими роковыми вопросами*» здесь использовано слово *росіяни*, а в [1, с. 23] – *російські*, чего не позволил бы себе даже начинающий переводчик. Таким образом, можно предположить, что для анализа в [1] был в лучшем случае использован *машинный* фрагментарный перевод рассказа А.П. Чехова.

Литература

1. Бутенко А. Ю. Использование компьютерных технологий при социолингвистическом анализе перевода рассказа «О любви» А.П. Чехова на украинский язык / А. Ю. Бутенко // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2018. – Вып. 10. – Т. 2: Гуманитарные науки. – С. 20-24.
2. Чехов А. П. Про кохання (Переклад з рос. І. Буше) [Електронний ресурс] / А. П. Чехов // Зарубіжна література. Хрестоматія 10 клас (Том 2). – Режим доступа : <http://www.info-library.com.ua/books-text-9496.html>.

Папуж М.В.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

СЛОВА-РЕАЛИИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ АГЕНТСТВ

В лингвистической литературе до сих пор не выработано единой точки зрения относительно определения «слова-реалии», несмотря на высокий интерес к рассматриваемой проблеме. Кроме того, вследствие различных подходов к анализу слов-реалий, в современной лингвистике этот термин употребляется разными авторами в разных значениях.

Краткая лингвистическая энциклопедия следующим образом характеризует реалии: «Реалия <...> – предмет, понятие, явление характерное для истории, культуры, быта, уклада того или иного народа, не встречающееся у других народов. Реалия – это слово, обозначающее предмет, явление, понятие; словосочетание (обычно – фразеологизм, пословица, поговорка, включающее такие слова), которое отсутствует в языке-реципиенте» [1, с. 187].

Т.И. Черемисина считает, что слова-реалии являются «*локально-маркированными и служат для обозначения обычаев, предметов обихода, свойственных определенной нации*» [3, с. 40].

Реалии – это слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, которые являются носителями национального и исторического колорита, и не имеют, как правило, точных соответствий (эквивалентов) в других языках [там же].

Это определение термина «реалия» мы и взяли за основу в нашем исследовании.

Различные авторы по-разному подходят к классификации слов-реалий. Так, С. Влахов и С. Флорин предлагают классификацию, которая наиболее полно способна охватывать все виды слов-реалий [2, с. 43]. Рассмотрим, взяв за основу их классификацию, примеры реалий в русском языке, переводимые на французский.

1. *Географические реалии*, то есть названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии; географические названия (топонимы), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации (большие города, известные туристические места).

2. *Этнографические реалии*: быт; еда, напитки; предметы быта; украшения, уборы; жилье, мебель, кухонная утварь; транспорт; труд; люди труда; организация труда; искусство и культура; музыкальные инструменты; обычаи, ритуалы; мифология; антропонимы – имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажи художественной литературы и фольклора; художники; служители культа и последователи; названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений; меры и деньги; общественно-политические реалии; административно-территориальное устройство; органы и носители власти; общественно-политическая жизнь; политическая деятельность и деятели; социальные явления и движения; звания, степени, титулы, обращения; учреждения; сословия и касты (и их члены); военные реалии. Например:

*Aux pieds des montagnes et entourée de verdure, **Salzburg** séduira les voyageuses solitaires à la recherche d'une destination paisible. La ville de **Mozart** est connue pour être aussi charmante que chaleureuse et le fait qu'elle soit presque entièrement piétonne la rend encore plus séduisante. Parmi les visites incontournables lors d'un séjour en location de vacances à **Salzburg** on retient le **château de Mirabell** et ses somptueux jardins ou encore l'**abbaye de Nonnberg*** [<http://www.senegal-online.com>].

В данном примере акцент делается на всемирно известного музыканта и композитора В.-А. Моцарта. Для человека, увлекающегося классической музыкой, побывать в городе, где жил и творил знаменитый немецкий композитор, будет особенно ценным и незабываемым путешествием.

Литература

1. Васильева Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н. В. Васильева. – М. : Рус. яз., 2004. – 196 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе : монография / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Высш. шк., 1986. – 138 с.
3. Черемисина Т. И. Функциональный аспект неассимилированных заимствований / Т. И. Черемисина // Сб. науч. тр. МГПИИЯ. – М. : Изд-во МГПИИЯ, 1999. – Вып. 212. – С. 40-47.

Пономарёва Т.А.

*(ГООУ ВПО «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ДНР)*

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЭТИКИ ИОСИФА БРОДСКОГО В ЕГО ПЕРЕВОДАХ

Перевод правомерно считать результатом диалога разных культур, итогом взаимодействия, переклички различных национальных традиций. Каждый перевод – интерпретация по своей сути, при которой неизбежны потери, как неизбежны и приобретения, связанные с творческой индивидуальностью переводчика. Поэтому переводное произведение, а поэтическое – тем более, представляет собой совмещение двух языковых и художественных картин мира – автора, с его отношением к изображаемому, и переводчика с собственным видением, собственным прочтением оригинала.

Это тем более применимо к таким поэтам-переводчикам, как Иосиф Бродский. На наш взгляд, можно согласиться с мыслью Я. Гордина о том, что «поэты такой яростно интенсивной индивидуальности не могут создавать переводы в точном смысле слова. <...> Мир переводов Бродского – в главных своих образцах – не просто плотно сопределён миру его поэзии, но является его органичной частью» [1, с. 6].

Для своих переводов И. Бродский во всей мировой поэзии выбирал те стихотворения, которые близки его мировидению и мироощущению. Именно поэтому в поэтических переводах Бродского находят отражение особенности его художественной

картины мира, черты его идиостиля. Поэт-переводчик привносит в переводимое произведение частицу своей культуры, своего сознания, мировидения и мировосприятия. Донн, Марвелл, Галчинский, Кавафис, Саба, Венцлова, Норвид, Милош, Незвал и другие поэты, которые в своих языках живут как известные, большие творцы, в русском приобретают черты поэтической традиции Иосифа Бродского.

К наиболее важным особенностям поэтики И. Бродского, проявляемым как в оригинальных, так и в переводных произведениях, принадлежат, на наш взгляд, следующие:

1. В большинстве переводных произведений, как и в оригинальных, Бродский стремится создать своеобразную «модель двоемира», совмещая реальность и ирреальность, расширяя рубежи пространства и трансформируя время. Подобная метафизичность достигается многими лингвопоэтическими приёмами: «балансированием», превращением поэтической картины мира в научную, синтезом стилистических средств и некоторыми другими.

2. В поэтике И. Бродского можно выделить следующие основные концепты: «одиночество», «сон», «смерть», «снег», «зима», «звезда», «любовь», «небо», «ночь», «холм», среди которых – и общекультурные, и индивидуально-авторские. Анализ поэтических переводов И. Бродского позволяет утверждать, что в этом пласте его творчества – несколько иная, по сравнению с оригинальными произведениями, иерархия концептов: «небо», «смерть», «сон», «ночь», «холм», «море», «снег», «одиночество», «любовь».

Обозначим некоторые особенности концептов, используемых Бродским в оригинальных и переводных произведениях:

- концепты «небо», «смерть» одинаково часто встречаются как в оригинальной, так и в переводной поэзии Бродского. При этом наблюдается отчётливое сходство их лингвопоэтических признаков;

- концепт «сон» в переводной поэзии Бродского не имеет однозначной трактовки и обладает комплексом различных интерпретаций;

- с концептом «ночь» в картине мира Бродского тесно связан концепт «одиночество»;

- концепт «холм» в переводной поэзии Бродского встречается чаще, чем в оригинальной, и обладает объёмным семантическим потенциалом;

- в концептуальной картине мира Бродского-переводчика встречаем концепт, который не входит в круг основных концептов Бродского-поэта, – концепт «любовь». Этот концепт в переводах Бродского обладает рядом свойств, связанных с особенностями понимания любви в русской культурной и религиозной традициях и спецификой культур, носителями которых являются авторы

оригиналов. В поэтике Бродского концепт «любовь» тесно связан с концептами «одиночество», «разлука», «смерть».

3. Среди «пейзажных» концептов в поэтике Бродского преобладает концепт «снег», вбирающий в себя различные метафизические, философские смыслы. Часто концепт «снег» и слова, входящие в его концептуальное поле, связаны с концептом «смерть». Встречается в переводах и используемое в оригинальной поэзии описание зимы как способа преодоления пространства, перемещения в другие временные измерения.

4. Особое отношение И. Бродского к белому цвету (цвету чистого листа бумаги) и чёрному цвету (цвету букв, складывающихся в слова) ярко проявляется не только в оригинальной, но и в переводной поэзии и подчёркивает уверенность Бродского в божественном приоритете языка.

5. Категории времени и пространства в переводной поэзии Бродского так же, как и в оригинальной, занимают особое место. Это определяется его мировоззренческой позицией, убеждением в том, что поэт более всего может волновать только время и то, как оно влияет на человека, пространство, вселенную.

6. Время и пространство у Бродского ярко представлены в математических номинациях, которые и в оригинальной, и в переводной поэзии обладают сходными семантическими характеристиками.

Итак, переводное поэтическое произведение представляет собой в значительной мере отображение языковой и художественной картин мира поэта-переводчика. Личность переводчика, его идиостиль и мировоззрение в поэтическом переводе проявляются с высокой степенью интенсивности, реализуясь с помощью различных лингвистических (композиционных, синтаксических, тропических) средств.

Литература

1. Гордин Я. Наше дело – почти антропологическое / Я. Гордин // Бродский И. В ожидании варваров: Мировая поэзия в переводах. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2001. – С. 5-8.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

А.В. Кунин предлагает рассматривать фразеологизмы как «устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, не образующиеся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных словосочетаний» [2, с. 13].

А.А. Реформатский в качестве главного признака фразеологизма выделял его неперево́димость на другие языки [3, с. 192].

Цель данной работы – произвести сравнительный анализ фразеологизмов, отражающих характер человека, на материале английского и русского языков. Сопоставительное изучение фразеологии различных языков способствует выявлению сходств и различий в языках и мировоззрении народов и представляет одну из актуальных проблем современного языкознания.

Работая в обозначенном направлении, вслед за Э.И. Галиуллиной [1, с. 422], мы рассматриваем следующие структурные типы русских и английских фразеологизмов, отражающих характер человека: а) глагольные фразеологизмы (функционально сопоставимые с глаголом); б) субстантивные фразеологизмы (функционально сопоставимые с именем существительным); в) адъективные фразеологизмы (функционально сопоставимые с именем прилагательным).

В рассматриваемых языках чаще всего встречаются субстантивные фразеологизмы. Реже встречаются адъективные и глагольные фразеологизмы.

Количество *субстантивных фразеологизмов* в английском языке намного больше, но в русском они представлены более разнообразно – тремя подклассами:

1. Прил. + Сущ. / Сущ. + Прил.: русск.: *заятняя птица, змея подко́лодная, белая ворона, мокрая курица*; англ.: *a warm heart, a bad tongue, an ugly duckling, an old bird*.

2. (Прил.) + Сущ. + (Прил.) + Сущ.: русск.: *птица низкого полета; отставной козы барабани́к*.

3. Сущ. + Предл. + Прил. + Сущ.: русск.: *ворона в павлиньих перьях, волк в овечьей шкуре, слон в посудной лавке*; англ.: *an ass in lion's skin*.

Количество *адъективных фразеологизмов* намного меньше в русском языке, чем в английском. Они также представлены тремя подклассами:

1. Прил. + как + Сущ.: русск.: *важный как павлин, упрямый как осел, здоровый как бык, хитрая как лиса, злой как собака*; англ.: *(as) busy as a bee, greedy as a wolf, melancholy as a cat*.

2. Прил. + (предл.) + Сущ.: русск.: *злой на язык, скор на руку (ногу), (не)чист на руку*; англ.: *full of beans, quick on the trigger*.

3. Прил. + и + Прил.: англ.: *rough and tough, high and mighty*.

Глагольные фразеологизмы как в русском, так и в английском языках разнообразно представлены в четырёх подклассах:

1. Гл. + Прил. + Сущ.: русск.: *есть чужой хлеб, идти прямой дорогой*; англ.: *to show a false face, to take a strong line*.

2. Гл. + Предл. + Прил. + Сущ.: русск.: *копаться в чужом белье, жить на широкую ногу*; англ.: *work at high pleasure, look on the dark side (of things)*.

3. Гл. + (Прил.) + Сущ. + Предл. + (Прил.) + Сущ.: русск.: *делать хорошую мину в плохой игре, ловить рыбу в мутной воде*; англ.: *to see things in their true colors, to help a lame dog over a stile*.

4. Гл. + как + Прил. + Сущ.: русск.: *пристать как банный лист, покраснеть как маков цвет*; англ.: *blush like a black (blue) dog*.

Далее, рассмотрев и изучив отобранные фразеологизмы русского и английского языков, мы отметили следующее: большинство фразеологизмов, отражающих человеческий характер, сравнивают человека с животными. Например:

– *A black sheep* (русск. *паршивая овца*). О таком человеке говорят с неуважением, он неприятен обществу, так как имеет отличительные качества отрицательного характера и способен приносить только вред коллективу.

– *To work like a horse* (русск. *работать как лошадь*). О трудолюбивом, целеустремленном и выносливом человеке. В русском языке является допустимым вариант «пахать как лошадь».

– *A wolf in sheep's clothing* (русск. *волк в овечьей шкуре*). О лицемерном, опасном человеке, который ради своей выгоды выдаёт себя за хорошего, заботливого, честного и доброго человека, тем самым легко обманывая людей, которые доверились ему.

В английском языке различным животным приписываются определённые качества. Многие из них совпадают с видением и в нашей культуре, например: Donkey (русск. осёл) – умственная ограниченность; Bull (русск. бык) – решительность, агрессивность; Fox (русск. лиса) – хитрость; Hare (русск. заяц) – трусливость; Horse (русск. лошадь) – трудолюбие, упорность; Lion (русск. лев) – бесстрашие; Monkey (русск. обезьяна) – проказливость; Mouse (русск. мышь) – скромность.

Сопоставив отобранные английские и русские фразеологизмы, отражающие характер человека, с точки зрения их грамматической структуры и семантических особенностей, нами были найдены

определённые соответствия, что, в свою очередь, позволило выявить некоторые закономерности и национальное своеобразие фразеологии рассматриваемых языков.

Литература

1. Галиуллина Э. И. Сопоставительный анализ фразеологизмов обозначающих характер человека / Э. И. Галиуллина // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 420-428.
2. Кунин А. В. Что такое фразеология / А. В. Кунин. – М. : Наука, 1966. – 93 с.
3. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М., 1967. – 536 с.

Река О.О.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

ВОЗМОЖНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧИ СЛОЖНОГО СЛОВА В ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Словарный состав языка, представляющий собой систему, находится в постоянном движении. Словарный запас языка постоянно обновляется по мере развития общества, как посредством заимствования, так и по словообразовательным законам языка. Словосложение в немецком языке является одним из важнейших способов словообразования. Слова создаются из имеющегося в языке материала и по его продуктивным моделям. Значительную часть словарного состава немецкого языка представляют сложные слова, обозначающие предметы и явления, то есть существительные.

Специфика немецких сложных существительных (СС) состоит в том, что они являются не только средством номинации предметов и явлений (*Pflegeprodukte, Hautarzt, Wundermittel* и т. д.), но и способны выражать самые разнообразные логико-семантические отношения, то есть могут выражать отношения, передаваемые свободным словосочетанием. Подавляющее большинство немецких СС составляют определительные СС, где первый компонент относится ко второму как определяющий [3].

Первый компонент может быть выражен любой частью речи, однако наиболее распространены СС с субстантивным первым компонентом, когда происходит соединение слов/лексем в длинные слова (*Bindegewebszelle, Lichtschutzfaktor* и т. д.) или словосложение

определенных синтаксически устойчивых пар (*Damen- und Herrenschneider, Staats- und Regierungschefs* и т. д.).

Разница словосложения в немецком и русском языках в пользу немецкого словосложения и особенности функционирования немецких СС ставит перед нами вопрос о способах передачи немецких СС на русский язык и о том, каким образом особенности немецких СС и их функционирование влияют на процесс перевода [1, с. 11-27]. Можно выделить следующие способы образования СС: 1) существительное + существительное (+ существительное); 2) глагол + существительное; 3) прилагательное + существительное; 4) числительное + существительное (+ существительное) и особенности их перевода на русский язык.

1. Перевод немецкого СС существительным русского языка с таким же денотативным значением и различными способами образования: *Hautarzt* – *дерматолог*; *Krankenhaus* – *больница*; *Landsmann* – *земляк*.

2. Перевод немецкого СС словосочетанием существительного с прилагательным: *Bindegewebe* – *соединительная ткань*; *Goldstandard* – *золотой стандарт*.

3. Перевод немецкого СС словосочетанием родительным беспредложным: *Wachstumsprozesse* – *процесс роста*; *Ausbildungssystem* – *система образования*; *Absatzmarkt* – *рынок сбыта*.

4. Перевод немецкого СС предложной конструкцией: *Malbuch* – *книжка с картинками для раскрашивания*; *Zimmernachbar* – *сосед по комнате*.

5. Перевод немецкого СС посредством описания (в виде предложения): *Lohnstückkosten* – *издержки на заработную плату*; *Exportindustrien* – *отрасли промышленности, работающие на экспорт (но не: экспортные отрасли промышленности)* [2, с. 114].

Учитывая различия в интенсивности использования и характере структуры слова в немецком и русском языках, для практики перевода важны, как минимум, два заключения: 1) сложные существительные, относящиеся к лексике немецкого языка, в русском языке могут быть переданы другой частью речи; 2) сложные существительные немецкого языка, образованные спонтанно в речи, так называемые синтаксические сложные существительные, в русском языке отсутствуют, поэтому могут быть переданы различными структурами.

Литература

1. Ахманова О. С. Лингвистические проблемы перевода / О. С. Ахманова, В. Я. Задорнова // Сб. ст. МГУ. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – С. 11-27.

2. Солодилова И. А. Лексикология немецкого языка : учеб. пособие для студентов / И. А. Солодилова. – Оренбург : Изд-во ОГУ, 2004. – 114 с.
3. Трофименко С. А. Проблема перевода сложных существительных с немецкого языка на русский язык [Электронный ресурс] / С. А. Трофименко. – Режим доступа : <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/9705/1/Трофименко%20С.А..pdf>.

Решетарова А.М.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПЕРЕВОДНОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале выступлений Дж. Карлина)

Актуальность исследований юмористического дискурса определяется как устойчивым интересом лингвистического сообщества к феномену юмора в целом, а также юмора, создаваемого народом средствами национального языка, так и отсутствием единой теории национального юмористического дискурса и исчерпывающего знания о своеобразии юмористического публичного выступления, отражающего юмористическое мышление конкретного народа.

Стендап-комедия (англ. stand-up comedy) – это комедийное произведение в разговорном жанре, предполагающее выступление перед живой аудиторией, с возможной прямой коммуникацией со зрителем. В таких выступлениях традиционны шуточные монологи с элементами импровизации и без (спонтанная и псевдоспонтанная сценическая речь); обыгрывание смешных коротких жизненных историй, зачастую с элементами взаимодействия со зрителем; привлечение актёрских миниатюр, музыкальных инструментов и/или видеосюжетов.

Монолог комика может касаться щекотливых или даже запретных тем, он также может быть абсолютно циничным или наполненным сарказмом, иронией и сатирой. В любом случае, отличительной чертой стендапера является интеллектуальная игра, его способность подметить в обыденных явлениях комическую составляющую и придать ей словесную форму. Именно в силу таких характеристик, комический эффект зачастую утрачивается при переводе выступлений стендап-комиков.

Задача переводчика в таком случае осложняется тем, что нужно не только донести смысл, но и сохранить юмористический компонент.

Проще говоря, заставить слушателя смеяться. И в то время как у письменного переводчика, как правило, есть время на обдумывание лучшего варианта, устный переводчик такой возможности лишён, особенно если речь идёт о синхронном переводе.

При переводе юмористических текстов может использоваться целый ряд разных приёмов: например, поиск полноценного смыслового эквивалента или объяснение, той или иной фигуры речи, приведшей к комическому эффекту. Не все приёмы одинаково эффективны при передаче юмора. Так, сохраняя незнакомые целевой аудитории культурные маркеры, переводчик не рискует исказить смысл услышанного, но при этом препятствует коммуникации: слушатель, для которого недоступен подразумеваемый смысл переведённого фрагмента, недоумевает, почему реакция остальной аудитории отличается от его собственной. Попытки описательным образом объяснить скрытый смысл сказанного позволяют переводчику достигнуть необходимого эффекта, однако таким образом объём перевода значительно увеличивается по отношению к исходному высказыванию, что приводит к отставанию от выступающего.

Классиком американской стендап-комедии по праву считается Джордж Карлин (George Carlin). Его стендап обыкновенно был рассчитан на провокацию публики. Джордж Карлин не боялся говорить на любые, иногда даже очень «некрасивые» темы: о человеке и человечестве, о жизни, смерти и религии, о планете, о войнах, о болезнях и социальных проблемах. Возможно, именно провокационный характер его юмора сделал его таким популярным.

Карлин высмеивал искажения в американской общественной жизни, такие как правый религиозный консерватизм, культ знаменитостей, общество потребления, фаст-фуд, лицемерие, всевластие корпораций, сексуальные табу и другие. Он говорил языком, насыщенным фигурами речи. В его монологах постоянно встречались скрывающие или искажающие смысл эвфемизмы, высокопарная, вызывающая или дурашливая лексика.

В качестве примера рассмотрим монолог Джорджа Карлина на тему религии. Как и большинство выступлений этого комика, данный монолог пронизан сарказмом и иронией. Например:

Англ. *Religion has actually convinced people that there's an invisible man living in the sky who watches everything you do, every minute of every day* [2]. – Русск. *Религия смогла убедить людей, что есть невидимый мужик, который живёт на небе и наблюдает за тем, что вы делаете каждый день, каждую минуту* [1].

В данном примере ирония кроется во фразе *an invisible man living in the sky who watches everything you do, every minute of every day*, где нарушается степень почтительного и благоговейного отношения,

которые испытывают религиозные люди к Богу. При передаче данного примера на русский язык, был использован полный перевод с сохранением эквивалентности на уровне слов.

В другом примере, продолжая высмеивать религиозность, Карлин говорит, что «вместо того, чтобы слепо верить в то, что всё это дело рук какого-то некомпетентного отца-создателя», он предлагает найти новый объект для поклонения, на который можно было бы рассчитывать. Здесь мы также видим сочетание сарказма и иронии, направленное на слепую веру людей в Господа:

Англ. *So rather than be just another mindless religious robot, mindlessly and aimlessly and blindly believing that all of this is in the hands of some spooky incompetent father figure who doesn't give a sh*t, I decided to look around for something else to worship. Something I could really count on. And immediately, I thought of the sun. Happened like that. Overnight I became a sun-worshipper* [2]. – Русск. *Так что, не желая больше быть ещё одним бездумным роботом, слепо веря, что всё вокруг дело рук какого-то жуткого, некомпетентного отца-создателя, которому, как мы предположили, на всё нас**ть, я решил хорошенько осмотреться и найти себе другой объект почитания. Что-то, на что я могу положиться. И в тот же момент я подумал о солнце. Всё так и было. В ту же ночь я стал почитателем Солнца* [1].

При переводе данного отрывка был использован приём полного перевода, с незначительными изменениями, как например, опущением некоторых слов, не несущих смысловой нагрузки, или же антонимический перевод (*doesn't give a sh*t* – *на всё нас**ть*). Помимо прочего, переводчик, как и оригинальный оратор, использовал обсценную лексику, для придания ещё более яркого негативного отношения к теме.

Стендап Карлина занимает особое место в англоязычном юмористическом дискурсе. Его выступления, рассчитанные на широкую аудиторию, высмеивают богатый спектр тем, близких людям разного вероисповедания, возраста и национальности. Успех Джорджа Карлина как стендап-комика обусловлен той свободой, с которой он высказывался, преуспевая в достижении цели – заставить зрителей посмеяться над своими проблемами.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что наибольшую трудность для сохранения юмористического эффекта при переводе составляют авторские окказионализмы и незнакомые русскоязычному слушателю реалии, присутствующие во всех темах выступлений Карлина.

Литература

1. Карлин Дж. Видео-выступления [Electronic Resource]. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=LFWGnDsAHlU>.
2. Carlin G. On Religion [Electronic Resource] / G. Carlin. – Режим доступа : <https://rense.com/general69/obj.htm>.

Решетарова И.В.

(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Каким бы ни был уровень отношений между людьми, рано или поздно при их общении возникает конфликт. Очевидно, что конфликт – это естественный акт коммуникации, возникающий при недостаточном взаимодействии людей. Причин конфликта может сколько угодно много, как и его уровней. Конфликт может быть бытовым, профессиональным, административным, религиозным, политическим, военным и т. д. Другими словами, факторы, влияющие на зарождение, развитие и интенсивность конфликта, могут быть разнообразными – психическими, социальными, этическими, конфессиональными и др. Систематизация этих факторов позволит проанализировать многие грани речевого конфликта.

Так, изучением конфликта занимаются учёные, работающие в разных сферах научного знания. Например, изучению речевого конфликта и конфликтного дискурса посвящены работы О.Н. Матвеевой, Н.А. Белоус, В.С. Третьяковой и др. Характеристики инвективы и проблемам лингвистической интерпретации оскорблений посвящены работы В.И. Жельвиса, Г.В. Кусова, И.А. Стернина, Б.Я. Шарифуллина и др. Особый интерес изучение конфликта вызывает у специалистов в области юрислингвистики и лингвоконфликтологии (например, работы О.Н. Матвеевой и И.В. Микулиной).

С понятием *конфликт* тесно связаны понятия *конфликтный текст/высказывание* и *конфликтотенный текст/высказывание*. Анализ научной литературы, посвящённой обозначенной проблематике, показал, что в большинстве случаев термины *конфликтный текст* и *конфликтотенный текст* являются взаимозаменяемыми. Однако следует отметить, что компонент *-генный* (от лат. *genos*) означает ‘связанный с происхождением’, в связи с чем термин *конфликтотенный* определяется как ‘порождающий конфликты’. Использование данного термина было предложено психологом

А.П. Егидесом, который обозначал ним слова и/или знаки, действия (или его отсутствие), провоцирующие, порождающие или способствующие развитию конфликта: «Инициальный посыл, необоснованно (неоправданно) фрустрирующий потребность партнера, порождает конфликт. Назовем его конфликтогенным посылом, или конфликтогеном» [3].

В литературе также прослеживается тенденция называть конфликтогенными тексты, распространённые через каналы массовой коммуникации. Такие тексты, как правило, кроме публичности, имеют ещё один общий признак – они могут иметь правовые последствия, так как провоцируют коммуникативное поведение сторон, формирующее противоречие/противостояние/конфликт разной степени интенсивности. В то же время термин *конфликтный текст* оказывается более широким, поскольку он может обозначать как тексты, созданные до начала конфликта и спровоцировавшие его, так и тексты, продуцируемые на всем протяжении конфликтной ситуации и даже вне её (потенциальный конфликт) [1, с. 103]. Конфликтный текст также может стать причиной обращения одной из сторон в суд.

Таким образом, понятия *конфликтогенный текст* и *конфликтный текст* являются очень близкими, а ввиду отсутствия закрепившегося в научной терминологии определения и объективных критериев для разграничения данных понятий, указанные термины могут использоваться как синонимы.

Рассматривая речевой конфликт, необходимо учитывать тот факт, что участники конфликтного коммуникативного акта, как и любого другого, принадлежат конкретной лингвокультурной общности, определённой социальной или национальной группе. То есть коммуникативное поведение участников общения во многом определяется их социокультурными качествами: отношением к проблемам языка и речи, убеждениями, ценностными ориентациями, социальным и профессиональным статусом, национальными и территориальными особенностями общения. Прогнозирование речевого поведения с учётом этих социально-прагматических факторов, по мнению В.С. Третьяковой [2], должно способствовать успеху в достижении поставленных коммуникативных задач.

Вслед за В.С. Третьяковой [2] к факторам, влияющим на восприятие текста как конфликтного, мы относим следующие языковые единицы: многозначные слова и омонимы вне развернутого контекста, ненормативную (обценную, инвективную) лексику, негативную оценочную лексику, слова-агнонимы, а также слова нелитературных форм (сленгизмы, жаргонизмы, арготизмы), слова, имеющие неприятные, нежелательные или неэтичные ассоциации, отрицательные конструкции. Иными словам, с лингвистической

точки зрения, конфликтоген – это речевой сигнал когнитивного и/или коммуникативно-прагматического диссонанса между автором и реципиентом и, вследствие этого, потенциально или реально вызывающий в качестве перлокутивного эффекта появление конфликта и/или враждебности.

Литература

1. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н. А. Белоус, Н. В. Осколкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Сер. 9. – Вып. 4. – Ч. II. – С. 96-107.
2. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.jourclub.ru/24/919/2/>.
3. Егидес А. П. Психология конфликтов в деловом общении (концепции и технологии) / Психологос [Электронный ресурс] : Энциклопедия практической психологии [сайт]. – Режим доступа : <http://www.psychologos.ru/>.

Рогозовская И.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ УСТАВНЫХ ДОКУМЕНТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Сегодня перевод уставных бумаг является одним из актуальных видов перевода. В связи с тем, что стиль права имеет особую лексику и терминологический аппарат, перед переводчиками возникает трудность адекватной передачи уставных бумаг при переводе с одного языка на другой. В процессе перевода указанной лексики переводчики прибегают к использованию различных лексических трансформаций.

Вопросу исследования трансформаций уделено большое количество работ переводоведов, почти в каждой работе представлены классификации и определения трансформаций. Например, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев и Л.С. Бархударов подразделяют переводческие трансформации (далее ПТ) на лексические, грамматические и стилистические. Каждый из типов обладает своей системой и характерными чертами. Далее мы рассмотрим лексические трансформации (ЛТ).

Существует определенные факторы, требующие использования ЛТ. К примеру, одним из факторов считается отличительная черта,

свойственная любому языку, проявляющаяся во взаимосвязи с историей и культурой. Такое влияние на язык воздействует на использование терминов и формирует отличительные клише. В то же время, Л.К. Латышев определяет лексические трансформации как «отклонение от словарных соответствий» [3, с. 25].

В данной работе мы проанализируем лексические единицы уставных документов на основе классификации лексических трансформаций, предложенной Л.С. Бархударовым. Ученый называет рассматриваемые нами трансформации лексическими заменами и делит их на три вида: конкретизация; генерализация; модуляция [1, с. 172].

Для подробного рассмотрения трансформаций обратимся к анализу текста документа «The European Charter of Local Self-Government» и его официального перевода на русский язык («Европейская хартия о местном самоуправлении»).

Итак, конкретизация – это такая лексическая трансформация, в результате которой слово (термин) широкой семантики в оригинале заменяется словом (термином) узкой семантики [2, с. 300]. Например, *The Parties undertake to consider themselves bound by the following articles in the manner and to the extent prescribed in Article 12 of this Charter.* – *Стороны обязуются соблюдать следующие статьи в том порядке и объеме, как это предусмотрено статьей 12 настоящей Хартии.*

Генерализацией называется замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей переводящего языка с более широким значением, т. е. преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое [5]. Например, *For the purpose of borrowing for capital investment, local authorities shall have access to the national capital market within the limits of the law.* – *Для финансирования инвестиционных программ органы местного самоуправления имеют согласно закону доступ к национальному рынку ссудного капитала.*

Модуляция представляет собой варьирование сообщения, использование фразы с разным значением в исходном и целевом языках для передачи одной и той же мысли [4]. Например, *The financial systems on which resources available to local authorities are based shall be of a sufficiently diversified and buoyant nature to enable them to keep pace as far as practically possible with the real evolution of the cost of carrying out their tasks.* – *Системы финансирования, которые обеспечивают поступление средств, находящихся в распоряжении самоуправляющихся территориальных общностей, должны быть достаточно гибки и разнообразны для того, чтобы, насколько это практически возможно, эти общности могли*

справляться с фактическим ростом затрат на осуществление своих полномочий.

Лексические трансформации можно по праву назвать одним из более трудных типов переводческих приемов, так как иногда результатом их применения является изменение не только лексической наполняемости предложения, но и его грамматического оформления.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 190 с.
2. Карабан В. І. Переклад англійської наукової і технічної літератури / В. І. Карабан. – Вінниця : Нова книга, 2002. – 564 с.
3. Латышев Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – М. : ACADEMIA, 2005. – 278 с.
4. Методы перевода [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://termin56.ru/articles/tehnika_perevoda/.
5. Понятие переводческих трансформаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pandia.ru/text/80/130/1547.php>.

Рочняк А.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Современные художественные произведения создаются в сложном и эклектичном культурном контексте. Постмодернистический подход к созданию художественного целого обуславливает широкое использование такого явления, как гипертекстуальность, когда средством выражения авторской мысли выступают скрытые и открытые отсылки к другим произведениям или сложным культурным реалиям. По информации Е.Ю. Чилингир, «термин «гипертекст» впервые введён в обращение полвека назад Тедом Нельсоном для описания документов, отражающих нелинейную структуру идей» [1], и в современном мире сложных связей и зависимостей он становится основным принципом структурирования информации во всех сферах познания.

Однако подобный подход значительно осложняет возможность перевода художественного текста, так как в ином культурном пространстве используемые отсылки и внутренние связи с

культурными реалиями утрачиваются. Невозможность полного понимания текста может быть обусловлена не только культурным барьером, но также явлением, которое можно условно назвать устареванием гипертекстовых ссылок.

Немецкоязычные художественные тексты характеризуются на данный момент времени тяготением к широкому использованию отсылок к источникам, общим для всего западного ареала мировой цивилизации; это является моментом, в определенной мере облегчающим работу переводчика. Однако для носителей русского языка ситуация не столь однозначна, так как реалии евразийского ареала существенно отличаются от мировосприятия, распространенного на западном цивилизационном пространстве.

Существуют лишь две основные методики преодоления сложностей передачи гипертекстуального содержания в художественном тексте; одна из которых сводится к созданию нового гипертекстуального целого на основе существующих аналогий, в результате чего мы можем получить не оригинальный, но близкий к оригинальному авторский текст, адаптированный к иному культурному пространству. Однако то, что данный текст существенно отличается от оригинального, является серьезным недостатком. В сущности, при этом подходе мы можем говорить не о переводе, а о воссоздании аналога с иными культурными характеристиками.

Более распространенным способом является ликвидация изначальной гипертекстовости через вынесение сущностного контента ссылок в исходный текст. Это может быть достигнуто как путем пояснения и комментариев, так и через использование субститутивной описательности.

Следует подчеркнуть, что по мере нарастания использования гипертекстуальности в художественном тексте исконной авторской интенцией является в определенной мере интерактивная игра автора с читателями, на которых возлагается задача творческой деконструкции исконного содержания, расшифровки его в меру имеющегося опыта и накопленного багажа знаний о культурном пространстве, для которого данный текст актуален. Развитие гипертекста как способа ассоциативного представления информации произвело революцию в восприятии действительности. На основе гипертекста построен Интернет, ставший неотъемлемой частью информационного общества. Среди особенностей присущего Интернету способа организации информации выделяются следующие: а) активная позиция читателя и стирание границ между автором и читателем; б) способность гипертекста к постоянным обновлениям и изменениям; в) отсутствие традиционных начала и конца;

г) децентрализованность; д) демократичность (Дж. Ландау, Р.А. Лэнхэм, Дж.Д. Болтер и др.). При переводе подобных текстов основной задачей переводчика зачастую является не простое донесение как можно более полной информации, но прежде поддержание общей атмосферы и характера изначальной авторской интерактивной игры.

Литература

1. Чилингир Е. Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре : социокультурный аспект [Электронный ресурс] / Е. Ю. Чилингир. – Режим доступа : http://www.rosnou.ru/pub/01Alexandra/Newsmakers/gtiya/Chilingir_E_Yu.pdf.

Рубан В.П.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОММЕРЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

За последние десятилетия произошли значительные изменения в сфере политических и экономических международных отношений. На данный момент во всем мире замечается развитие сотрудничества в различных отраслях экономики, а также расширение международных связей как между государствами, так и между разноязычными обществами людей. При любой деятельности международного уровня необходимо наличие официального документа (договора, контракта, соглашения и т. д.), подтверждающего серьезность отношений сторон и определяющего их обязанности друг перед другом.

Одним из факторов эффективности такого рода деятельности является грамотно составленная и адекватно переведенная документация. В связи с этим стороны-партнеры нуждаются в профессионально выполненном переводе договоров и контрактов, представляющих собой самую обширную группу документов, применяемую во всех сферах жизни общества.

Термин «договор» в большинстве случаев расшифровывается комплексно как ‘соглашение, документ, фиксирующий это соглашение, и как возникающее обязательство’. Как вид документа «договор – это документ (описание соглашения), в котором взаимоотношения между подписавшими его сторонами регламентируются законодательством или прочими условиями, в нем предусмотренными» [2].

На данный момент параллельно с термином «договор» используется термин «контракт». Большой современный толковый словарь русского языка дает следующее определение термину «контракт»: ‘контракт – это договор (чаще письменный), определяющий взаимные права и обязанности договаривающихся сторон’ [1, с. 356].

Договоры и контракты по своему назначению и содержанию необычайно разнообразны, причем в условиях рынка их круг расширяется за счет применения новых договорных отношений. Несмотря на это, все договоры и контракты имеют общие черты, являясь жанром официально-делового стиля, а именно: логичность, безэмоциональность, традиционность, безличность, точность и четкость выражения мысли, отсутствие образности и субъективных оценок [3, с. 5].

Безусловно, что при переводе договоров и контрактов, как и других официальных документов, необходимо учитывать характерные черты официально-делового стиля в языке перевода и придерживаться определенных правил.

Лексические особенности договора и контракта достаточно обширны. Прежде всего, здесь можно отметить использование терминов и профессионализмов в соответствии с тематикой и содержанием документа. Так, например, в Договоре на экспорт товаров можно встретить следующие термины: *bill of lading* (коносамент (накладная); *invoice* (счёт-фактура); *clean on board bill of lading* (чистый коносамент); *wharfage* (портовая пошлина, причальные сборы) и т. д. Трудовой же договор может содержать такие термины, как: *off-budget funds* (внебюджетные фонды); *personal income tax* (налог на доходы физических лиц); *definitive payment* (окончательная выплата) и др.

Примечательно, что лексика довольно устойчива и не отличается экспрессивной окраской. Ввиду этого мы можем перечислить слова, фактически присутствующие в каждом договоре. *Whereas* (принимая во внимание) выражает любую мысль человека относительно того, как начинается договор. Нужно быть осторожным в использовании *whereas* и не путать это слово с *where as*.

Довольно часто в тексте контракта употребляется еще одно составное слово *whereby* (посредством чего), которое подразумевает *by which* (который) и относится к существующему контракту: *We have concluded the present contract whereby it is agreed as follows...* – Мы заключили существующий контракт, посредством чего это согласовано следующим образом...

Hereinafter (в дальнейшем) – очень необходимое слово в контракте, которое обозначает стороны партнеров и часто дает возможность использовать сокращенные названия для договаривающихся сторон:

Knightsbridge International Drapes, Ltd. hereinafter – the Buyer. – Компания «Knightsbridge International Drapes, Ltd», в дальнейшем – Покупатель.

Solely on condition that (Исключительно при условии, что) – это одна из тех фраз, которые можно использовать чаще, чем ее короткие копии: I will buy 1,000 barrels solely on condition that Baker delivers them. – Я куплю 1000 баррелей исключительно при условии, что Бейкр предоставит мне их.

Также, в «словаре» контрактов содержится множество латинских и французских слов и выражений, таких как: *null and void* (юридически недействительный, потерявший законную силу); *videlicet* (а именно); *mutatis mutandis* (с соответствующими поправками; с учетом необходимых изменений); *per annum* (ежегодно; в год); *force majeure* (форс-мажор); *en route* (по пути, по дороге, в пути); *en rapport* (в соответствии, в связи), *par excellence* (преимущественно, главным образом) и др.

Для договоров и контрактов типично использование сокращений и аббревиатур. Они применяются, главным образом, для обозначения наименований организаций, предприятий и их формы собственности, также терминов и профессионализмов: *TPE* (*Trade Partners Enterprise*); *ICC* (*International Chamber of Commerce – Международная торговая палата*); *IMF* (*International Monetary Fund – Международный валютный фонд*); *Ltd. (limited – с ограниченной ответственностью)*; *B/L, BOL* (*bill of lading – коносамент, транспортная накладная*); *WB* (*waybill – транспортная накладная*) и другие.

Еще одной важной составляющей контракта является частое применение стандартных выражений или клише. Прежде всего, в контрактах довольно часто обсуждаются денежные отношения сторон, а точнее платежи, расходы, компенсации и т. д. Этой цели в анализируемых контрактах служит, например, следующий ряд клише: *to the amount of* (на сумму); *payment in amount of* (платеж в размере); *to reimburse smb. for all costs and expenses* (возмещать кому-либо все затраты и расходы); *overdue payment* (просрочка платежа, просроченный платеж); *indemnify against loss* (гарантировать возмещение убытков) и ряд других.

Кроме того, существуют клише и стандартные выражения, с помощью которых вводятся такие обязательные пункты договоров, как обязательства, права и ответственность сторон: *to have the right, be entitled to* (иметь право); *to assign/transmit one's rights* (передавать свои права); *to perform/discharge/fulfill/comply with obligations* (исполнять обязательства); *to bear all the obligation* (нести обязательство).

Таким образом, перевод договоров и контрактов имеет целый ряд лексико-семантических особенностей, существующих как в оригинальных текстах договорной документации, так и в их переводах. Способность переводчика легко ориентироваться в специфике договора или контракта, а также умение правильно подобрать необходимый в том или ином случае эквивалент позволяют достичь максимально точного перевода.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – 1168 с.
2. Забродская С. А. Отдельные вопросы экономики для студентов и школьников. Договор (контракт) – понятие, структура, оформление. Учредительный договор / С. А. Забродская [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ekonomika-st.ru/drugie/delopr/delopr-10.html>.
3. Найденова Н. С. Банковская и финансовая документация / Н. С. Найденова. – М. : Высш. шк., 2010. – 180 с.

Санченко Е.Н.

*(ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)*

СПЕЦИФИКА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ТЕКСТА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

Несмотря на более столетний практический опыт по переводу фильмов и другой аудиовизуальной продукции, теоретическим и практическим обоснованием проблемы аудиовизуального перевода начали заниматься сравнительно недавно – во второй половине XX в. Значительного развития эта отрасль получила лишь в последние два десятилетия [1].

Комплексное изучение аудиовизуального произведения как особого типа кинотекста выявило его специфику, которая заключается в выборе таких языковых средств, которые обуславливают эффективность осуществления общей прагматической установки.

Кинотекст – это особый тип текста, который выступает как аудиовизуальный феномен; это комплексный сложный текст, созданный коллективно, ориентированный на формирование эмоционального состояния или на размышления, который имеет единственный многослойный план содержания, создается

вербальным и невербальным планами выражения, взаимоотношения и баланс смысловой нагрузки между которыми может изменяться в зависимости от целей, задач и художественного замысла коллектива авторов.

На структуру и содержание кинотекста влияют различные прагматические факторы (адресат, канал связи, контекст, рецептор и т. д.), а среди главных условий применения адаптации в переводе кинотекста есть доминантная прагматическая функция кинотекста; ориентация перевода кинотекста на стереотипы ожидания носителей языка-реципиента и культуры-реципиента; степень удаленности или близости контактирующих языков и культур, которая определяет наличие или отсутствие стереотипов ожидания прагматичного кинотекста.

Результаты обоснования теоретических предпосылок исследования показывают целесообразность использовать следующую классификацию видов перевода аудиовизуальных произведений: дубляж, субтитры, синхронный перевод, закадровый перевод.

Одним из распространенных в отечественном кинематографе видом перевода является закадровый перевод. Преимущество этого вида заключается в осуществлении полноценной межъязыковой эстетической коммуникации путем интерпретации кинотекста английского оригинала, которая реализуется в новом кинотексте уже на русском языке.

Закадровый перевод по репрезентации культурологической и эстетической функций выделяется среди других видов киноперевода тем, что при нем сохраняется оригинальный звукоряд, который дает возможность зрителю оценить эмоциональность фильма, а также разграничивать реплики разных героев и слышать оригинальный вариант речевых актов инокультуры.

Особенность закадрового перевода обусловлена способом презентации материала. Среди экстралингвистических особенностей выделяем технологию синхронизации текста перевода с оригиналом, несовпадение невербальных средств выражения в языках, проблему перевода фоновых диалогов. В лингвистическом аспекте исследуются лексические проблемы перевода реалий различного характера и проводится анализ лингвостилистических аспектов воспроизведения речевой характеристики персонажей.

Закадровый перевод фильма, цель которого заключается в осуществлении полноценной межъязыковой эстетической коммуникации путем интерпретации исходного текста и ее реализация в новом тексте, требует от переводчика особой виртуозности владения языком, знаний и опыта.

В рамках прагматической проблемы киноперевода находятся критерии качества результатов переводческого процесса: структурная простота, легкодоступность, приемлемость, целостность, функциональное соответствие, стилевое соответствие.

Исследование закадрового перевода кинотекстов англоязычных аудиовизуальных произведений на русский язык позволило выявить характерные особенности переводческого стиля: 1) ориентация на целевую аудиторию (рядового российского зрителя); 2) последовательность переводческой стратегии в стремлении создать близость к оригиналу кинотекста; 3) учет прагматических факторов во избежание недоразумений и неточностей, которые могут возникнуть в процессе киноперевода (национальная специфика и фоновые знания реципиента перевода, функциональная роль реалии; жанрово-стилистические особенности); 4) оправданное использование приемов прагматической адаптации; 5) наличие различий в русскоязычном кинотексте от английского оригинала, что обусловлено требованиями прагматической адаптации; 6) игнорирование некоторых стилистических особенностей кинотекста через непонимание переводчиками их эстетической роли для отечественной зрительской аудитории.

Необходимость прагматического аспекта при закадровом переводе обусловлена следующими факторами: 1) в значении слова в английском и русском языках часто выделяются разные признаки одного и того же явления или понятия, где отражено видение мира, присущее носителям данного языка, что может привести к неадекватному переводу; 2) наличие разницы в смысловом объеме слова, поскольку нет абсолютно одинаковых слов в исходном языке – английском – и языке перевода – русском. Для раскрытия русскоязычному зрителю всей имплицитной информации, которая содержится в англоязычном кинотексте, прагматичные трансформации должны быть направлены на культуру-рецептор.

Литература

1. Филиппов С. А. Киноязык и история: кратк. история кинематографа и киноискусства / С. А. Филиппов. – М. : Клуб «Альма Анима», 2006. – 207 с.

СИНДРОМ ЗОЛУШКИ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Из сказочных сюжетов, которые чаще всего используют в литературе, драматургии, кино, на телевидении, сюжет «Золушки» один из самых часто упоминаемых. История хорошей, скромной, доброй, милой, трудолюбивой девушки, над которой издевались и не ценили окружающие, но которую чудесная фея превратила в королеву бала, и ей достался прекрасный принц и счастливая жизнь, с различными вариациями растрогана миллионы раз.

Автор начального варианта всемирно известной и любимой сказки остается неизвестным; самыми популярными пересказами считаются «Золушка» Шарля Перро (1697 г.) и «Золушка» братьев Гримм (1812 г.).

Первый русский перевод «Золушки» увидел свет в 1768 году (в «Сказках о волшебниках», сборнике из восьми сказок Шарля Перро). Книга была предназначена для высшего общества (переводчик Лев Воинов посвятил ее Нарышкиной, фрейлине при королевском дворе), она стала популярной и была перепечатана несколько раз [1, с. 591]. Этот и последующие переводы были очень близки к оригиналу, за исключением имени героини. Также на русский язык сказку перевел И.С. Тургенев (1866 г.). Перевод был опубликован в составе «Волшебных сказок Шарля Перро» в 1866 году. Тургенев назвал сказку «Замарашка», но она, тем не менее, известна как «Золушка» [2].

Прецедентное имя «Золушка» стало известным и в психологии. Считается, что социальное явление, основанное на традиционных гендерных ролях, привело к так называемому синдрому Золушки, т. е. психологической необходимости найти очаровательного принца, чтобы выбраться из мучительной жизни и стать счастливой благодаря его любви.

В 1955 году термин «комплекс Золушка» использует британская писательница Агата Кристи в детективной повести «Хикори Дикори Док» (“Hickory Dickory Dock”), герой которой, студент-психиатр, Колин МакНабб, диагностирует его у девушки, с которой он обручен.

Считается, что нью-йоркский терапевт Коллетт Доулинг стала первым психологом, использовавшим термин «синдром Золушки» в своей одноименной книге, которая вышла в 70-е годы прошлого столетия. В своём бестселлере К. Доулинг обрисовывает в общих чертах симптомы синдрома и некоторые пути, помогающие женщине

научиться побеждать страх быть самой собой. Исследовательница доказывает, что коренной причиной проблемы являются зависимость, низкая самооценка, чрезмерная защита родителей, боязнь покинуть зону комфорта, идеализация пары.

В книге приводятся исследования женской речи и языковых моделей. Например, наблюдения профессора лингвистики из Калифорнийского университета в Беркли, который заявил, что частое использование «пустых» прилагательных («изумительный», «божественный», «потрясающий») имеет мало смысла и из-за этого женская речь обычно не воспринимается всерьез [2].

Синдром Золушки на постсоветском пространстве массово стал проявляться в 90-е годы, когда девушки стали искать «принцев» из более обеспеченных слоев общества.

«Жить долго и счастливо» (“Live happily ever after”) в современном мире оказывается сложнее, чем предполагают сказки. Классическая Золушка – это девушка/женщина, которая нашла мужчину, который тратит на неё деньги (англ. *blessor, sugar daddy*; рус. *спонсор, папик*).

Психология предусматривает лечение синдрома Золушки, которое обычно включает в себя терапию для повышения самооценки и решения проблем зависимости. В западных странах проводятся сеансы групповой терапии. Считается, что это позволяет видеть свои проблемы со стороны и более реалистично. Однако в жизни не все стремятся избавиться от этой зависимости, подменяя сказочные сюжеты материальной выгодой.

Итак, синдром Золушки – довольно распространенное явление, которое все чаще встречается в наши дни. Синдром Золушки – это отсутствие у женщин независимости; финансовая, эмоциональная, физическая зависимость от мужчин. В основе синдрома лежит убеждение в том, что женщины не могут быть независимыми, но должны быть спасены внешней силой, т. е. мужчиной.

Литература

1. Власов С. В. К истории переводов названия сказки “Cendrillon” и других названий сказок Ш. Перро из сборника «Сказки матушки Гусыни» / С. В. Власов // Древняя и Новая Романия. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 591-607.
2. Перро Ш. Замарашка [Электронный ресурс] / Ш. Перро (перевод И. Тургенева). – Режим доступа : http://az.lib.ru/p/perro_s/text_06_cendrillon_turgenev.shtml.
3. The Cinderella Syndrome [Электронный ресурс] / Режим доступа : <https://www.nytimes.com/1981/03/22/magazine/the-cinderella-syndrome.html>.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ АВТОРСКОГО СТИЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на примере произведений Роальда Даля)

Каждое художественное произведение отражает в себе своего автора, демонстрируя его уникальный и неповторимый стиль. Именно авторские методы и приёмы делают произведение индивидуальным и отличают его от других работ литературного жанра. Перед переводчиком, работающим в области художественного перевода, помимо традиционных профессиональных задач, встаёт ещё одна непростая задача – сохранить авторский стиль, сделать литературное произведение узнаваемым для читателя, даже если он, читатель, знакомится с произведением в переводе.

Таким образом, одним из актуальных направлений переводоведческих поисков является исследование роли переводчика в процессе перевода художественного произведения и вопросов сохранения индивидуального авторского стиля писателя.

Наша работа посвящена особенностям авторского стиля Роальда Даля и способам перевода его оригинальных авторских инноваций, не имеющих аналогов в русском языке.

Анализ лингвистической литературы свидетельствует о том, что в данном направлении работают многие исследователи, однако окончательное решение данного вопроса ещё не найдено. Сегодня существует множество определений идиостиля, в зависимости от области научного знания, в которой работает учёный.

Так, А.И. Ефимов [1, с. 29] определяет идиостиль как «индивидуальную систему построения речевых средств, которая вырабатывается и применяется писателем при создании художественных произведений».

С точки зрения Н.Н. Грибовой [2, с. 7], идиостиль – это «система языковых средств, подчинённых эстетическим и коммуникативным задачам художественного произведения, посредством которых создаётся индивидуально-авторская картина мира».

В психологических и психолингвистических исследованиях термин «идиостиль» встречается в работах, анализирующих письменную и/или устную речь человека. Объясняется это тем, что личностные характеристики, так или иначе, отражаются в каждом коммуникативном акте человека. Особое значение результаты таких исследований приобретают в отношении исследований роли переводчика в процессе работы с

художественным произведением, работы, требующей от него творческих проявлений и переживаний.

Роальд Даль украшает и делает свои произведения особенными посредством употребления большого количества образных средств: метафор, идиом, фразеологических словосочетаний и т. д. Однако, наряду с традиционным способом введения в текст образных средств, автор изменяет их по собственному усмотрению: убирает лишние, как ему кажется, буквы; экспериментирует со словами, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному; придумывает несуществующие до сих пор наименования.

Проведенное нами исследование на материале сказки «Чарли и шоколадная фабрика» (1964) позволило нам выделить некоторые индивидуальные особенности авторского стиля Р. Даля. Например: использование различных способов словопостроения, например лексической контаминации (*delumptious* («*восклубнительно*»), построенное на основе сложения *delicious* и *scrumptious*; *catasterous* или *disastrophie* («*ужастропофа*»), построенные на основе сложения слов *disaster* и *catastrophe*); изменение структуры идиоматических выражений (*skin and groans* вместо *skin and bone*; *cross your figglers* вместо *cross your fingers*; *save our solos* вместо *save our soles*); использование идиоматических выражений со сниженным, жаргонным значением (*oh, my sainted aunt, good heavens, holy mackerel, drunk as lords, by golly, wear old fish*).

Как видно из приведенных выше примеров, тексты сказок Роальда Даля насыщены сложно переводимыми лексическими единицами. Мы проанализировали несколько опубликованных переводов сказки «Чарли и шоколадная фабрика» в поисках русских соответствий подобной авторской лексики. Ниже приведены некоторые примеры таких соответствий:

– Необычная сладость: *mint jujubes for boy next door – they'll give him green teeth for a month* [3, с. 72]. Переводы: *мятное желе, от которого у злых мальчишек целый месяц болят зубы* (С. Кибирский и Н. Матреницкая); *мятное желе для соседа – одна порция на месяц окрашивает зубы в зеленый цвет* (Е. и М. Барон); *мятные коврижки для соседского мальчишки; гарантированная оскомина на целый месяц* (М. Фрейдкин); *леденцы с зубной зеленкой – для соседей* (С. Кладо).

– Оригинальное изобретение Вилли Вонки: *square sweets that look round* [3, с. 64]. Переводы: *квадратные конфеты-гляделки* (С. Кибирский и Н. Матреницкая); *улыбающиеся конфеты* (Е. и М. Барон); *квадратные конфеты, которые покосились* (М. Фрейдкин); *круглые квадратные конфеты* (С. Кладо).

В заключение отметим, что перевод художественной литературы в некотором смысле является искусством и по праву считается

вершиной переводческого мастерства. А умение сохранить авторский стиль в процессе перевода произведения, при этом, оказывается одной из сложных ступеней, ведущих к этой вершине.

Литература

1. Ефимов А. И. Стилистика русского языка / А. И. Фомин. – «Просвещение», 1969. – 260 с.
2. Грибова Н. Н. Реализация концепта «искусство» как проявление идиостиля писателя (на материале произведений Э. Т. А. Гофмана и М. А. Булгакова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Грибова. – Саратов, 2010. – 26 с.
3. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory / R. Dahl. – England : Knopf, 1973. – 162 p.

Соболева И.А.

*(ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Современный период развития методики преподавания языков характеризует обостренный интерес к проблеме «*национальная культура в обучении языкам*», к обучению языку не только как средству общения, познания мира, но и средству приобщения к национальной культуре, к культураносной (кумулятивной) функции языка. Культурный компонент в преподавании русского языка как иностранного становится одним из важнейших средств развития духовного мира человека, приобщения его к другому национальному самосознанию, в конечном счете – русской языковой личности.

Формирование культуроведческой компетенции при изучении какого-либо иностранного языка позволяет получить языковые знания не изолированно от внешнего мира, а изучать русский язык как своеобразную сокровищницу ценностей русского народа, его опыта и мудрости, как составной части его национальной культуры. Сказанное определяет важность, значимость элективного курса «Русский язык и культура» в системе гуманитарного профильного образования.

Предлагаемый курс в силу своей специфики может дать целостное освещение проблемы «*язык и культура*», преодолев фрагментарность и определенную бессистемность реализации культуроведческого аспекта в базовом курсе.

Содержание и структура лингвокультурного подхода разработаны на основе лингвострановедческой концепции изучения и преподавания языка Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, исследований конца XX века в области лингвокультурологии.

Язык и культура неразрывно связаны: язык – национальная форма выражения и воплощения культуры; язык – основная форма хранения знаний о культуре русского народа и средство их познания.

Язык и отдельные его единицы обладают способностью отражать, фиксировать и сохранять определенную культурную и историческую информацию. Именно благодаря этой кумулятивной функции язык может быть эффективным средством приобщения студентов к материальной и духовной культуре русского народа, к его истории, обычаям и традициям [2, с. 3].

В.Н. Телия считает: «Оязыковленная и всегда культууроукрашенная картина мира воздействует на человека, формируя его языковое сознание, а вместе с ним и культурунациональное самосознание», «...язык участвует в формировании менталитета этноса, народа, нации» [7, с. 47].

Лингвокультурологический подход реализует два базовых направления.

Первый путь – это изучение русского языка в контексте русской культуры, познание, постижение русской культуры, отраженной в языке. Формирование контекста русской культуры осуществляется путем включения сведений о русском языке как средстве выражения национальной культуры народа, об особенностях русского языка, его самобытности, своеобразии, эстетической ценности. Это представление русских слов-реалий, называющих характерные детали русского быта, фольклора, истории, стереотипов русского речевого поведения, включая речевой этикет. Наконец, это широкое использование текстов, в целом воссоздающих национально-культурный фон России [1, с. 5].

Второй путь представления знаний – познание культуры русского народа в диалоге культур. Диалог – это беседа, взаимный разговор. В диалоге культур «встречаются» русская культура и культура других народов; каждая культура открывает свои новые стороны и в то же время демонстрирует то общее, что объединяет культуры разных народов и людей, говорящих на разных языках.

Как известно, реальностью наших дней становится поликультурное образование, ориентированное на культуру многих народов. Все больше людей овладевают иностранными языками, часто не одним, в результате этого они приобщаются не только к русской, родной культуре, но и к культуре других народов [8].

Педагогической задачей становится приобщение к национальной культуре, воспитание толерантности, понимания студентами

национально-культурных различий. Диалог культур в преподавании русского языка может явиться важным средством осознания молодыми людьми многообразия духовного и материального мира, признания и понимания ими ценностей другой культуры, средством формирования умения жить и общаться в многонациональной стране.

Выделение охарактеризованных взаимосвязанных двух направлений (язык в контексте культуры и диалог культур) в определенной мере условно. Оно не отражает всей сложности представления учебного материала.

Организирующим началом раскрытия проблемы «язык и культура» является русская языковая картина мира, на фоне которой осуществляется изучение языка и культуры.

Многообразие этно- и социолингвистических условий функционирования русского языка, его территориальное варьирование, национально-культурные запросы конкретного региона определяют необходимость представления в программе обучения вариативного регионально-культурного компонента. Например, интерес для изучения представляют топонимистические и ономимистические названия края, города.

В результате изучения элективного курса «*Лингвокультурология*» студенты (аспиранты, магистранты) должны:

1. Осознать русскую языковую картину мира, особенности русского языка, его своеобразие, уникальность;
2. Уяснить кумулятивную функцию языка;
3. Усвоить понятия: «языковая картина мира», «денотативное, коннотативное значения слова», «фоновые слова», «диалог культур», «концепт», «менталитет» и др.;
4. Уметь выявлять в тексте национально-маркированные единицы языка, осуществлять их лингвокультурное комментирование и интерпретацию;
5. Адекватно воспринимать национально-маркированные единицы языка и употреблять их в речи;
6. Уметь сопоставлять факты русского, иностранного и родного языка;
7. Владеть умениями и навыками межкультурного общения;
8. Владеть общеучебными навыками информационной переработки текста (составлять конспект, правильно записывать лекцию, писать рецензии, аннотации, делать сообщения, участвовать в дискуссии).

В конечном счете, диалог культур – один из путей осознания своей ментальности, в которой отражены смыслы и ценности личности, мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные

и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

Литература

1. Быстрова Е. А. Диалог культур на уроках русского языка / Е. А. Быстрова. – СПб. : Просвещение, 2002. – 144 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 1990. – 1040 с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
5. Гудков Д. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
6. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М. : Наука, 1996. – 314 с.
7. Телия В. Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В. Н. Телия // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 288–317.
8. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира / А. Д. Шмелёв. – М. : Наука, 2002. – 224 с.

Солопова Л.Е.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ПЕРЕФРАЗИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА (на материале немецкой сказки)

Первостепенной задачей переводчика является дифференциация значения единиц исходного языка и нахождение для них контекстуального соответствия в языке перевода. В подобных случаях и когда какая-нибудь часть высказывания не поддается прямому переводу, переводчик прибегает к приему перефразирования. Перефразирование представляет собой «продукт лингвокреативной деятельности человека в процессе переосмысления им предмета или явления окружающего мира» [2].

Прием перефразирования, т. е. умение выразить одно и то же содержание посредством разных лексико-грамматических средств, не связан с буквальным переводом, а относится к категории вольного

переложения в переводе. По мнению немецкого лингвиста О. Каде, при использовании парафразы происходит не перекодирование, а свободное кодирование, потому между парафразой и оригиналом отсутствует закономерное соответствие [1].

Но в частных случаях перефразирование может быть обусловлено лингвистически и культурологически в силу расхождений языковых систем, из-за интенции к снятию трудностей восприятия инокультурного замысла в переводе. Межъязыковое перефразирование широко применяется в переводе всех типов и многих стилистических жанров, однако самой благодатной нивой для ростков переводческих парафраз выступает художественный перевод. В данном переводе перефразирование может по праву оказаться весьма эффективным переводческим решением.

В качестве материала исследования нами выбрана сказка братьев Гримм «Бременские уличные музыканты» с параллельным переводом под редакцией Н.П. Полевого. Необходимо отметить, что авторские сказки ориентированы на образное отображение окружающего мира, на предоставление интеллектуальной и эмоциональной информации, а главное, на эстетическое воздействие на читателя. Максимально адекватный перевод достижим при использовании парафраз и разных стилистических приемов: сравнений, метафор, эпитетов, авторских фонетических, лексических и синтаксических повторов, игры слов, фразеологических оборотов и т. д.

Обратимся к примерам: *Da dachte der Herr daran, ihn wegzugehen.* – *Хозяин стал соображать, как бы его с корму долой сбить.* При переводе глагол *wegzugehen* был перефразирован и переведен фразеологизмом *с корму долой сбить*.

... *die machte ein Gesicht wie drei Tage Regenwetter.* – ... *сидит хмурый такой, пасмурный.* Идиома *wie drei Tage Regenwetter* лишена в переводе эмоциональной образности и переведена нейтрально *хмурый, пасмурный*.

Du schreist einem durch Mark und Bein. – *Чего ты это орешь во всю глотку так, что за ушами трещит?* Устойчивое выражение *durch Mark und Bein* в переводе приобрело другую синонимичную форму с сохранением смысла.

Da вот я предсказал на завтра хорошую погоду, – сказал петух, – потому что завтра Богородицын день. В немецком варианте эта ремарка отсутствует, переводчик применил развертывание структуры (добавление элементов).

Nun setzten sich die vier Gesellen an den Tisch, und jeder aß nach Herzenslust von den Speisen, die ihm am besten schmeckten. – *Тут уселись наши четверо приятелей за стол, принялись за остатки ужина и так наелись, как будто им предстояло голодать недели с три.* Прием перефразирования применен при передаче смысла выражения *nach*

Herzenslust. В целевом переводе имеет место быть преобразование структуры с добавлением более яркой стилистической окраски *как будто им предстояло голодать недели с три*.

Ach, in dem Haus sitzt eine gräuliche Hexe ... – В доме там поселилась страшная ведьма! Переводчик делает локализацию с синонимической заменой, сохраняя всю структуру предложения.

Кто их там видал, тот мне о них рассказывал, а я ему удружил – эту сказку сложил. Это предложение добавлено переводчиком в целевом переводе для культурной адаптации текста. Ведь подобные фразы часто завершают русские сказки. Благодаря этому приему идет успешная адаптация перевода к русской лингвокультуре.

Таким образом, переводческое перефразирование с использованием соответствующих языковых структур и образных средств наиболее эффективно способствует культурной адаптации текста оригинала, потому как они фиксируют и передают общественно значимые сведения о менталитете и культуре народа из поколения в поколение.

Литература

1. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 69-90.
2. Поддубнова А. А. Перефразирование как инструмент эффективной переводческой адаптации [Электронный ресурс] / А. А. Поддубнова // Сб. статей «Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода». – Режим доступа : <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2012/poddubnova.html>.

Стецкова Е.И.

(ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ОБХОДА ИНТЕРНЕТ-ЦЕНЗУРЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Сфера Интернета в настоящее время становится неотъемлемой частью жизни каждого человека, следовательно, изучение специфики Интернет-пространства Китая и, в частности, воздействия цензуры на деятельность обычных граждан в сети Интернет помогает формировать лингвострановедческую компетенцию специалистов в сфере перевода с китайского языка. Доказательством этого является

то, что на современном этапе развития сфера Интернета является отражением социальной и политической жизни государства и всего народа в целом [4].

Стоит также подчеркнуть важность изучения и исследования Интернет-лексики, которая стала выходить за рамки виртуального пространства и всё активнее влияет во все области общественной жизни, влияя на повседневную речь простых граждан, политиков и представителей СМИ. Из чего можно сформулировать мысль, что умение вычленив в тексте единицы Интернет-лексики, а также знание их значения и умение найти подходящие эквиваленты в языке перевода являются необходимыми в работе современного переводчика.

Развитие методов обхода цензуры не стоит на месте, что делает актуальным более обширное изучение данной сферы в аспекте деятельности переводчика. На сегодняшний день происходит активное проникновение различных культур во все сферы коммунистического общества Китая, осуществляется международный взаимообмен в области информационных технологий и налаживается тесный контакт с другими государствами. Вследствие чего, пользователи сети Интернет в консервативной КНР, несмотря на строгую цензуру, продолжают активно развивать методы избегания фильтрации данных в Интернете, стремясь свободно использовать все возможности, предоставляемые сетью Интернет, тем самым борясь с ограничением свободы слова государством [1].

Китайский язык предоставляет уникальную возможность использовать ряд лингвистических методов, путем применения которых возможно избежать блокировки, фильтрации или, даже, сканирования. Через игру слов и омофоны пользователи сети имеют возможность обойти цензуру, скрыть неприятные высказывания и критику в адрес руководства страны, чтобы выразить мнение по актуальной проблеме, не привлекая внимания и не будучи обнаруженным с помощью более точного программного обеспечения.

Примером подобного способа обхода цензуры, который при первой встрече может привести переводчика в замешательство, является жаргонное выражение «лошадь иллюзии» (кит.упр: 欺实马; пиньинь: qīshí mǎ), которое пользователи китайского сегмента Интернет-сети используют для высмеивания расширяющегося влияния Интернет-цензуры. На китайском языке это выражение звучит так же, как фраза «70 км/ч» (кит.упр: 七十码; пиньинь: qīshí mǎ). Предыстория появления данного выражения такова: речь идет о несчастном случае, в котором сын богатого человека, управляя автомобилем, сбил пешехода. Полиция утверждает, что

водитель двигался со скоростью 70 км/ч, несмотря на утверждения очевидцев о том, что машина двигалась намного быстрее. После этого «*лошадь иллюзии*» становится фразой, которая используется для характеристики фактов, подвергшихся искажениям со стороны официальных властей.

Помимо создания мифических онлайн-животных, которые активно вошли в обиход китайского общества, широко известным способом обхода цензуры является также использование выражений из диалектов. Например, распространенным является использование варианта слова «*ду чай*» (кит.упр: 毒豺; пиньинь: dúchái) из мандаринского диалекта вместо слова «диктатура», которое в обычном своем варианте чтения в путунхуа звучит как «*ду цай*» (кит.упр: 独裁; пиньинь: dúcái). К употреблению этого слова очень чувствительно относятся в китайском обществе, в том числе – в правительственных структурах, и оно часто подвергается цензуре в комментариях [3].

Перевод подобных семантических структур может вызвать затруднения даже у опытного переводчика, так как, с каждым днём, в ходе борьбы с цензурой в китайском сегменте сети Интернет появляются новые единицы с новым значением, а позже, распространяются и в другие сферы общественной жизни. Более того, передача их в переводе без значительных потерь не является возможной, потому вопрос стратегий перевода лексических единиц такого типа является важной частью подготовки специалистов, работающих с медиатекстом и сетевыми источниками.

Литература

1. Асфандиаров Б. М. Правовое регулирование использования Интернета в КНР и Вьетнаме / Б. М. Асфандиаров // Современное право. – 2005. – № 8. – С. 73-75.
2. Интернет в Китае. Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 13.01.2010. – Режим доступа : <http://www.ria.ru/world/20100113/204310750.html>.
3. Мажаров И. Интернет в Китае [Электронный ресурс] / И. Мажаров. – Режим доступа : <http://abirus.ru/content/564/581/582/591.html>.
4. Положение Интернета в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2011-02/01/content_21857458.html.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Неологизм – функциональное новообразование, которое служит определенной информационной или коммуникативной цели. Языковой неологизм, который отвечает на запрос нового жизненного явления и называет его, может быть определен как номинативный. К ним относятся исторические, политические, научно-технические и другие номинации, например, *blogject*, *godcasting*, *hyper-documentation*, *lifestream* и тому подобное.

В развитых языках количество неологизмов, зафиксированных в газетах и журналах в течение одного года, составляет десятки тысяч. Это обусловлено социальной потребностью в именовании всего нового и в его осмыслении, внутриязыковыми факторами – тенденциями к экономии, унификации, системности языковых средств, этимологией, задачами экспрессивно-эмоциональной стилистической выразительности.

Необходимо отметить, что слово находится в состоянии неологизма очень непродолжительное время. Как только слово начинает активно использоваться, оно теряет признак новизны, то есть постепенно входит в лексическую систему языка как общепотребительное.

В сфере неологии существует много нерешенных вопросов, как в теоретическом, так и в практическом плане. Большинство авторитетных в этой сфере специалистов признают наиболее актуальными следующие направления исследования:

- проблемы отнесения новообразования и неологизма, как долго слово должно употребляться в языке, чтобы считаться неологизмом и попасть в словарь;

- определение связи между окказионализмом (то есть словом, употребленным необычно, случайно). Элемент «окказиональности» еще более усиливается в тех случаях, когда неологизмом является новое слово из сферы сленга, то есть из той области языка, которая вообще характеризуется большой изменчивостью, а также авторским использованием лексической единицы;

- необходимость создания особых словарных статей, которые позволяют маркировать неологизмы, так как существующая система чрезвычайно неудобна и не учитывает социальной дифференциации языка, отсюда – нечеткость в стилистической характеристике неологизмов, а потому и в вопросе об отнесении к неологизмам

сленговых единиц, профессионализмов, терминов и других слоев лексики [3, с. 124].

Следует отметить отсутствие единообразия в трактовке термина «неологизм» в работах различных лингвистов. В.В. Лопатин дает следующее определение: «Новые слова, которые закрепляются в языке, называются неологизмами (от греческих слов *neos* – «новый» и *logos* – «слово»)), то есть слова или словосочетания, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованы один раз («окаzionaliальные» слова) в определенном тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам является свойством относительным и историческим [1, с. 524].

В диссертации Ю.К. Волошина указано: «При анализе определений понятия «неологизм» различными исследователями становятся очевидными две точки зрения, которые заключаются в том, что термин «неологизм» применяется как к словам, появившимся в языке для обозначения новых понятий (Ю.К. Волошин, И.В. Арнольд, Ю.С. Ахманова), так и к словам, которые по-новому обозначают уже существующие понятия, и к словам, которые приобретают новое значение (И. Гальперин, Н.Г. Алексенко)» [4, с. 56].

Существование различных определений основной единицы неологии – неологизма – обуславливает существование различных направлений изучения этого явления: структурно-семантического, социолингвистического, психолингвистического, структурного, когнитивного, денотативного и т. д.

Основная цель работ структурно-семантического направления заключается в описании новых фактов языка и речи, их структурно-семантической характеристики, определении способов образования и особенностей применения, в классификации новообразований, в выявлении места неологизмов в системе языка, в определении того влияния, которое они имеют в языке.

В рамках социолингвистического направления рассматривают вопросы развития лексической подсистемы языка, обусловленные влиянием социально-экономических и политических преобразований, происходящих в обществе.

Когнитивное направление в неологии находится на стадии становления. Лингвисты этой сферы пытаются проанализировать структуры знаний, которые скрываются за неологизмами, и их влияние на языковую и концептуальную картины мира современного носителя языка.

Психолингвистическая теория неологии пытается представить неологизм как динамическое (процессуальное) явление, связанное с мышлением и когнитивной деятельностью отдельного носителя языка.

Когнитивные и психолингвистические исследования неологизмов характеризуются динамичным подходом к проблемам неологии, который предполагает анализ причинно-следственных связей, отношений и причин активности определенных участков языковой системы в определенный момент развития [2, с. 13-16].

Многоаспектность исследования неологизмов обеспечивает их достаточно полный и глубокий анализ. Необходимо отметить основные характерные свойства этой категории единиц лексической системы языка.

Неологизмы – новые слова, созданные актом номинации, закрепляются в языке, могут появляться для обозначения новых понятий или для обозначения по-новому уже существующих понятий. К числу неологизмов могут быть отнесены совершенно новые и по форме, и по содержанию лексемы (результат образования корневого элемента в самом языке как следствие заимствования), или это могут быть слова, образованные из имеющихся компонентов, или, наконец, это могут быть слова, которые развили новые значения.

Границы этой категории слов исторически подвижны. Темпы пополнения лексической системы языка неологизмами определяются, прежде всего, социальными факторами – насыщенностью определенного исторического периода общественными событиями, темпами развития науки, техники, культуры и политики.

Литература

1. Лопатин В. В. Рождение слова / В. В. Лопатин // Русский орфографический словарь. – 2-е изд. – М., 1973. – 960 с.
2. Попова Т. В. Русская неология и неография : учеб. электр. текст. издание / Т. В. Попова. – Екатеринбург, 2015. – 96 с.
3. Скрыльник Н. А. Словообразовательные модели неологизмов в современном английском языке / Н. А. Скрыльник. – Кривой Рог, 2012. – 193 с.
4. Ягудена А. Р. Социоллингвистический аспект в изучении новой лексики / А. Р. Ягудена. – Ростов-на-Дону, 2013. – 41 с.

КОМБИНАТОРИКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЗАДАЧ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Современный этап общественного развития свидетельствует о динамичном росте числа международных контактов, что находит свое отражение во взаимопроникновении полярных лингвокультур. Данный феномен, в свою очередь, способствует наведению мостов между представителями разных культурных общностей. Так, в условиях современного межкультурного и межъязыкового взаимодействия перевод произведений художественной литературы не теряет своей актуальности, так как текст художественного произведения может быть типологически противопоставлен всем текстам нехудожественного характера, – это обуславливается необходимостью сохранения художественно-эстетического своеобразия оригинала при переводе и обеспечения художественного воздействия на читателя, которое бы соответствовало замыслу автора художественного произведения. В современном переводоведении назрела необходимость разработки теоретического аппарата и коммуникативно-прагматического инструментария для осуществления более углубленного анализа и интерпретации художественного произведения, с максимально полным сохранением замысла автора и культурного своеобразия. Произведения художественной литературы, прежде всего, направлены на читателя, принадлежащего к той же лингвокультурной общности, что и автор. Однако, развитие международных контактов влечет за собой и большой обмен произведениями художественной литературы, вследствие чего возникает необходимость в квалифицированных переводчиках, которые могли бы, вооружившись богатым запасом фоновых знаний и учитывая инокультурный субстрат, балансировать на стыке двух полярных культур, при этом никак не обнаруживая своего культурного «я». Известно, что художественный перевод нацелен на обеспечение непрерывности литературно-художественной коммуникации в современной многоязычной и многокультурной реальности. Воспроизведение вербально-художественного содержания оригинала в инокультурной лингвоэтнической среде – основная задача художественного перевода. Художественный перевод можно определить как эстетически обусловленное и ориентированное на авторскую стилистику перевыражение вербально-художественной

информации оригинала, позволяющее донести до иноязычного и инокультурного читателя глубинный смысл произведения и индивидуальность авторской манеры. Глубинный смысл художественного текста выявляется на основе интерпретации фактуальной, концептуальной и эстетической составляющей вербально-художественного информационного комплекса. Все виды вербально-художественной информации имеют отношение к авторской концепции мира и создают своеобразие художественного произведения. Переводчик стремится донести до получателя вторичного текста авторское мировидение, но специфичность вербально-художественной организации текста в переводе зависит также и от особенности переводческого видения оригинала, а также от умения переводчика объективно адаптировать оригинал к новым лингвоэтническим условиям его восприятия. Как правило, между оригиналом и переводом всегда сохраняется определенная культурная дистанция. Переводчик призван адаптировать оригинал для представителей принимающей культуры так, чтобы чтение не осложнялось культурным разгадыванием культурно-маркированных элементов. Умение переводчика выстраивать правильные прагматические модели переводческих трансформаций, основанные на концептуальном анализе, интеллектуально-чувственном восприятии оригинала позволяет скоординировать полярные картины мира и обеспечить требования пертинентности. Под трансформациями в данном контексте мы понимаем прагматически обусловленные преобразования вербально-художественной информации оригинала в переводе, а не конкретные разновидности межъязыковых лексико-грамматических трансформаций. Целью трансформаций является обеспечение максимально аналогичного воздействия вторичного художественного текста на инофонного и инокультурного читателя [2, с. 19]. Вербально-художественная информация оригинала в процессе перевода вовлекается в активный процесс изменения и переработки. Трансформируя вербальное, переводчик тем самым трансформирует культурное в самом широком смысле данного понятия. Это единственная абсолютная реальность художественного перевода и ключевой вопрос для понимания его сущности. Нахождение эмпирических эквивалентов при переводе способствует отражению ценностных установок и мотивов художественного перевода. Эмпирический эквивалент – конкретный вариант перевода на уровне отдельного сегмента текста, который подразумевает не только общность, но и гетерогенность оригинала и перевода. В этой связи, считаем необходимым отметить медиативную функцию как составляющую основу посреднической деятельности перевода и определяющую специфику интерпретации вербально-художественной информации и характер

моделирования перевода с учетом иноязычного и инокультурного читателя. Медиация – культурологический феномен, связанный со становлением промежуточных смыслов в процессе двуязычной коммуникации и с динамичным взаимодействием смысловых полюсов в полярных сознаниях.

Таким образом, именно на правильно подобранной переводческой стратегии или системе стратегий основывается переводческая реконструкция вербально-художественной информации. Реализуя стратегию определенного типа, переводчик прибегает к художественному акцентированию определенных аспектов формы и содержания оригинала в их единстве для достижения именно того коммуникативного эффекта на читателя, которое заложено в тексте его создателем.

Литература

1. Макарова Л. С. Коммуникативно-прагматические аспекты художественного перевода : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Людмила Сергеевна Макарова. – М. : РГБ, 2006. – 367 с.

Туленинова Л.В.

*(ГОУ ВПО «Луганский государственный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)*

ПЕРЕВОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЛЕНГА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Потребность в нахождении адекватных методов перевода сниженной лексики возрастает с расширением области межкультурной коммуникации и появлением в ней новых форм профессионального сотрудничества, а также культурного обмена.

Исследование механизмов образования сниженной лексики, ее функций в сфере профессиональной коммуникации с применением при этом лингвокогнитивного подхода (Ч. Филлмор, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Л. Талми и др.), акцентирующегося на двух ключевых тенденциях исследования: логическом («от смысла к языку») и семантико-когнитивном («от языка к смыслу»), на наш взгляд, позволяет изучить истоки появления сленга, объяснить его лингвокультурные особенности и подобрать наиболее подходящие способы перевода.

Уже в самом определении сленга как «совокупности жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету

речи» [3], содержится указание на функциональную нагрузку сленга, которая является полностью противоположной функционально-стилистическим особенностям профессиональной терминологии. Данные особенности должны быть учтены в процессе выбора адекватной модели перевода.

К основным функциям сленговой лексики относят коммуникативную, когнитивную, номинативную, экспрессивную, мировоззренческую, эзотерическую (конспиративную), идентификационную (сигнальную), функцию экономии времени (языковой экономии) [2, с. 2], а также эстетическую, фатическую и контролирующие функции [1, с. 107; 4, с. 140]. Действительно, проведенное нами изучение функциональных особенностей использования сленговых единиц в коммуникации как англоязычного, так и русскоязычного медицинского персонала выявило все указанные выше функции.

Несмотря на схожесть функций профессионального сленга, стилистические средства, служащие их осуществлению в разных языках, могут быть не идентичны, что обусловлено социокультурными различиями. Так, для осуществления ряда функций и в русском, и в английском языке средства образования сниженных языковых единиц совпадают: эзотерической функции служат эвфемизмы, функцию экономии времени поддерживают чаще всего аббревиатуры, и в большинстве случаев при переводе удастся подобрать соответствующий эквивалент. Однако, попытки передачи при переводе, к примеру, экспрессивной функции сленга потребуют особого внимания к культурологически обусловленным коннотациям.

Выявлено также то, что для осуществления сигнальной функции медицинского сленга и в русском, и в английском языке имеется ряд готовых эквивалентов (и анестезиолог, и уролог в обеих лингвокультурах могут номинироваться жаргонизмами: *gasser/gas passer* – *анестезавр* и *plumber/Cock Doc* – *членовредитель*, соответственно). Тем не менее, различие метафорических модификаций в семантике данных языковых единиц может привести при их использовании в переводе к искажению смысла, поэтому потребуются более тщательное изучение и сравнение метафорических моделей исходного языка и языка перевода.

Таким образом, переводчику необходимо владеть не только техническими навыками перевода, но и методиками филолога-исследователя, глубоко и вдумчиво анализируя переводимый текст и создавая своего рода произведение «просторечной профессиональной культуры» с его плюсами и минусами, но, тем не менее, четко и понятно отражающее всю палитру лингвокультуры данной социальной группы.

Литература

1. Грачев М. А. Русское аргю : монография / М. А. Грачев. – Н. Новгород : Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997. – 246 с.
2. Лаптева Ю. В. Функции молодежного сленга / Ю. В. Лаптева // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 1. – С. 158-161.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
4. Романов А. Ю. Современный русский молодежный сленг / А. Ю. Романов. – München : Sagner, 2004. – 205 с.

Туленко Е.Е.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИ КОДИРОВАННОГО ПОЭТОНИМИКОНА

Одной из трудностей перевода является перевод имён собственных (ИС), выполняющих функцию индивидуализирующей номинации – особое, индивидуальное обозначение предмета независимо от ситуации и без обязательных уточняющих определений [4, с. 80-81]. Референтами ИС могут выступать люди, животные, компании, географические объекты, произведения искусства.

Имена собственные употребляются во всех сферах человеческой деятельности, а значит, их можно встретить в самых различных функциональных стилях. Перевод поэтонимов (имен собственных в художественном дискурсе) требует особого внимания, поскольку ошибки при их переводе могут привести к неточностям и дезинформации. В связи с этим перед переводчиком стоят весьма сложные задачи, а именно: необходимо с полной точностью отразить культурную и национальную специфику поэтонима, максимально сохранить их звуковую оболочку.

Одним из распространенных способов перевода поэтонимов является транслитерация – формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова [3, с. 199]. Этот прием востребован в тех случаях, когда языки пользуются различными графическими системами, единицы которых ставят в определенное соответствие друг с другом. Например, в таких случаях: *Fiorello La Guardia* – *Фьорелло Ла Гуардиа*, *Mussolini* – *Муссолини*, *Annapolis* – *Аннаполис* (в двух последних случаях транслитерация совпадает с транскрипцией). Транслитерация в чистом виде используется довольно редко, чаще можно встретить

комбинацию транслитерации и транскрипции. Переводческая транскрипция – это формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова [3, с. 197]. Так, например, фамилия *Whalen* в переводе на русский – *Уален*, *Sea View* (название госпиталя) переводим как госпиталь *Си Вью*.

Принцип этимологического соответствия, или транспозиция – еще один способ перевода имен собственных. Этот принцип заключается в том, что поэтонимы в разных языках, различающиеся по форме, но имеющие общее лингвистическое происхождение, являются друг для друга регулярными соответствиями [1, с. 24-25]. Например, король *James* в переводе на русский язык – *Иаков*, а не *Джеймс*, Папа Римский *John Paul* – *Иоанн Павел*, но никак не *Джон Пол*.

Ещё одним способом передачи поэтонимов является калькирование – «способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ» [2, с. 148]. Так, *Trans-Lux Newsreel Theater on Broadway* переводится как кинотеатр короткометражной хроники «*Транс-Люкс*» на Бродвее. Данный поэтоним представляет собой яркий пример сочетания различных способов перевода. *Trans-Lux* транскрибируется, при передаче *Newsreel Theater* применяется семантический перевод, *Broadway* также транскрибируется [4, с. 80-81]. Следует отметить, что при переводе поэтонимов переводчику важно учитывать культурную и национально-языковую специфику имени.

Немаловажным является принцип благозвучия. В качестве примера можно рассмотреть название острова *Staten Island*. Применяя прием транскрипции, данный поэтоним необходимо перевести как *Статен Айленд*. Транслитерация даст тот же результат. Поэтому, на первый взгляд, никаких трудностей перевод данного поэтонима не вызывает. Однако, «Статен» довольно странно звучит на русском, слишком сильна ассоциация со словом «статный». Следовательно, переводчику необходимо принять переводческое решение вопреки правилам перевести данный топоним как *Стейтлен-Айленд*, что на русском языке будет звучать вполне «по-английски» и достаточно благозвучно.

В заключение нельзя не отметить, что очень часто поэтонимы имеют традиционные, зафиксированные в словарях соответствия, от которых никоим образом отходить нельзя [1, с. 35]. К таким поэтонимам могут относиться общеизвестные *New York* (*Нью-Йорк*), *Florida* (*Флорида*), *Wild West* (*Дикий Запад*) и т. д. В тех же случаях, когда словарного соответствия найти не удастся, переводчику

приходится самостоятельно принимать решение о способе перевода того или иного поэтонима.

Таким образом, при переводе культурно-исторически кодированных поэтонимов переводчик может выбрать один из следующих способов перевода: транслитерацию, транскрипцию, транспозицию, калькирование либо комбинацию этих приемов, но, безусловно, с учетом культурной, национальной и исторической специфики имени собственного.

Литература

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р.Валент, 2001. – 200 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для институтов и фак. иностр. языков / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
3. Паршин А. Теория и практика перевода / А. Паршин. – СПб. : Изд-во СГУ, 1999. – 202 с.
4. Соломыкина А. С. Способы перевода имен собственных на материале американской публицистики / А. С. Соломыкина, Н. А. Каширина // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 7-1. – С. 80-81.

Фадеева А.А.

*(ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»,
Луганск, ЛНР)*

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ БЛЮД ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КУХНИ

Проблема ошибок при переводе в терминах, реалиях или названиях, связанных с кулинарной тематикой, представляет особый исследовательский интерес как для преподавателей, так и для практикующих переводчиков.

Вопреки расхожему мнению, элементы названий блюд китайской кухни не всегда указывают на содержащиеся в блюде ингредиенты, а потому нередко становятся поводом для ошибочной трактовки. Показательным будет разбор следующего примера: 炸菠菜鱼 [zhá bōcài yú] – «обжаренный в кляре шпинат». Причиной ошибок при переводе названия данного блюда может стать неверно истолкованный иероглиф 鱼 [yú] – «рыба»: увидев его, переводчик может решить, что речь идет о жареной рыбе со шпинатом, так как 炸 [zhá] – это «жареный», а 菠菜 [bōcài] – «шпинат». Однако,

название блюда включает иероглиф «рыба» из-за внешнего сходства жареного шпината с рыбой.

Порой для правильного перевода названия блюда следует обратиться к легенде их создания [2, с. 3]. Так, название 回锅肉 [huí guō ròu], переводимое дословно как «вернувшееся в котел мясо». Название данного блюда не дает возможности понять, какие ингредиенты входят в его состав. Поэтому для более точного перевода необходим анализ истории возникновения названия.

Легенда рассказывает нам о бедняке, который, уходя на работу, попросил жену приготовить нечто особое на ужин. Жена приготовила свинину, однако муж вернулся лишь на следующий день. Пока он отдыхал, жена решила разогреть с маслом холодное мясо, добавив туда лук-порей, черный душистый перец и коренья. Блюдо было очень острым, но вкусным. Один из наиболее распространенных переводов его названия – «свинина, приготовленная дважды», однако более легко воспринимаемым вариантом будет «поджарка из отварной свинины». Таким образом, очевидно, что для правильности перевода переводчик должен обладать большими знаниями китайской кулинарной традиции.

Несмотря на то, что в большинстве случаев при переводе названий китайских блюд калькирование недопустимо и неэффективно, некоторые китайские национальные блюда все же вошли в другие языки посредством калькирования. К примеру, 宫保鸡丁 [gōngbǎo jīdīng] – блюдо сычуаньской кухни из мяса цыпленка с арахисом и перцем чили – известно в английском языке как «Kungpao chicken», а в русском языке – «цыпленок гунбао» [3, с. 3]. В русском языке есть еще один перевод названия этого блюда – «острая курица с арахисом», его можно отнести к частичному калькированию. Встречаются также и варианты полного калькирования, как, например, в случае 锅包肉 [guō bāo ròu] «гобаожоу» (жареные кусочки свинины в кляре, в кисло-сладком соусе).

Сложности могут возникнуть и при переводе специфических терминов, отображающих процесс тепловой обработки продуктов. Для примера возьмем названия блюд, содержащие данные термины: 烧羊肉 [shāo yáng ròu]; 炒青菜 [chǎo qīng cài]; 炸虾仁 [zhá xiā rén].

Первый иероглиф в каждом названии может быть отнесен к семантическому полю русского «жарить». Китайские же глаголы имеют значительные отличия в значениях: 烧 [shāo] трактуется как тушение продуктов с добавлением небольшого количества масла и вина; 炒 [chǎo] – готовка посредством жарки в течение недолгого периода времени с постоянным помешиванием ингредиентов; 炸 [zhá] обозначает жарку на сильном огне или же во фритюре. Рассмотрев трактовки данных глаголов, можно сделать вывод, что перевод всех глаголов одним русским эквивалентом «жарить»

невозможен. Перевод должен учитывать оттенки каждого китайского кулинарного глагола. Таким образом, наиболее подходящими вариантами перевода будут: 烧羊肉 [shāo yáng ròu] – «жареная баранина», 炒青菜 [chǎo qīng cài] – «тушеный сельдерей», 炸虾仁 [zhá xiā rén] – «жареные во фритюре креветки» [3, с. 4].

Резюмируя проанализированные выше трудности перевода названий китайских блюд, можно отметить, что они очень разнообразны и требуют тщательного анализа для понимания и правильного перевода с китайского языка. Таким образом, несмотря на все трудности перевода названий национальных блюд Китая, эта тема является очень востребованной и интересной для изучения.

Литература

1. Васильев Ф. И. 250 блюд китайской кухни / Ф. И. Васильев. – М. : Наука, 1959. – 256 с.
2. Ковалёв Е. Д. Особенности названий блюд в ресторанных меню на китайском языке (структурно-семантический и прагматический подходы) [Электронный ресурс] / Е. Д. Ковалёв, И. Р. Кожевников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nazvaniy-blyud-v-restorannyh-menyu-na-kitayskom-yazyke-strukturno-semanticheskij-i-pragmaticheskij-podhody>.
3. Хуан Чжунлянь. Анализ семантического поля кулинарных глаголов «Жарить/炸» в русском и китайском языках [Электронный ресурс] / Хуан Чжунлянь, Лю Лифэнь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-semanticheskogo-polya-kulinarnyh-glagolov-zharit-v-russkom-i-kitayskom-yazykah>.
4. 现代汉语词典(第5版). – 北京:商务印书, 2005. – 1869页.

Фалина Н.А.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Язык не существует вне культуры, он является ее отображением, совокупностью духовных и материальных ценностей народа, которые определяют специфику организации его мышления, повседневной и общественной жизни.

На современном этапе развития лингвистики всё больше внимания уделяется вопросам, связанным с национально-культурной спецификой языков, с национальным своеобразием картины мира, сложившегося у лингвокультурной общности. Ю.А. Сорокин подчеркивает, что перевод «является одной из форм взаимодействия культур... и дает известное представление о некоторой чужой культуре» [6, с. 15].

При этнолингвистическом подходе к переводу важно учитывать особенности межкультурной коммуникации. Г.Д. Томахин считает, что «перевод в аспекте межкультурной коммуникации – это и контактирование двух систем со своими национально-культурными особенностями, и контакт представителей лингвокультурных общностей, каждый со своим мировоззрением и определенным фондом культурного наследия, морально-этическими нормами, речевым этикетом» [8, с. 123].

Г.Д. Томахин говорит о том, что «вопрос о фоновых знаниях в переводе исходного текста является решающим при восприятии переводчиком скрытой внеязыковой информации. На различиях в объеме и содержании фоновых знаний участников межкультурной коммуникации и принятых в этих обществах норм речевого этикета строится прагматическая сторона высказывания» [8, с. 123].

Составляющими частями этнолингвистики исследователи считают этнопсихолингвистику и лингвокультурологию, которые могут иметь собственные взгляды на язык и культуру. На связь языка с культурой указывали представители сравнительно-исторического языкознания (Ф. Буслаев, И. Гердер, В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, А. Потебня и др.).

Объектом лингвокультурологии является взаимосвязь языка культуры, их взаимодейственность, предметом – языковые единицы, которые несут культурологическую информацию, культурные ценности в формах национальной культуры и национального языка, – пишет Л.И. Мацько [5, с. 36].

Основной результат любой речевой коммуникации – это реакция адресата. Кроме того, в обоих случаях коммуникации адресаты, воспринимая оригинальный текст или переводной, выражают свою реакцию на них. И реакция читателя будет напрямую зависеть от того, насколько удачные и адекватные средства избрал переводчик, сумел ли он сохранить и передать всю ценность, которую стремился передать сам автор.

Л.К. Латышев считает, что даже одноязычный текст вызывает у разных людей разную реакцию в силу различий их личностных данных: в образовании, культуре, мировоззрении, менталитете и т. д. Поскольку коммуникативная компетенция адресата – это совокупность умений, навыков, знаний, определяющих его

способность адекватно воспринимать и интерпретировать текст, то коммуникативные компетенции адресатов, воспринимающих оригинал, и адресатов, воспринимающих перевод, должны быть во многом равноценны. Существенно они могут различаться только в лингвоэтнической части, то есть в том, что касается языка, культуры. Именно переводчик помогает преодолеть эти различия. Поэтому в переводческой деятельности большую роль играет лингвокультурологический аспект. По мнению Л.К. Латышева, «перевод является минимально опосредованной трансляцией сообщения, в процессе которой переводчик осуществляет преобразования исключительно лингвоэтнического характера» [3, с. 76–78].

Следует отметить, что знание особенностей культур иностранного языка и переводного, как и понимание переводимого текста во всем богатстве его национально-культурной семантики, является необходимым условием перевода как акта межкультурной коммуникации. Кроме того, обучение основным переводческим приемам наряду с анализом экстралингвистических и собственно лингвистических аспектов текста перевода оригинала являются важными задачами при подготовке переводчиков.

Г.Д. Томахин считает, что «перевод как вид межкультурной коммуникации может быть построен на принципах сопоставительного лингвострановедения, учитывающего сходства и различия культур, выраженных в иностранном языке и переводном языке» [8, с. 134]. И мы поддерживаем точку зрения С.Г. Тер-Минасовой, что сейчас появилась необходимость самого пристального изучения межъязыковых соответствий, а также актуальность этой проблемы для оптимизации межкультурного общения, для совершенствования методов преподавания иностранных языков, для практики и теории перевода и лексикографии [7, с. 165].

Литература

1. Латышев Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – М. : НВИ-Тезаурус, 2001. – 563 с.
2. Мацько Л. И. Стилистика украинского языка / Л. И. Мацько. – К. : Выш. шк., 2003. – 462 с.
3. Сорокин Ю. А. Проблема перевода с психолингвистической точки зрения / Ю. А. Сорокин // Тетради переводчика. – 1984. – Вып. 21. – С. 45-51.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 437 с.
5. Томахин Г. Д. Перевод как межкультурная коммуникация / Г. Д. Томахин // Перевод и коммуникация. – М. : ИЯ РАН, 1997. – С. 129-137.

LES CORRESPONDANCES LEXICALES DANS LA TRADUCTION

Aucune sphère de l'activité humaine ne se passe aujourd'hui sans traduction qui est devenue un moyen important de dialogue des cultures hétérogènes, de la diffusion des valeurs spirituelles universelles. La traduction écrite et orale (l'interprétation) comprend les particularités d'audition, de parole, de lecture et d'écriture ce qui permet de l'utiliser effectivement dans l'apprentissage des langues étrangères.

La théorie des correspondances régulières a vu le jour grâce aux recherches de Y. Retsker et de A. Fiodorov [1]. Le premier a distingué telles correspondances comme a) équivalents; b) analogues; c) remplacements adéquats. Les équivalents sont des correspondances permanentes et équivalentes qui s'établissent entre deux ou plusieurs langues indépendamment du contexte. Ce sont les termes monosémantiques, privés de sens connotatif et de valeur expressive, par ex. fr. lune = rus. луна = ukr. місяць = angl. moon = allemand «der Mond». Ce sont des synonymes interlinguistiques absolus. L'équivalence peut être unilatérale et bilatérale. Les analogues se présentent sur le plan comparatif comme des synonymes interlinguistiques relatifs et le choix des analogues dépend du contexte. Les remplacements adéquats se réalisent dans des conditions qui excluent l'emploi des équivalents ou des analogues directs. Il est à noter que dans les travaux plus récents les linguistes rejettent ce troisième type des correspondances en le traitant comme un des procédés de traduction. Ceux-ci comprennent notamment: 1) la concrétisation des notions abstraites; 2) le développement logique des notions; 3) la traduction antonymique; 4) la compensation.

V. Vinogradov a proposé la classification nette et détaillée des correspondances interlinguistiques au niveau lexico-sémantique. D'après la forme on distingue des correspondances et des divergences formelles. Les correspondances de forme c'est la recherche des unités pareilles pouvant se remplacer «mot d'origine – mot de traduction»: *lutte – борьба*; «groupe de mots – groupe de mots»: *faire faillite – неопределённое поражение*. Les divergences de forme c'est l'établissement d'un rapport entre des unités non-identiques du point de vue quantitatif *prendre congé – попрощаться*. D'après le volume de l'information significative transmise les correspondances se subdivisent en complètes et partielles. Les correspondances complètes (équivalents) se caractérisent par des volumes informatifs identiques, mais les correspondances partielles (analogues) ont des volumes informatifs comparables dont certains

composants coïncident seulement. Le caractère du fonctionnement prévaut deux types essentiels: les correspondances constantes et occasionnelles (contextuelles). Le dictionnaire bilingue fournit des correspondances permanentes primaires qui s'établissent au niveau du vocabulaire et ont des volumes informatifs identiques. Ce sont des synonymes interlinguistiques absolus ou des équivalents lexicaux *arbre* – *дерево*. Il y a aussi des correspondances permanentes secondaires qui coïncident dans le domaine de l'information sémantique, mais qui se distinguent d'après leurs composants expressifs, stylistiques *mère* – *мать, мамочка, мамуля*. Ce sont des synonymes interlinguistiques relatifs (équivalents secondaires). Les correspondances occasionnelles se forment au moment de la traduction et visent à reproduire les particularités stylistiques du texte original.

Les espèces de correspondances résultant du procédé de traduction se subdivisent en: 1) correspondances directes – synonymes interlinguistiques absolus *enfant* – *ребёнок*; 2) correspondances synonymiques (remplacements synonymiques) – synonymes interlinguistiques relatifs *justice* – *справедливость, правосудие, юстиция*; 3) correspondances antonymiques – antonymes interlinguistiques; 4) correspondances hypéro-hyponymiques, la subordination d'une notion d'espèce à une notion de genre *voyage* (hypéronyme) – *путешествие* (hypéronyme), *плавание* (hyponyme); 5) correspondances descriptives (périphrastiques) expliquent le sens d'une unité lexicale d'origine qui n'a pas d'une expression directe dans la langue de traduction à l'aide des tours descriptifs ou des périphrases.

Les correspondances empruntées (emprunts) servent à établir une corrélation entre un mot d'origine et sa copie phono-morphologique dans la langue de traduction. Cette copie est reçue ou à l'aide de la transcription *monsieur* – *мосье* ou à l'aide de la translittération *patronat* – *патронат*. Les correspondances fonctionnelles voient le jour quand le traducteur fait face à toutes sortes d'occasionalismes originaux (jeux de mots, noms appréciatifs, argotismes).

En qualité de la conclusion on peut dire, que l'emploi des correspondances lexicales de différents types dépend de plusieurs facteurs: de la situation de la parole, de la compétence du traducteur, du contexte sociale, du registre linguistique.

Littérature

1. Tcherednytschenko O. Théorie et pratique de la traduction. Le français / O. Tcherednytschenko, Y. Koval. – K. : Lybid, 1995. – 318 p.

АНГЛИЙСКИЕ ПРОЗВИЩА В ПЕРЕВОДЕ

Привычка именовать вещи, предметы, своих соплеменников всегда была неотъемлемой частью характера человека. Кроме имени, которое дают человеку при рождении, часто он может получить «второе имя» – прозвище. Прозвище представляет собой ярлык, данный окружающими, метку, по которой личность выделяется из толпы, или некий информационный пароль. Прозвище настолько прилипает к человеку, что в сознании сразу всплывает знакомый облик – индивидуальность, манеры и характер. Именно прозвище вызывает поток ассоциаций.

Прозвищ в английском языке достаточно много, и, безусловно, они представляют огромный интерес для лингвистов и переводчиков, поскольку знание прозвищ, существующих как в сфере повседневного человеческого общения, так и художественных произведениях, необходимо для понимания жизни определенного народа, его истории, традиций и обычаев, характера взаимоотношений [2, с. 78].

Следует отметить, что необходимо классифицировать такой обширный пласт лексических единиц, как прозвища. Как правило, выделяют множественные (коллективные) и единичные прозвища-номинации. Множественные прозвища связаны, главным образом, с указанием на национальную принадлежность, в то время как к единичным относятся прозвища, данные людям, исходя из особенностей их внешности, характера, привычек, рода деятельности [5]. К множественным прозвищам в данной классификации следует относить и прозвища в единственном числе, номинирующие целую группу людей. Так, например, *John Bull* – собирательное прозвище англичан (по персонажу произведения английского публициста начала XVIII в. Дж. Арбетнота «The History of John Bull») [6].

Существует большое количество прозвищ, получаемых в школьной среде, где дети уделяют пристальное внимание особенностям внешности своих сверстников. Большинство школьных прозвищ явно или скрыто насмешливы. Толстого школьника могут прозвать *Baloon*, *Falstaff* (по имени персонажа пьес У. Шекспира Дж. Фальстафа), *Football*, *Fat Belly*, *Fatty*, *Fatso*, *Porky*, *Steam – Roller*, *Tubby*, *Tubs*, *Tank*, *Cannon-ball*. Худые, хрупкие ребята могут получить традиционные прозвища *Bag o’ Bones*, *Broomstick*, *Drain-Pipe*, *Matchstick* или *Matchy*, *Needles*, *Skinny*, *Spindly*, *Lanky*,

Lanky-Panky [4, с. 174].

Также необходимо учитывать эмоциональную окраску и стилистическую принадлежность прозвища, чтобы сохранять их в переводе. Например, грубое, просторечное слово, «скрытое» в прозвище, не должно при переводе превратиться в изящное выражение высокого стиля [1, с. 12]. Ещё одной сложностью является необходимость подобрать не только слово в языке перевода, адекватно отражающее замысел автора, вложенный в прозвище, но и найти подходящую форму. Как правило, именно эта проблема вызывает больше всего споров как среди переводчиков, так и среди читателей. Дело в том, что эта часть перевода сильнее всего связана с личным эстетическим вкусом и творческими способностями того, кто воспринимает текст [3].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что исследование различных типов английских прозвищ помогает расширить знания об истории, жизни, обычаях народов Великобритании и США. То, насколько удачно переводчик подберёт необходимые слово и форму, насколько полно отразит смысл, который заключается в прозвище, зависит полнота понимания исходного текста.

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1973. – 237 с.
2. Артёмова А. Ф. Прозвища в английском языке / А. Ф. Артёмова, О. А. Леонович // Иностранные языки в школе. – 1981. – № 6. – С. 78-80.
3. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка [Электронный ресурс]. / И. Р. Гальперин. – Режим доступа : <http://www.e-lingvo.net/files/unfo/30/2/65.php>.
4. Леонович О. А. Краткий словарь английских прозвищ / О. А. Леонович. – М. : Высшая школа, 2007. – 184 с.
5. Типы номинаций прозвищ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://arzamas-rajon.ru/typy-prozvisch.html>.
6. Arbuthnot J. The History of John Bull [Электронный ресурс]. / J. Arbuthnot – Режим доступа : <http://www.gutenberg.org/files/2643/2643-h/2643-h.htm>.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ОШИБКИ (на примере творчества Эдит Несбит)

С творчеством английской детской писательницы Эдит Несбит (1858-1924) русскоязычные читатели познакомились в первой половине 90-х годов XX века, когда екатеринбургское книжное издательство «Ладъ» выпустило три тома её сочинений, в которые вошел цикл о волшебном существе Псаммиаде, роман «Заколдованный замок» и шесть сказок.

Переводчиком двух произведений, которые были включены в первый том, указан Игорь Богданов. На последней странице третьего тома, который вышел год спустя, уточнялось: «В первой книге Э. Несбит «Заколдованный замок. Пятеро детей и чудище» не указан переводчик повести «Пятеро детей и чудище» Л. Сумм. Издательство «Ладъ» приносит свои извинения переводчику» [1, с. 512].

Более двадцати лет автором перевода книги «Заколдованный замок» считался И. Богданов. И только в 2017 году издательство «Энас-Книга» исправило ошибку и правильно указало имя переводчика – Любовь Сумм. Документальные подтверждения авторства перевода имеются и у издательства, и у переводчицы.

Интерес к творчеству писательницы, которая стояла у истоков английской детской литературы, возникает в начале 2000-х годов, когда в России начинают печатать её книги. У читателей появилась возможность познакомиться с её произведениями в разных переводах. Например, «Дети железной дороги» изданы в переводе А. Шараповой (2010 г.), Ж. Сармановой (2013 г.) и А. Иванова и А. Устиновой (2015 г.).

Не обошлось и без переводческих ошибок. Сравнивая три варианта перевода, прокомментируем некоторые из них.

Рассмотрим в качестве примера неточности перевода в девятой главе, которая называется “The Pride of Perks” («Гордость Перкса» в двух переводах – А. Шараповой и А. Иванова и А. Устиновой). Глава начинается сценой утреннего завтрака, во время которой мама сообщает детям о том, что она продала одну из написанных ею историй и поэтому в этот день к чаю у них будут булочки, которые они смогут купить, как только их испекут. Дети (две сестры и брат) просят разрешить им купить их через несколько дней, чтобы они смогли поздравить дежурного по станции Альберта Перкса, которому пятнадцатого числа исполнится тридцать два года. В

оригинале разговор детей и матери (в сокращённом виде) звучит так: *Mother, would you mind if we didn't have the buns for tea to-night, but on the fifteenth? That's next Thursday. <...> "But suppose there hadn't been a bun-day before the fifteenth?" said Mother* [5, с. 146].

В переводе А. Иванова и А. Устиновой: «Мама, а что если мы не будем сегодня булочки к чаю, а купим их пятнадцатого?» – осторожно начала Бобби. – Это следующий четверг.» <...> «А если бы до пятнадцатого числа день булочек так и не наступил?» – поинтересовалась мама [3].

В переводе А. Шараповой: «Мама, а можно мы попьём чай с булочками в другой раз? Сегодня же четверг.» <...> «Ведь последний раз булочки были на пятинадцатилетие Бобби!» – вздохнула мама [2]. Если вариант перевода *сегодня же четверг* не влияет на понимание и восприятие сюжета, то *пятинадцатилетие Бобби* – это серьёзное искажение фактов. Во-первых, героиня книги Э. Несбит, мать семейства, описывается как женщина, которая любила проводить время с детьми и на дни рождения радовала их стихотворениями собственного сочинения. Все такие дни описаны как значимые события, после них всегда происходило что-то важное.

В четвёртой главе книги описывается празднование двенадцатого дня рождения Роберты (Бобби). В оригинале: *The shutters were shut and there were twelve candles on the table, one for each of Roberta's years* [5, с. 70]. В переводе А. Шараповой: *Ставни были затворены, зато на столе сияли двенадцать ярких свечей, по одной на каждый прожитый Бобби год в этом мире* [2]. Из-за ошибки, допущенной переводчицей, можно подумать, что между четвёртой и девятой главой книги прошло целых три года. Но все события книги разворачиваются на протяжении нескольких месяцев, которые дети провели в деревне, куда были вынуждены уехать с мамой из Лондона после ареста отца.

Как было сказано выше, в начале главы, мама сообщает радостную новость. В оригинале: *"I've sold another story, Chickies", she said; "the one about the King of the Mussels"* [5, с. 146]. В переводе А. Шараповой: «А я, ребятки, пристроила еще один рассказ, – сообщила она, – про Короля Мидий» [2]. Вариант перевода А. Иванова и А. Устиновой – неточность в написании имени собственного, которое не ведёт к смысловым потерям: «Ну, мои цыплятки, я продала еще одну историю, – объявила она. – Про короля мидий» [3].

Перевод, выполненный Ж. Сармановой, можно назвать пересказом, а главной стратегией переводчицы – опущение (не всегда понятное), т. к. из текста выпущены не только отдельные предложения и абзацы, но и целые главы (из 14 глав оригинала в перевод вошли 11 глав). Глава «Гордость Перкса» отсутствует.

Во всех трёх вариантах есть глава, которая в оригинале называется “The hound in the red jersey”. В переводе А. Шараповой данная глава имеет название «Пёс в красном свитере», в переводе А. Иванова и А. Устиновой – «Гончая» в красной фуфайке», в переводе Ж. Сармановой – «Игра “Заяц и собаки”». Только в последнем из перечисленных вариантов поясняются правила игры, название которой (*a paperchase*) в оригинальном тексте приводится в первом предложении. Игра «Заяц и собаки», которая стала прародительницей кросса в Англии, известна англоязычным детям, а само слово *paperchase* включено в словарные статьи. Русскоязычным читателям оно ни о чём не говорит. Поэтому, чтобы восполнить пробел, переводчица использует внутритекстовое пояснение, выдавая его за слова героя книги: *Позже Перкс объяснил, что игра «Заяц и собаки» – это ежегодно проводимая гонка, в которой один человек, одетый в кролика, бежит впереди с полной сумкой кусочков бумаги. Несколько человек (охотничьи собаки) преследуют этого человека по кусочкам бумаги, которые он продолжает ронять* [4, с. 34]. Пояснения в данном случае уместны и необходимы.

Если говорить об ошибках, то можно сказать, что настроение им задала сама писательница, которая подписывала свои книги – E. Nesbit. Из-за этого в письмах к ней ошибочно обращались, называя её «мистер Несбит».

Несмотря на наличие издательских, переводческих неточностей, книги Э. Несбит заслуживают того, чтобы их читать, уже хотя бы потому, что многие темы и мотивы, идеи и сюжетные линии взяты из её книг и развиты следующими поколениями английских писателей, которые стали известны и популярны в русскоязычном мире намного раньше.

Литература

1. Несбит Э. Феникс и ковёр / Э. Несбит ; пер. с англ. – Екатеринбург : Изд-во «Ладъ», 1994. – 512 с.
2. Несбит Э. Дети железной дороги [Электронный ресурс] / Эдит Несбит ; пер. А. Шараповой. – Режим доступа : <http://flibusta.site/b/201641/read>.
3. Несбит Э. Дети железной дороги [Электронный ресурс] / Эдит Несбит ; пер. А. Иванов, А. Устинова. – Режим доступа : http://loveread.me/read_book.php?id=51453&p=33.
4. Несбит Э. Дети железной дороги / Эдит Несбит ; пер. Ж. Сармановой. – К. : Кредо, 2018. – 48 с.
5. Nesbit E. The railway children / E. Nesbit. – London : Puffin Books, 1989. – 240 p.

СПЕЦИФИКА РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование публицистического текста может существенно помочь в развитии навыков перевода и качественно улучшить методику преподавания китайского языка, так как она содержит достаточно большое количество иноязычной лексики: термины, неологизмы, диалектизмы, экспрессивная лексика и т. д. Кроме того, публицистика довольно часто вводит в язык новые лексические единицы, например, сокращения и неологизмы, которые впоследствии прочно укореняются в повседневной речи.

Публицистика – это особый вид литературы, которая освещает вопросы, имеющие значение в настоящий момент и обладающие определенным влиянием на общественное мнение. Реклама также является жанром публицистики, так как сообщает покупателю актуальную информацию, а в некоторых случаях (агитационные плакаты) может влиять на мнение общественности.

Мы можем выделить несколько специфических черт дискурса китайской рекламы (по Цзюань Гао): умеренность; семья как центр мира; сохранение лица; добродетель дороже денег; уважение к традициям, ностальгия по прошлому; скромность и смирение [2].

Журналистский дискурс на телевидении представлен, в первую очередь, сетью китайских телеканалов CCTV, ставшей одной из крупнейших телевизионных сетей по всему миру. Помимо этого, в Китае функционирует еще около 300 телестанций, однако все они подчинены государству. По сути, китайское правительство даже не скрывает, что CCTV – это инструмент национальной пропаганды. При этом, программная политика любого телеканала в КНР подчинена жесткой идеологической цензуре.

При этом достаточно большой объем эфирного времени занимает социальная реклама. Центральное телевидение Китая выбрало тактику её использования в виде качественной и престижной разновидности рекламных сообщений, которая отображала бы современные реалии повседневной жизни общества в требуемом ключе, поднимая перед телеаудиторией определенные вопросы.

Стоит отметить, что создателям телерекламы приходится уделять большое внимание языковым средствам и тому, как они взаимодействуют с аудиовизуальным рядом, ведь аудитория в большей степени обращает внимание именно на экран и от этого

зависит, заинтересован ли будет зритель в дальнейшем просмотре данного ролика [5].

В связи с этим, в китайской рекламе достаточно часто используются идиоматические выражения. Е.М. Гирняк выделяет три вида использования фразеологизмов в рекламе: 1) использование фразеологических единиц в чистом виде; 2) трансформирование фразеологических единиц; 3) использование внешней структуры фразеологизма [4, с. 33].

Исследование морфологических характеристик рекламных текстов позволяет нам говорить о том, что самой употребляемой частью речи в рекламе является глагол (42%), второе место занимают прилагательные (28%), чуть меньше используются существительные (26%), а остальные части речи составляют лишь 4% [4, с. 136-137].

При переводе китайской рекламы одну из самых больших сложностей представляет собой «игра иероглифов», так как иероглиф – графический знак, что даёт возможность влиять на людей и через визуальный канал восприятия. Так, например, в рекламе против коррупции употреблено слово «诚信», что переводится как «честность», при этом отдельные части «成» и «人» выделены красным цветом и образуют новое словосочетание – «стать взрослым» – внутри уже имеющегося языкового знака [3, с. 83].

Часто рекламный слоган содержит рифмованные строчки, в которые входит название товара. В таком случае лучшим вариантом будет зарифмовать название товара с другим словом, которое не несёт в себе то же значение, что оригинальное [1].

Текст рекламного сообщения включает в себе сразу три вида информации: когнитивную, эмоциональную и эстетическую. Поэтому, по мнению И.С. Алексеевой, при работе с рекламным текстом переводчику в первую очередь необходимо вычлнить доминанты (название фирмы, название товара, его характеристику, номер телефона, адрес и т. д.). Таким образом, если говорить о непосредственном переводе китайской рекламы, то следует понимать, что он никогда не будет буквальным.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : учеб. пособие / И. С. Алексеева. – СПб. : Институт иностранных языков, 2000. – 109 с.
2. Цзюань Гао. Китайская реклама: опора на традиционное потребительское поведение / Цзюань Гао // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – Т. 4, № 1. – С. 91-94.
3. Думанская К. С. Лингвистические и культурные особенности печатной и наружной социальной рекламы в Китае / К. С. Думанская // Вестник Новосибирского государственного

- университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – Т. 8, № 1. – С. 82-91.
4. Желтухина М. Р. Основные вербальные характеристики китайской и русской медицинской и косметической медиарекламы: лингвокультурная специфика / М. Р. Желтухина, О. Д. Шмелёва // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4(117). – С. 136-140.
5. Чин Шо Дэ. Психология гласности / Чин Шо Дэ. – Фуцзянь, 1993. – 145 с.

Чмырь М.А.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЗООНИМОМ «СОБАКА» В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

На сегодняшний день фразеология является актуальной темой исследования, ей посвящено множество различных работ, а интерес к ее изучению не исчезает. Лингвисты и языковеды по-разному трактуют понятие «фразеология». Например, Н.М. Шанский дает следующее определение: «Фразеология – это раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в её современном состоянии и историческом развитии» [3, с. 4]. Согласно его мнению, «объектом изучения фразеологии являются фразеологические обороты, т. е. устойчивые сочетания слов, аналогичные словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных единиц» [3, с. 4].

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом занимают огромный пласт во фразеологическом фонде любого языка. Зоонимы оставляют существенный отпечаток в формировании языковой картины мира.

Исследователь Н.В. Солнцева под термином «зооним» понимает «общую словарную единицу, которая, с одной стороны, может принимать «облик» зоосемизма, собственно названия животного (млекопитающих, птиц, насекомых и т. д.), с другой стороны – зооморфизма, своего переносного, метафорического варианта, проецируемого на человека, характеризующего и оценивающего его под разными углами зрения» [2, с. 6].

В современном медиа-пространстве используется большое количество иностранной аудиовизуальной продукции, которая содержит немалое количество фразеологических

единиц. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом очень часто употребляются в фильмах и мультфильмах, поскольку они отображают менталитет и обычаи страны, представленной в аудиовизуальном произведении.

Зооним «собака» – один из наиболее частотных во фразеологизмах. Несмотря на то, что собака традиционно считается лучшим другом человека и ценится за свою верность и преданность (*собачья верность, собачья преданность*), большинству фразеологических единиц, содержащих данный зооним, присуща отрицательная субъективно-оценочная коннотация в восприятии носителей сопоставляемых языков. Например, в переносном значении в русском языке слово *собака* используется для обозначения злого, грубого человека [1, с. 739], а слово *пес* – для обозначения человека, готового на любые низкие поступки [1, с. 516]. В английском и немецком языках слова *dog* и *Hund* используются в переносном значении «неприятный, подлый человек».

Рассмотрим примеры из англоязычных мультфильмов и их немецко- и русскоязычных версий. Негативную коннотацию зоонима с образом «собака» мы можем найти в английском выражении *dog eat dog* (досл.: собака ест собаку). Данное выражение описывает ситуацию в условиях сильной конкуренции, где люди готовы на все, чтобы одержать победу, даже навредить другим. В русском и немецком языках находим иную интерпретацию: нем. *der Mensch ist dem Menschen ein Wolf*, рус. *человек человеку волк* (Dog Eat Dog).

Приведем еще несколько примеров. О сильно уставшем человеке говорят: англ. *be tired as a dog / be dog-tired*, нем. *hundemüde*, рус. *устал, как собака* (An American Tail: Fievel Goes West); о голодном человеке: англ. *as hungry as a dog*, нем. *einen Bärenhunger haben* (досл. иметь медвежий голод), рус. *голоден, как собака* (The Simpsons). Стоит указать, что во второй группе примеров в немецком языке зооним *dog* (собака) заменен зоонимом *Bär* (медведь).

Необходимо отметить, что в фильмах и мультфильмах встречаются фразеологизмы, в которых собака определяется как гонимое и неприхотливое существо. Например, англ. *to a dog a dog's death*, нем. *wie ein Hund leben, jmdn. wie einen Hund behandeln*, рус. *собаке собачья смерть* (A Dog's Purpose). Английский фразеологизм *it's gone to the dog* (досл. отправили к собакам) (A Dog's Purpose) означает, что ситуация значительно ухудшилась. Данный фразеологизм имеет русский и немецкий аналоги: рус. *коту под хвост*, нем. *alles für die Katze*. Следует отметить, что в немецком и русском языках зооним *dog* (собака) заменен на *кот* и *Katze* (кот) соответственно.

В английском языке существует множество фразеологических единиц с компонентом *dog* (собака), имеющих позитивную

коннотацию. Например, *to help a lame dog over a stile* – *помочь кому-либо в беде* (Best in Show); *every dog has his day* (досл. у каждой собаки есть свой день) (Scarface) имеет русский аналог, который не содержит зоонима – *будет и на нашей улице праздник*, то есть, «и для нас наступит радость, торжество».

Передача фразеологизмов, в состав которых входят зоонимы, при переводе аудиовизуальных текстов является трудоемким и сложным процессом. Возможности достижения адекватного и полноценного перевода таких единиц зависят в основном от соотношений между единицами исходного языка и языка перевода, которые могут быть следующими: 1) фразеологическая единица имеет в языке перевода точное, не зависящее от контекста, словарное соответствие (англ. *be tired as a dog, be dog-tired*; нем. *hundemüde*; рус. *устал, как собака*); 2) фразеологическую единицу можно передать в языке перевода тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями и заменой используемых образов (англ. *as hungry as a dog*; нем. *einen Bärenhunger haben*; рус. *голоден, как собака*); 3) фразеологическая единица не имеет в языке перевода ни эквивалентов, ни аналогов, и переводится описательно (*to help a lame dog over a stile* – *помочь кому-либо в беде*).

Таким образом, зоониму *dog* (собака) присущи различные коннотативные оттенки, которые можно найти в словарях или вывести исходя из контекста. Фразеологическая единица с компонентом-зоонимом может переводиться фразеологизмом (фразеологический перевод) либо иными средствами, при отсутствии фразеологических эквивалентов и аналогов (нефразеологический перевод, например, калькирование, описательный перевод). Стоит отметить, что даже при наличии во фразеологическом словаре соответствия фразеологизма всегда необходимо соотносить предлагаемый вариант перевода с контекстом.

Литература

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
2. Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.20 / Н. В. Солнцева. – Омск, 2004. – 220 с.
3. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – Изд. 6-е. – М. : Либроком, 2012. – 272 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Перевод публицистических текстов является очень трудоемким и многогранным процессом. Задача переводчика состоит не столько в том, чтобы просто передать значение слов и предложений, а донести до читателя истинный авторский замысел.

Публицистический стиль используется в таких жанрах, как статья, очерк, репортаж, фельетон, интервью, памфлет, ораторская речь, и служит для воздействия на людей через СМИ. Ученый С.И. Ожегов определяет заголовок как название какого-нибудь произведения (художественного, музыкального), статьи или отдельной ее части [4, с. 287]. По мнению И.Р. Гальперина, заголовок – это название публицистической статьи или газетной новости, которое является их неотъемлемой частью. В нетекстовом употреблении заголовки не только теряют свои смысловые упрощения, но и частично семантику [4, с. 302].

Главной функцией заголовков является привлечение внимания читателя, поэтому авторы стремятся использовать краткость и емкость, сообщая лишь тему изложения и привлекая читателей своей яркостью, оригинальностью. Так, по типу связи с текстом заголовки делятся на однонаправленные и комплексные; в зависимости от информативности – полноинформативные (номинативные, предикативные) и неполноинформативные (пунктирные).

В качестве материала исследования мы использовали информационный интернет-портал о Германии и общественный вещатель «Дойче Велле». Следует отметить, что немецкие заголовки наиболее часто переводятся на русский язык при помощи дословного перевода, членения предложений, объединения предложений и грамматических замен.

Приведем примеры дословного перевода с заменой синтаксической структуры исходного языка (ИЯ) аналогичной структурой переводящего языка (ПЯ): *UNO-Konferenz zur globalen Finanz- und Wirtschaftskrise* – *Конференция ООН по глобальному финансово-экономическому кризису*; *Die Geschichte des Nussknackers* – *История о Щелкунчике*; *Junge Aktivistin kämpft für das Klima* – *Молодая активистка борется за климат*.

Приём членения предложения в силу семантических или стилистических причин можно проследить в следующем примере:

UNO-AIDS-Konferenz ist beendet: Keine Einigung auf konkrete Finanzzusage – Завершилась конференция ООН по борьбе со СПИДом. Согласие о финансировании не достигнуто. Приём объединения предложений наглядно представлен в следующем примере: *Im Streit mit Trump. US-Verteidigungsminister Mattis geht* – Мэттис уходит в отставку из-за разногласий с Трампом.

Нами было отмечено, что при переводе оригинала используются различные грамматические замены без употребления аналогичных грамматических форм в варианте перевода. Обратимся к примерам:

– изменение порядка слов: *Welche Touristen lieben Deutschland besonders?* – Какие туристы **особенно** любят Германию?; *Das Filmjahr 2018 im Rückblick: Bücher über das Kino* – **Обзор** фильмов 2018 года: книги о кино;

– изменение категории числа существительного: *Das Filmjahr 2018 im Rückblick: Bücher über das Kino* – **Обзор фильмов** 2018 года: книги о кино (Sg→Pl);

– изменение части речи: *Aktienteurerer* – **Акции** подорожали (Adj→V).

Следует отметить, что при переводе заголовков часто используют добавление и опущение. Например, приём добавления: *Teilchenphysik: Doppelt exotische Atome* – **Физика элементарных частиц: Двойные экзотические атомы**; *UNO-AIDS-Konferenz ist beendet: Keine Einigung auf konkrete Finanzzusage* – Завершилась конференция ООН **по борьбе** со СПИДом. Согласие о финансировании **не достигнуто**. Приём опущения: *Medizin und Gesundheit: In der Ruhe liegt die Kraft* – **Медицина и здоровье. Сила в спокойствии**; *Im Streit mit Trump. US-Verteidigungsminister Mattis geht* – Мэттис уходит в отставку из-за разногласий с Трампом.

Таким образом, достижение адекватности перевода заголовков с одного языка на другой является главной целью любого переводчика, а использование различных переводческих трансформаций – профессиональная необходимость и залог успешного результата. В процессе работы переводчик применяет различные переводческие трансформации, варьируя от лишь одного конкретного вида до нескольких видов трансформаций сразу.

Литература

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) : учебник / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Влахов С. В. Непереводимое в переводе : учеб. пособие / С. В. Влахов, С. С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1980. – 343 с.

3. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка : учебник / И. Р. Гальперин. – М. : Высш. шк., 1977. – 332 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : ИТИ Технологии ; изд. 4-е, доп., 2006. – 944 с.
5. Наука и окружающая среда [Электронный ресурс] // Общественный вещатель «Дойче Велле». – Режим доступа : <https://www.dw.com/de/themen/wissen-umwelt/s-12296>.
6. Пресса Германии на немецком языке: газеты, журналы на немецком [Электронный ресурс] : информац. интернет-портал о Германии. – Режим доступа : <http://www.de-portal.com/ru/nemezkij-jazyk/pressa-na-nemezkom.html>.

Швец Ю.В.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
Горловка, ДНР)*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (на материале комедии «Один дома»)

Комическое представляет собой философскую категорию, обозначающую культурно оформленное, социально и эстетически значимое смешное. Это достаточно сложное, затрагивающее много аспектов явление. Юмор является наиболее универсальным проявлением комического. Многообразие юмора определяется его присутствием во многих сферах: речевой, графической, поведенческой. Юмор активно рассматривается во многих сферах гуманитарного цикла, таких как: философия, психология, социология, лингвистика и эстетика. Юмор может быть мягким и жёстким, трогательным и печальным, дружеским и грубым, соответственно культурному уровню и эмоциональному тону [2].

В своём исследовании мы учитываем особенности способов перевода кинофильмов, таких как: дублирование, перевод с помощью субтитров, закадровый перевод и синхронный перевод. При использовании дубляжа движение губ актёров соответствует звучанию произносимых фраз на языке перевода. При переводе с помощью субтитров в нижней части экрана зрители видят текст на родном им языке. При использовании закадрового перевода присутствует сопровождение звуковой дорожки на исходном языке и озвучивание на языке перевода. Синхронный перевод характеризуется тем, что слова персонажей озвучиваются в реальности [1].

В нашей работе мы, в частности, рассматриваем стилистические приёмы как средства создания комического эффекта. Под стилистическим приёмом мы понимаем намеренное и сознательное усиление какой-либо типичной структурной и/или семантической черты языковой единицы, достигшее обобщения и типизации и ставшее порождающей моделью. Изучением стилистических приёмов занимались многие лингвисты, в частности, Т.Г. Винокур, И.Р. Гальперин, Ю.М. Скребнев, В.В. Одинцов.

Отметим наиболее частотные стилистические приёмы создания юмора в комедии «Один дома». Так, например, мы наблюдаем, использование иронии как в оригинальных диалогах, так и в переводе, например:

- *Kate, did you by any chance pick up a voltage adapter thing?*
- *No, I didn't have time to do that.*
- *How I'm supposed to shave in France?*
- ***Grow a goatee.***

Существительное *Goatee* обычно переводится как *эспаньолка*, *козлиная борода*; в переводе, правда, используется синоним с более общим семантическим значением:

- *Кейт, ты нашла переходник для европейских розеток?*
- *У меня не было времени на это.*
- *А как же я буду бриться во Франции?*
- ***Отрасти бородку.***

Как в оригинале, так и в переводе сохранён комический смысл высказывания, хотя в оригинале он более выражен.

Следующий стилистический приём, который хотелось бы выделить в качестве средства создания комического эффекта, – это эпитет. В тексте комедии мы нашли следующие примеры: ***crazy family*** – *сумасшедшая семья*, ***top-flight goods*** – *отличные вещи*, ***filthy animal*** – *грязное животное*, ***big horse's ass*** – *лошадиная задница*. Следует отметить, что американский юмор отличается прямоотой и даже грубостью, и нередко основывается на употреблении или сопровождается использованием вульгаризмов и дисфемизмов, которые сохраняются в переводе ради создания необходимого стилистического и прагматического эффекта: ***Maybe I'm off my hinges... but I believe you. That's why I'm gonna let you go. I'm gonna give you till the count of three to get your lousy, lying, low-down, four-flushing carcass out my door!*** – *Да, может быть, я чокнулся... но я верю вам. Поэтому я отпускаю Вас. Я сосчитаю до трёх, чтобы Вы убрали свою мерзкую, притворную, лживую задницу из моего дома.*

Как в оригинале, так и в переводе комический смысл сохранён, но данные высказывания более соответствуют западной культуре [3], так как в русском жаргоне редко используются подобные сочетания.

Как средство создания комического в фильме встречается и нисходящая градация, что наблюдаем в следующей части диалога: *All right, I believe you... but my Tommy gun don't. Get down on your knees and tell me you love me.* – *Хорошо. Я верю вам... Но мой автомат – нет. На колени! И говорите, что любите меня.* В данном примере более комичным является текст оригинала, поскольку в переводе смысл выражения становится более банальным.

Подводя итог, следует отметить, что в комедии «Один дома» используется целый ряд стилистических приёмов, некоторые из которых мы рассмотрели в нашей работе. Интересным является то, что в оригинале и переводе сохраняется смысл выражений практически всегда, и даже если встречаются некоторые различия, то выбор языковых и стилистических средств обоснован, прежде всего, различиями русской и западной культур.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева // Филологические науки. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия. – 2004. – 167 с.
2. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора : дисс. ... д-ра культурол. наук : 24.00.04 / М. А. Кулинич. – М., 2000. – 290 с.
3. Сафир А. В. Американский юмор [Электронный ресурс] / А. В. Сафир. – 2008. – Режим доступа : <http://world.lib.ru/a/alekssafir/amhumor.shtml>.

Юрьева Е.В.

(ГБОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»,
Донецк, ДНР)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЛОГАНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Данное исследование посвящено анализу прагмалингвистических особенностей слогана современной англоязычной социальной рекламы, в том числе в аспекте средств манифестации прагматических параметров слогана в переводах на русский язык.

Знание и понимание специфических характеристик рекламных слоганов дает возможность адекватно их переводить [5]. Адекватным переводом называется перевод, который решает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не предполагая

нарушения норм и узуса языка перевода, соблюдая жанрово-стилистические требования [2, с. 287] и т. д.

Поскольку слоган социальной рекламы, несомненно, можно считать текстом с особым прагматичным потенциалом, для того, чтобы сделать адекватный перевод, переводческий акт должен осуществляться в два этапа.

На первом этапе переводчик выполняет роль реципиента оригинала, пытается изъять всю информацию, которая сообщается. Для выполнения этой задачи он должен опираться на те же фоновые знания, которые имеют «носители» исходного языка, знать культуру, литературу, историю, современную жизнь лингвокультурного сообщества, на языке которого создан слоган-оригинал.

На втором этапе переводчик пытается обеспечить адекватное понимание исходного сообщения адресатом, учитывая то, что последний принадлежит к другому речевому коллективу, обладает другими знаниями и жизненным опытом, имеет иную историю и культуру. В случае, когда эти противоположности могут препятствовать полноценному пониманию исходного сообщения, переводчик ликвидирует эти препятствия, внося в текст перевода необходимые изменения [2, с. 256-257] в виде трансформаций: замены, добавления, перестановки. При этом используются все виды разноуровневых (фонетических, грамматических, лексико-семантических, морфологических, синтаксических) трансформаций: формальные, формально-содержательные и, главное, формально-содержательные с прагматическим компонентом [5, с. 455-471].

Чаще всего при переводе рекламных слоганов переводчик использует такой способ перевода, как лексико-семантические замены. Среди них выделяются конкретизация: *Destiny. Force fate.* – *Управляй судьбой*; генерализация: *Put racism in the right place.* – *Поставьте расиста на место*; модуляция: *Think! Take longer to look for bikes.* – *Осторожно – мотоциклисты!* Кроме этих приемов используются синтаксические уподобления, благодаря которым синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру в языке, на котором делается перевод, например, *Make your influence positive.* – *Сделайте ваше влияние положительным.* Нередко встречается и такой способ перевода, как грамматическая замена, например, замена типа предложения.

Необходимость в обеспечении адекватного понимания сообщения реципиентом перевода может заставить переводчика заменить непонятный элемент исходного сообщения дополнительной информацией. Таким образом, имплицитная информация в оригинале становится эксплицитной в переводе благодаря трансформации (добавлению) [2, с. 259]: *Speeding. No one thinks big of you.* – *Помните, в ваших руках не только руль...!* или такой вариант перевода этого

же слогана, но на другом сайте – *Никто не думает, что ты крутой*. Необходимость объяснения эксплицитной информации требует от переводчика дополнительных знаний и усилий, но лишь при условии создания текста, аналогичного исходному сообщению по художественно-эстетическому воздействию, можно говорить об адекватном воспроизведении коммуникативного эффекта оригинала, а также о том, что основная прагматическая задача перевода выполнена.

Таким образом, перевод рекламного слогана – это сложная задача, которая требует адаптации текста сообщения к социокультурным особенностям аудитории. Адаптация рекламного слогана – это не только перевод слов, но и перевод идей [4], коммуникативных задач, стратегий и тактик. Все эти прагматические компоненты адресант должен донести до адресата.

Итак, текст рекламного слогана определяется рядом особенностей, обусловленных его коммуникативной направленностью как специфического средства социального воздействия. Перевод слогана социальной рекламы требует от адресанта воспроизведения прежде всего прагматического потенциала данного дискурсивного образца. Основным условием сохранения прагматического потенциала слогана социальной рекламы является соблюдение смысловой адекватности текстов оригинала и перевода.

Литература

1. Бобылева Ю. А. Особенности перевода английского рекламного слогана / Ю. А. Бобылева // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: сборник научных статей. – Нижний Новгород : Альба, 2011.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Королько В. Г. Основы публичной речи / В. Г. Королько. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2001. – 528 с.
4. Порческу Г. В. Лингвистические особенности рекламных слоганов и способы их перевода [Электронный ресурс] / Г. В. Порческу // Lingvomaster.ru : [сайт]. – СПб., 2006-2007. – Режим доступа : <http://www.lingvomaster.ru/files/227.pdf>. (07.04.08).
5. Селіванова О. О. Нова типологія перекладацьких трансформацій / О. О. Селіванова // Світ свідомості в мові : збірник наукових пр. – Черкаси : Вид-во Ю. Чабаненко, 2012. – 488 с.

Источник иллюстративного материала

1. Режим доступа: <http://www.ex.ua/ru/video>.

ВЫБОР СПОСОБА ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

**(на материале англоязычных переводов повести
М.А. Булгакова «Собачье сердце»)**

Термин «безэквивалентная лексика» встречается в работах таких лингвистов, как Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Л.С. Бархударов, Я.И. Рецкер, Г.В. Шатков, Г.В. Чернов, А.О. Иванов. Безэквивалентность является противоречивым понятием в переводоведении, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что безэквивалентностью следует считать отсутствие эквивалентов всех или одного из значений лексической единицы в словарном составе языка перевода.

Выделяют следующие виды безэквивалентности:

- 1) вещественную (предмет или явление отсутствует в жизни народа, на язык которого осуществляется перевод);
- 2) лексико-семантическую (отсутствует тождественное понятие, обозначающее предмет или явление объективной действительности);
- 3) стилистическую (наблюдаются различия лексико-стилистических характеристик лексической единицы оригинала и её соответствия в языке перевода) [3, с. 3];
- 4) прагматическую (обусловлена расхождением прагматического значения между соответствующими лексическими единицами исходного и переводящего языков при совпадении их референциального значения) [2, с. 9-10].

В нашем исследовании мы проанализировали два перевода повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на английский язык (переводчики – М. Гленни и А. Пайман) с точки зрения выбора способа перевода безэквивалентной лексики. Опираясь на выводы ряда лингвистов относительно того, что следует включать в понятие безэквивалентной лексики, мы выделили следующие её основные виды в исследуемом произведении:

- 1) имена собственные (*Пречистенка, Неглинный, Сокольники*);
- 2) слова и выражения, обозначающие реалии русской культуры и быта (*отходная, охотный ряд, рубль, солонина, щи, раковые шейки, завхоз*);
- 3) советизмы (*пролетарий, жилтоварищ, культотдел, домком, рабфак, Совет народного хозяйства, столовая нормального питания служащих*);
- 4) архаизмы (*барский, осьмушка, пятиалтынный, червонец*);

5) фразеологизмы (*парадный ход, последнее дело, дежурное блюдо, на любителя, Царство ему небесное*);

6) разговорные слова и выражения (*пятиалтынный, подворотня*).

При передаче имён собственных в вышеуказанном произведении оба переводчика уместно используют преимущественно транслитерацию и экспликацию: *Пречистенка* [1] – *Prechistenka Street* [4] – *Prechistenka* [5]; *Неглинный* [1] – *Neglinny Street* [4] – *Neglinny Alley* [5]; *Сокольники* [1] – *Sokolniki Park* [4] – *Sokolniki Park* [5].

Слова и выражения, обозначающие реалии русской культуры и быта, переводчики передают при помощи транслитерации и переводческой транскрипции (*3 р.75 к.* [1, с. 1] – *3 roubles and 75 kopecks* [4, с. 2; 5, с. 1], описательного перевода (*солонина* [1] – *salt beef* [4] – *salt meat* [5], *щи* [1] – *cabbage soup* [5], *завхоз* [1] – *senior catering officer* [5]), аналогии (*ревёт мне отходную* [1, 1] – *moaning a requiem for me* [4, с. 2]); задействуют семантическую модуляцию (*ревёт мне отходную* [1, с. 1] – *howls at my departing* [5, с. 1] и генерализацию (*завхоз* [1] – *manager* [4]), *раковые шейки* [1, с. 1] – *lobsters* [4, с. 3] – *chocolates* [5, с. 2]. Причём в последнем случае два переводчика, очевидно, по-разному трактуют значение словосочетания *раковые шейки* – как мясистое брюшко раков и как название конфет.

В случае с реалиями советской действительности, переводчики прибегают к калькированию, преимущественно с трансформациями (*совет народного хозяйства* [1] – *the National Economic Council* [4] – *the Council of the People's Economy* [5], *Совета Нормального питания* [1] – *Food Rationing Board* [4] – *the Council of Normative Nourishment* [5]; в обоих примерах перевод М. Гленни является более удачным), транслитерации и переводческой транскрипции, которая преобладает при переводе интернациональных советизмов и имён собственных (*пролетарий* [1] – *proletarian* [4; 5], «*Правда*» – *Prawda* [4]), замене советизма словом, уже существующим в языке перевода и близким по смыслу (*жилтоварищ* – *tenant*), описательному переводу, который раскрывает суть реалии-советизма (*Моссельпром* [1] – *the Moscow State Food Store* [5], *белый билет* [1, с. 26] – *[somebody is] exempt on medical grounds* [4, с. 26]). Иногда переводчики используют одновременно транслитерацию и пояснение в сносках (*Моссельпром* [1, с. 2] – *Mosselprom*⁽²⁾, *Mosselprom* – the Moscow association of industrial enterprises for processing agricultural produce [5, с. 4]).

Для передачи значений устаревших лексических единиц переводчики используют описательный перевод (*осьмушку мяса* [1, с. 1] – *a good eighth of an inch of meat* [4, с. 2]), аналогю (*четыре*

с половиной червонца [1] – 45 roubles [5], осьмушку мяса [1, с. 1] – 50 grammes of meat [5, с. 2]) или нейтральную лексику (*барский повар* [1] – a gentleman's cook [4; 5]).

При переводе фразеологизмов переводчики применяют метод фразеологического аналога (*Царство ему небесное* [1] – God rest his soul [4; 5], *последнее дело* [1] – that's the pits [5]; *Это дело на любителя* [1, с. 1] – An acquired taste [5, с. 1]), описательный перевод (*дежурное блюдо* [1, с. 1] – the chef's special every day [4, с. 2]), а также используют варваризмы в английском языке (*Это дело на любителя* [1, с. 1] – All right for connoisseurs, I suppose. [4, с. 2]; *дежурное блюдо* [1, с. 1] – the plat-du-jour [5, с. 1]). Последнее нам представляется не совсем уместным, если присутствует во внутреннем монологе дворового пса.

Для передачи разговорных слов и выражений переводчики прибегают к полному или частичному описательному переводу (*оба эти блюда и пятиалтынного не стоят* [1, с. 1] – neither of them is worth more than 15 [kopecks] [4, с. 2] – both courses aren't worth more than 15 [kopecks] [5, с. 2]). Нередко случается так, что референтные значения слов в двух языках совпадают, но переводчику не удаётся передать стилистические характеристики и / или прагматическое значение слова, как, например, в случае с разговорным словом *подворотня*, имеющим стилистическую коннотацию: *Бежит в подворотню* [1, с. 1] – running into the doorway [4, с. 2] – running under the archway [5, с. 2]).

Выбор способа перевода безэквивалентной лексики во многом предопределяется её видом, прагматическим значением и тем, насколько иноязычный читатель знаком с реалиями быта и культурой народа-носителя языка оригинального произведения. Стремясь в полной мере передать семантическое значение, стилистические оттенки отдельных лексических единиц и устойчивых словосочетаний, а также дух художественного произведения в целом, переводчик обязательно должен учитывать фоновые знания читателя перевода.

Литература

1. Булгаков М. А. Собачье сердце [Электронный ресурс] / М. А. Булгаков. – Режим доступа : <https://ruwapa.net/book/sobache-serdce-mihail-bulgakov-3775/>. – 11.08.2009.
2. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика / А. О. Иванов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 200 с.
3. Чернов Г. В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык (на материале переводов советской публицистики) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Г. В. Чернов. – 1958. – 14 с.

4. Bulgakov M. A. The heart of a dog [Электронный ресурс] / М. А. Bulgakov ; transl. from the Russ. by Michael Glenney. – Режим доступа : <https://www.masterandmargarita.eu/archieven/tekstenbulgakov/heartdog.pdf>.
5. Bulgakov M. A. The heart of a dog [Электронный ресурс] / М. А. Bulgakov ; transl. from the Russ. by Avril Pyman. – М. : English translation copyright Raduga Publishers, 1990. – 74 p. – Режим доступа : <http://www.arvindguptatoys.com/arvindgupta/29r.pdf>.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андреанова В.В.</i> К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА, СОДЕРЖАЩЕГО РЕАЛИИ	3
<i>Ариничева Е.А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ СИНОНИМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАК КРИТЕРИЙ ОСВОЕННОСТИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале переводов английской литературы XIX века).....	5
<i>Артамонова Е.И.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	7
<i>Артёмов Д.В.</i> ЦЕЛОСТНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	9
<i>Афицкая М.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВИДОВ ДИСКУРСА НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АРТ-ДИСКУРСА И РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ.....	11
<i>Балко М.В.</i> ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СЛАВЯН (на примере переводной агиографической литературы)	13
<i>Башикиров А.С.</i> ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	15
<i>Болотова О.В.</i> LES PARTICULARITÉS PRAGMATIQUES DE LA TRADUCTION	17
<i>Бражско М.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «ВЕЖЛИВОСТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ(на примере стихотворения В. Левина «Учтивый разговор»).....	19
<i>Буряк Е.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНТРОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на примере романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере).....	21
<i>Вдовенко В.С.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭТОНИМОВ В ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	22
<i>Венжик Т.В.</i> «СВОБОДНЫЙ ПЕРЕВОД» БОРИСА ПАСТЕРНАКА	24

<i>Водяницкая А.В.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ “THE CAULD LAD OF HILTON” НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	27
<i>Вострецова В.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА КОМПРЕССИИ ТЕКСТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ	29
<i>Воицков А.С.</i> ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МИФОЛОГЕМ В МУЛЬТИПЛИКАЦИИ	31
<i>Гололобова П.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ “BROWNIE” В ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	34
<i>Горбачук Д.Е.</i> ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАЗДНИКОВ КИТАЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	36
<i>Гриценко Н.А.</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПЕРИФЕРИЙНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ РАЗРЯДОВ ПОЭТОНИМОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (на материале произведения К. Фоллетта «Обратный отсчёт»).....	38
<i>Грицкова Н.В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА	40
<i>Гуляева О.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	42
<i>Дворцова А.Н.</i> ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	44
<i>Донцова А.В.</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОЛОРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ БЕЛЫЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ.....	46
<i>Дяговец К.И.</i> ПРАГМАТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ.....	49
<i>Жбанков Б.П.</i> СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «УСПЕШНОСТЬ».....	52
В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	52

<i>Жиденко Л.А.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ВИД МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	55
<i>Жуков Ю.Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	57
<i>Захарова А.Л.</i> ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД В ЭПОХУ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ	58
<i>Зиборова В.В.</i> ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ О ТРУДЕ	60
<i>Иванова Н.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ	64
<i>Ивахненко М.Н.</i> ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	66
<i>Ильясова Н.И.</i> ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА	68
<i>Казакова Д.В.</i> ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ОШИБКИ. КАЗУСЫ ПЕРЕВОДА В ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	70
<i>Карпенко Д.Э.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР НА РУССКИЙ ЯЗЫК	73
<i>Квач Ю.А.</i> ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	75
<i>Ковалевская К.С.</i> ТОПОНИМ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА.....	77
<i>Коваленко Ю.Э.</i> ТРУДНОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЖАРГОНА ПОДРОСТКОВ РОМАНА Э. БЁРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН» НА РУССКИЙ ЯЗЫК	79
<i>Кондратов Д.И.</i> ПЕРЕДАЧА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РАССКАЗОВ Э.А. ПО	82
<i>Котлярова М.В.</i> СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК	84

<i>Котлярова М.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ, ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	87
<i>Ливенцова В.А.</i> КОМПОНЕНТЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЮРИСТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	89
<i>Литвинов А.Н.</i> КОММУНИКАТИВНАЯ УСТАНОВКА ПЕРЕВОДЧИКА КАК ВАЖНЫЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	93
<i>Лыкова В.Ю.</i> СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА СОВЕТИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце»).....	95
<i>Мазаева В.В.</i> ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ.....	98
<i>Мазурова А.Е.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИФОЛОГЕМ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ТЕКСТЕ.....	100
<i>Махова И.А.</i> ПЕРЕДАЧА СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» НА РУССКИЙ ЯЗЫК	103
<i>Мереникова М.С.</i> К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО- ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ.....	105
<i>Минина Е.В.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПЕРЕДАЧИ ПОЭТОНИМОВ (на материале романа Кена Фоллетта «Гибель гигантов»)	107
<i>Назаренко Ю.Р.</i> ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА «ГОВОРЯЩИХ» ИМЁН В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	109
<i>Некрутенко Е.Б.</i> СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	111
<i>Немыкина Т.Н.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛОГА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПАРЕМИЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА	113

<i>Овчаренко А.И.</i> ЕЩЁ РАЗ «О ЛЮБВИ» (вместо рецензии на статью А.Ю. Бутенко).....	116
<i>Папиж М.В.</i> СЛОВА-РЕАЛИИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ- РЕКЛАМЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ АГЕНТСТВ	118
<i>Пономарёва Т.А.</i> ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЭТИКИ ИОСИФА БРОДСКОГО В ЕГО ПЕРЕВОДАХ.....	120
<i>Радчук А.Ю.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	123
<i>Река О.О.</i> ВОЗМОЖНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПЕРЕДАЧИ СЛОЖНОГО СЛОВА В ПЕРЕВОДЕ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	125
<i>Решетарова А.М.</i> ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПЕРЕВОДНОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале выступлений Дж. Карлина).....	127
<i>Решетарова И.В.</i> ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	130
<i>Рогозовская И.В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ УСТАВНЫХ ДОКУМЕНТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	132
<i>Рочняк А.В.</i> ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ.....	134
<i>Рубан В.П.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОММЕРЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ	136
<i>Санченко Е.Н.</i> СПЕЦИФИКА АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ТЕКСТА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ОБЪЕКТА	139
<i>Селявина А.И.</i> СИНДРОМ ЗОЛУШКИ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	142
<i>Слипченко Д.Н.</i> ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ АВТОРСКОГО СТИЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (на примере произведений Роальда Даля).....	144

<i>Соболева И.А.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	146
<i>Солопова Л.Е.</i> ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ПЕРЕФРАЗИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ТЕКСТА (на материале немецкой сказки)	149
<i>Стецкова Е.И.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ОБХОДА ИНТЕРНЕТ-ЦЕНЗУРЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА	151
<i>Стома С.Д.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	154
<i>Ткачёва Ю.Г.</i> КОМБИНАТОРИКА ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЗАДАЧ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ	157
<i>Туленинова Л.В.</i> ПЕРЕВОД ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЛЕНГА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД	159
<i>Туленко Е.Е.</i> ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИ КОДИРОВАННОГО ПОЭТОНИМИКОНА	161
<i>Фадеева А.А.</i> ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ БЛЮД ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ КУХНИ	163
<i>Фалина Н.А.</i> К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	165
<i>Фефелова В.В.</i> LES CORRESPONDANCES LEXICALES DANS LA TRADUCTION	168
<i>Фёдорова А.А.</i> АНГЛИЙСКИЕ ПРОЗВИЩА В ПЕРЕВОДЕ	170
<i>Филатова В.А.</i> ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ И ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ОШИБКИ (на примере творчества Эдит Несбит)	172
<i>Цыганок Е.А.</i> СПЕЦИФИКА РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	175

<i>Чмырь М.А.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЗООНИМОМ «СОБАКА» В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	177
<i>Чмырь М.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЗАГОЛОВКОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ	180
<i>Швец Ю.В.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (на материале комедии «Один дома»).....	182
<i>Юрьева Е.В.</i> ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЛОГАНА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	184
<i>Ясинецкая Н.А.</i> ВЫБОР СПОСОБА ПЕРЕДАЧИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале англоязычных переводов повести М.А. Булгакова «Собачье сердце»).....	187

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ
В XXI СТОЛЕТИИ

Материалы IV Республиканского научно-практического семинара
с международным участием

Ответственный редактор *И. В. Решетарова*
Технический редактор *А. М. Калашиников*
Компьютерная вёрстка и макетирование *Е. С. Шалыгиной*
Корректоры *В. А. Вострецова, О. Т. Захарова*

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 10.04.2019.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 11,03. Уч.-изд. л. – 12,5.
Усл.-изд. л. – 11,62.
Тираж 100 экз. Зак. № 24.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25